ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

КНЯЗЯ П. А. ВЯЗЕМСКАГО

ТОМЪ XI.

1853—1862 Г.

ИЗДАНІЕ

Графа С. Д. Шереметева.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 2 лин., 7.
1887.

1448

СТИХОТВОРЕНІЯ

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

1853—1862 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича. Спб. Вас. Остр., 2 л., 7
1887.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТРАН.

CDVIII. Масляница на чужой сторонѣ 3
CDIX. Поминки 8
CDX. Графу Д. Н. Блудову 22
CDXI. Витцлебенъ, чудно здѣсь 27
CDXII. Княгинѣ В. А. Голицыной 28
CDXIII. Александрійскій стихъ. 31
CDXIV. Plutôt être que paraître 36
CDXV. Къ Ружью 38
CDXVI. Пѣснь русскаго ратника. 40
CDXVII. Хотя съ заочнымъ поздравленьемъ 42
CDXVIII. Палестина 43
CDXIX. Одно сокровище 48
CDXX. Дрезденъ 52
CDXXI. Бастей. 55
CDXXII. Фрейбергъ 57
CDXXIII. Памятникъ Петру I-му въ Карлсбадѣ 62
CDXXIV. Прага. 63
CDXXV. Зонненштейнъ 65
CDXXVI. Ночью на желѣзной дорогѣ 67
CDXXVII. Венеція 71
CDXXVIII. Ночь въ Венеціи 76
CDXXIX. Къ Венеціи 79
CDXXX. Giardino publico 80
CDXXXI. Венеціянкѣ 81
CDXXXII. Царица красоты. 82
CDXXXIII. Гондола 83
CDXXXIV. Баркароллы 84
CDXXXV. Море 88
CDXXXVI. Рыбакъ 94

СТРАН.

CDXXXVII. Нахимовъ, Бебутовъ 98
CDXXXVIII. 1854 годъ 103
CDXXXIX. Современныя замѣтки 107
CDXL. Дунайскія пѣсни 111
CDXLI. Не помните? 115
CDXLII. Матросская пѣсня 117
CDXLIII. Вотъ мчится тройка удалая 120
CDXLIV. Андрею Карамзину 122
CDXLV. Одесса 124
CDXLVI. Щеголеву 126
CDXLVII. Сознаніе 128
CDXLVIII. 12 іюля 1854 г. 130
CDXLIX. Блюхеръ и Веллингтонъ 134
CDL. Елиза 136
CDLI. Два адмирала 139
CDLII. При ней намъ вѣетъ 143
CDLIII. Ваденскія воспоминанія 145
CDLIV. На берегу Леманскаго озера 147
CDLV. Рябина 154
CDLVI. На болѣзнь принца Наполеона 158
CDLVII. 6 декабря 1854 г. 159
CDLVIII. Мы въ сторонѣ чужой 161
CDLIX. Принцессѣ Ольденбургской 164
CDLX. Мюнхенъ 165
CDLXI. Литературная исповѣдь 166
CDLXII. О Русскій Богъ 173
CDLXIII. 14 января въ Веве 177
CDLXIV. Густыя брови 178
CDLXV. Моя комната въ Веве 180
CDLXVI. Горы подъ снѣгомъ 183
CDLXVII. Прогулка 184
CDLXVIII. Ронъ 186
CDLXIX. Снѣгъ 188
CDLXX. Ненастье 189
CDLXXI. Картина 190
CDLXXII. Горныя вершины 191
CDLXXIII. Англичанкѣ 192
CDLXXIV. Береза 194
CDLXXV. Отъѣздъ 195
CDVXXVI. Дорогою въ Шамуни 197
CDLXXVII. Подъ фирмой 199
CDLXXVIII. 18 февраля и 17 апрѣля 1855 г. 200
CDLXXIX. Императоръ умираетъ 208

СТРАН.

CDLXXX. О матери его. 210
CDLXXXI. Баденъ-Баденъ 212
CDLXXXII. Бѣдный Ротшильдъ. 215
CDLXXXIII. Сицилійская пѣсня 218
CDLXXXIV. На прощанье. 219
CDXXXV. Графу Михаилу Юрьевичу Вьельгорскому 222
CDXXXVI. Эсмеральда 224
CDXXXVII. На церковное строеніе. 231
CDLXXXVIII. Сельская церковь. 234
CDLXXXIX. Царь Горохъ. 237
CDXC. Благополучно я доѣхалъ 240
CDXCI. Ея Императорскому Величеству Государынѣ Императрицѣ Маріи Александровнѣ 241
CDXCII. Дивлюсь всегда. 248
CDXCIII. Киссингенъ 253
CDXCIV. Уныніе. 258
CDXCV. Какъ ни придешь къ нему 260
CDXCVI. Остафьево 262
CDXCVII. Victoria 265
CDXCVIII. Не только царской діадемой 269
CDXCIX. Посвященіе 270
D. Чертогъ твой 271
DI. Очерки Москвы 272
DII. При посылкѣ двухъ моихъ портретовъ. 278
DIII. Къ *** 279
DIV. Слово примиренія 281
DV. А. А. Иванову 284
DVI. На смерть А. А. Иванова 287
DVII. У страха глаза велики. 292
DVIII. Лѣсъ горитъ. 295
DIX. Дорогою 297
DX. Кабы молодость да знала. 299
DXI. Другу Сѣверину. 301
DXII. Карлсбадъ 302
DXIII. Очерки Карлсбада 304
DXIV. Желаніе 308
DXV. Ницца. 313
DXVI. Вечеръ въ Ниццѣ 315
DXVII. Дорогою изъ Ниццы въ Канны 317
DXVIII. Прощаніе съ Ниццою 319
DXIX. Мое мнѣніе о нынѣшней войнѣ 321
DXX Ферней 324
DXXI. Во внутрь блестящаго чертога 327

СТРАН.

DXXII. Благодарность 329
DXXIII. Берлинъ 330
DXXIV. Золотая посредственность. 336
DXXV. Генералъ-фельдмаршалу князю А. И. Барятинскому . 339
DXXVI. Когда у насъ возникнутъ. 342
DXXVII. Для стариковъ я 343
DXXVIII. Послушать вѣкъ нашъ. 344
DXXIX. Деревенскій праздникъ 346
DXXX. Деревенскій праздникъ. 348
DXXXI. Домъ И. И. Дмитріева 350
DXXXII. Ристори 359
DXXXIII. Посланіе къ Д. П. Сѣверину. 362
DXXXIV. Графу Соллогубу 368
DXXXV. Меня за ненависть къ журналамъ. 370
DXXXVI. Отличнымъ вкусомъ . . . . . —
DXXXVII. Не рѣдко намъ—кто жъ не слыхалъ 373
DXXXVIII. Вотъ умеръ во-время Токвиль 374
DXXXIX. Замѣтки 376
DXL. Иному жизнь—одна игрушка. 378
DXLI. Вечеръ. 379
DXLII. Не надо грустныхъ словъ. 381
DXLIII. Битва жизни 383
DXLIV. Романцеро. 385
DXLV. Свободой дорожу 386
DXLVI. Вы гласность любите 389
DXLVII. Царскосельскій садъ зимою 391
DXLVIII. Вкушая бодрую прохладу 394
DXLIX. Годъ новый встрѣтя 397
DL. Кто на людей глядитъ. 399
DLI. Грусть. 400
DLII. Былое 401
DLIII. Горе. 402
DLIV. Осень 404
DLV. Безсонница. 406
DLVI. Друзьямъ 408
DLVII. Тропинка. 409
DLVIII. Зачѣмъ глупцовъ ты задѣваешь. 412
DLIX. Старость 413
DLX. Мужество. 414
DLXI. Смиреніе 415
DLXII. Не тѣмъ трудна житейская задача 416
DLXIII. Кто въ человѣкѣ видитъ дрянь 418
DLXIV. Хорошіе люди 419

СТРАН.

DLXV. Что такъ шумите вы? 426
DLXVI. Намъ кое что еще темно 427
DLXVII. Замѣтки 429
DLXVIII. Идутъ ли въ прокъ дѣла. 432
DLXIX. Своей повадкой неусыпной. 436
DLXX. Герои, славные мужья. 438
DLXXI. Когда Карамзина не стало 439
DLXXII. Попробуй съ рьянымъ неофитомъ 442
DLXXIII. De mortius aut bene, aut nihil 443
DLXXIV. Какъ Байронъ онъ хромаетъ. 444
DLXXV. По мнѣ—онъ просто скучный враль 445
DLXXVI. Глядишь—вдругъ умники. 446
DLXXVII. Съ тѣхъ поръ, какъ упразднили будку 447
DLXXVIII. Вопросъ искусства для искуства. 448
DLXXIX. Послѣдній олимпіецъ 449
DLXXX. Не жди себѣ отъ ближняго пособья. 451
DLXXXI. Замѣтка. 452
DLXXXII. Нѣмецкая природа 456
DLXXXIII. Рейнъ 458
DLXXIV. Къ Риму 462

1853 г.

CCCCVIII.

МАСЛЯНИЦА НА ЧУЖОЙ СТОРОНѢ.

Здравствуй, въ бѣломъ сарафанѣ
Изъ серебряной парчи!
На тебѣ горятъ алмазы,
Словно яркіе лучи.

Ты живительной улыбкой,
Свѣжей прелестью лица
Пробуждаешь къ чувствамъ новымъ
Усыпленныя сердца.

Здравствуй, Русская молодка,
Раскрасавица-душа,
Бѣлоснѣжная лебедка,
Здравствуй, матушка зима!

Изъ-за льдистаго Урала
Какъ сюда ты невзначай,
Какъ, родная, ты попала
Въ бусурманскій этотъ край?

Здѣсь ты, сирая, не дома,
Здѣсь тебѣ не по нутру;
Нѣтъ приличнаго пріема
И народъ не на юру.

Чѣмъ твою мы милость встрѣтимъ?
Какъ задать здѣсь пиръ горой?
Не съумѣть имъ, Нѣмцамъ этимъ,
Поздороваться съ тобой.

Не напрасно дѣдовъ слово
Затвердилъ народный умъ:
„Что для Русскаго здорово,
„То для Нѣмца карачунъ.“

Намъ не страшенъ снѣгъ суровый,
Съ снѣгомъ—батюшка морозъ,
Нашъ природный, нашъ дешевый
Пароходъ и паровозъ.

Ты у насъ краса и слава,
Наша сила и казна,
Наша бодрая забава,
Молодецкая зима!

Скоро масляницы бойкой
Закипитъ широкій пиръ
И блинами и настойкой
Закутитъ крещеный міръ.

Въ честь тебѣ и ей,—Россія,
Православныхъ предковъ дочь,
Строитъ горы ледяныя
И гуляетъ день и ночь:

Игры, братскія попойки,
Настежъ двери и сердца!
Пышутъ бѣшеныя тройки,
Снѣгъ топоча у крыльца.

Вотъ взвились и полетѣли,
Что твой соколъ въ облакахъ!

Красота ямской артели
Возжи ловко сжалъ въ рукахъ.

Въ шапкѣ, въ синемъ полушубкѣ
Такъ и смотритъ молодцомъ,
Погоняетъ закадычныхъ
Свистомъ, ласковымъ словцомъ.

Мать дородная въ шубейкѣ
Важно въ розвальняхъ сидитъ.
Дочка рядомъ въ душегрѣйкѣ
Словно маковъ цвѣтъ горитъ.

Яркой пылью иней сыплетъ
И одежду серебритъ,
А морозъ, лаская, щиплетъ
Нѣжный бархатецъ ланитъ.

И бѣлѣе, и румянѣй,
Дѣва блещетъ красотой,
Какъ алѣетъ на полянѣ
Снѣгъ подъ утренней зарей.

Мчатся вихремъ безъ помѣхи
По полямъ и по рѣкамъ,
Звонко щелкаютъ орѣхи
На веселіе зубкамъ.

Пряникъ, мой однофамилецъ,
Также тутъ не позабытъ;
А нашъ пѣнникъ, нашъ кормилецъ,
Сердце любо веселитъ.

Разгулялись городъ, села,
Загулялись старъ и младъ:
Всѣмъ зима родная гостья,
Каждый масляницѣ радъ.

Нѣтъ конца веселымъ кликамъ,
Пѣснямъ, удали, пирамъ.
Гдѣ тутъ Нѣмцамъ горемыкамъ
Вторить намъ, богатырямъ?

Сани здѣсь—подобной дряни
Не видалъ я на вѣку:
Стыдно сѣсть въ чужія сани
Коренному Русаку.

Нѣтъ, красавица, не мѣсто
Здѣсь тебѣ, не обиходъ:
Снѣгъ здѣсь—рыхленькое тѣсто,
Вялъ морозъ и вялъ народъ.

Чѣмъ почтятъ тебя, сударку?
Развѣ кружкою пивной
Да копѣечной сигаркой,
Да копченой колбасой.

Съ пива только кровь густѣетъ,
Умъ раскиснетъ и лицо;
То ли дѣло какъ прогрѣетъ
Наше рьяное винцо?

Какъ шепнетъ оно въ догадку
Ретивому на ушко,—
Не споетъ, ей-ей, такъ сладко
Хоть бы вдовушка Клико!

Выпьетъ чарку чародѣйку
Забубенный нашъ землякъ:
Жизнь копѣйка!—смерть злодѣйку
Онъ считаетъ за пустякъ.

Нѣмецъ къ мудрецамъ причисленъ,
Нѣмецъ дока для всего,

Нѣмецъ такъ глубокомысленъ,
Что провалишься въ него.

Но по нашему покрою
Если Нѣмца взять врасплохъ,
А особенно зимою,—
Нѣмецъ, воля ваша, плохъ!

CCCCIX.

ПОМИНКИ.

1. Языковъ.

Ты, душой не ослабѣвшій
Подъ болѣзненнымъ ярмомъ,
Ты сверкавшій, ты гремѣвшій
Огнедышущимъ стихомъ.

Складкой русской, краской мѣстной
Ты поэтъ нашъ коренной!
Пушкинъ былъ отецъ твой крестный,
А Державинъ прадѣдъ твой.

Грустный узникъ на чужбинѣ,
Русскій дѣдовскихъ временъ,
Ты рвался къ родной святынѣ
Изъ удушья чуждыхъ стѣнъ.

Въ степь рвался, гдѣ Русью вѣетъ,
Гдѣ шумитъ сосновый боръ,
Гдѣ ласкаетъ, душу грѣетъ
Кровныхъ братьевъ разговоръ.

Тамъ, гдѣ виноградникъ вьется,
Блещетъ неба синій сводъ,
Тамъ, гдѣ Рейнъ зеленый льется,
Отражая въ лонѣ водъ

Замки древности глубокой,
Горъ и стѣнъ зубчатыхъ высь,
Внизъ по Волгѣ по широкой
Сны и пѣснь твои неслись.

Хохотъ твой добросердечный,
Простодушье дѣтскихъ дней,
Умъ свободный, нравъ безпечный
Были радостью друзей.

Сохранившій до кончины
Къ пѣснямъ свѣжую любовь,
Удаль русской братовщины
И студенческую кровь.

Соблюдавшій предковъ нравы,
Трезвый постникъ по нуждѣ,
Ты любилъ пиры, забавы,
Самъ же сидя на водѣ.

И съ радушьемъ старобытнымъ,
Замогильный хлѣбосолъ,
Ты друзей къ поминкамъ сытнымъ
Созвалъ за посмертный столъ.

Исполать тебѣ, дружище,
Не поддался ты судьбѣ,
И въ душахъ и надъ могилой
Память вѣчная тебѣ!

2. Гоголь.

Ты, загадкой своенравной
Промелькнувшій на землѣ,
Пересмѣшникъ нашъ забавный
Съ думой скорби на челѣ.

Гамлетъ нашъ! Смѣсь слезъ и смѣха,
Внѣшній смѣхъ и тайный плачъ,
Ты, несчастный отъ успѣха,
Какъ другой отъ неудачъ.

Обожатель и страдалецъ
Славы ласковой къ тебѣ,
Жизни труженикъ, скиталецъ
Съ бурей внутренней въ борьбѣ!

Духомъ схимникъ сокрушенный,
А перомъ Аристофанъ,
Врачъ и бичъ ожесточенный
Нашихъ немощей и ранъ.

Но къ друзьямъ, но къ скорбнымъ братьямъ
Полный нѣжной теплоты!
Умъ, открытый всѣмъ понятьямъ,
Всѣмъ залетнымъ снамъ мечты.

Жрецъ искусству посвященный,
Жрецъ высокаго всего,
Такъ внезапно похищенный
Отъ служенья своего!

Въ немъ еще созданья зрѣли:
Смерть созрѣть имъ не дала!
Не достигнувшая цѣли
Пала смѣлая стрѣла.

Тѣнью смертнаго покрова
Думъ затмилась красота:
Окончательнаго слова
Не промолвили уста.

Жизнь твоя была загадкой,
Намъ загадкой смерть твоя,
Но успѣлъ ты, въ жизни краткой,
Даръ и подвигъ бытія

Оправдать трудомъ и жертвой;
Не щадя духовныхъ силъ,
Въ суетахъ, въ ихъ почвѣ мертвой
Ты таланта не зарылъ.

Не алкалъ ты славы ложной,
Не вымаливалъ похвалъ—
Думой скорбной и тревожной
Высшей цѣли ты искалъ.

И порокамъ и нечестью
Обличительнымъ перомъ
Былъ ты карой, грозной местью
Предъ общественнымъ судомъ.

Теплымъ словомъ убѣжденья
Пробуждалъ ты мудрый страхъ,
Святость слезъ и умиленье
Въ облѣнившихся душахъ.

Не погибнетъ—вѣрной мздою
Плодъ воздастъ въ урочный часъ,
Добрый сѣятель, тобою
Сѣмя брошенное въ насъ.

3. Жуковскій.

Ты, нашъ лебедь величавый,
Утро, полдень и закатъ
Совершившій въ блескѣ славы,
Лучшій другъ и старшій братъ!

Ты, Карамзина наслѣдникъ,
Тотъ же отрокъ и мудрецъ,
Рѣчью—благопроповѣдникъ,
Жизнью—благообразецъ.

Арзамасская Свѣтлана
И прозваньемъ и душой,
Средь волненій, средь тумана....

Горній лучъ, златая лира,
Дабы духъ нашъ не угасъ,
Съ ликовъ ангельскаго міра
Долетѣвшіе до насъ.

4. Дельвигъ.

Розъ и лилій бѣлоснѣжныхъ
Ты не много вплелъ въ вѣнокъ,
И не много звуковъ нѣжныхъ
Ты изъ лирныхъ струнъ извлекъ.

Но тѣмъ пѣснямъ сладкогласнымъ
Отголосокъ въ сердцѣ есть,
Но цвѣтамъ твоимъ прекраснымъ
Въ тьмѣ забвенья не отцвѣсть.

Еслибъ ты въ странахъ Эллады
Къ жизни призванъ былъ судьбой,
Поэтической пленды.....

Подъ лазурнымъ небосклономъ
Въ царствѣ солнца и мечты,
Съ старикомъ Анакреономъ,
Съ Ѳеокритомъ пѣлъ бы ты.

Но не зналъ ты этой нѣги,
И младенца колыбель
Засыпали бѣлы снѣги
И баюкала мятель.

Въ наши сѣверныя ночи,
Гдѣ, подъ мракомъ зимнихъ тучъ,
Молодыхъ красавицъ очи
Затемняютъ солнца лучъ,

Ты, на зло природѣ гнѣвной,
Посидѣлкамъ юныхъ дѣвъ
Посвящалъ свой задушевный
Заунывный свой напѣвъ.

Пѣснь изъ устъ красавицъ льется,
Дружно вторятъ ей сердца,
И подъ ними тайно вьется
Тѣнь любимаго пѣвца.

5. Алексѣй Перовскій.

Мой товарищъ, спутникъ милый,
На младомъ разсвѣтѣ дня,
Съ кѣмъ испытывалъ я силы
Жизни новой для меня.

Какъ-то, встрѣчею случайной,
Мы столкнулись въ добрый часъ,
И сочувствій связью тайной
Породнились души въ насъ.

Мы съ тобою обновили
Свѣжихъ радостей вѣнокъ,
Вмѣстѣ вплавь мы переплыли
Быстрый младости потокъ.

Время младости и счастья,
Лучезарная пора,.....
День безъ тѣней, безъ ненастья,
День безъ завтра и вчера!

Мигъ одинъ, но всеобъятный,
Мигъ чудесный, сердца май!
Ты улыбкой благодатной
Претворяешь землю въ рай.

Не зерцало-ль міръ нашъ внѣшній
Міра внутренняго въ насъ?
Міръ цвѣтетъ, пока день вешній
Въ сердцѣ нашемъ не погасъ.

Но затмится-ль, міръ остынетъ,
Все впадетъ въ глубокій сонъ,
И разсудокъ тѣнь накинетъ
На холодный небосклонъ.

Безъ оглядки и волненья
Тратимъ зрѣлые года,
Время строгаго мышленья
И заботы и труда.

Но дни юности крылатой
Оставляютъ грустный слѣдъ:

Мы скорбимъ надъ ихъ утратой
И средь счастья и средь бѣдъ.

И подъ холодомъ суровымъ
Увядающихъ годовъ,
Чуждыхъ обольщеньямъ новымъ,
Чуждыхъ блеску милыхъ словъ.

Призракъ ихъ еще волнуетъ:
Возвращаясь къ днямъ былымъ,
Сердце ноетъ и тоскуетъ
По тревогамъ молодымъ....

Берега студеной Камы,
Оживая предо мной,
Выступаютъ какъ изъ рамы
Съ ихъ безцвѣтной наготой.

Сводъ небесъ свинцово-темный,
Область вьюгъ и непогодъ,
Городъ тихій, городъ скромный,
Въ царство злата бѣдный входъ.

Равнодушьемъ хладнымъ свѣта
(Лавръ—обманчивая цѣль!)
Позабытаго поэта
Мерзлякова колыбель

Пермь съ радушіемъ и лаской
Встрѣтитъ насъ, младыхъ гостей,
Чудной пѣснью, чудной сказкой,
Въ блескѣ радужныхъ лучей.

Тамъ зарницей скоротечной
Развивались наши дни
И на памяти сердечной
Отпечатались они.

Съ той порою златокрылой,
Съ той желѣзной стороной
Неразрывно, другъ мой милый,
Сочетался образъ твой.

Тайныхъ чувствъ моихъ наперсникъ,
Часто колкій судія!
По лѣтамъ я былъ твой сверстникъ,
А по разуму—дитя.

Странствій сердца Одиссею
Тамъ я началъ при тебѣ,
Тамъ нашелъ свою цирцею
И поддался ворожбѣ.

Пермь, Казань, преданій тайныхъ
Сердцу памятникъ живой,
Встрѣчъ сердечныхъ, бурь случайныхъ,
Такъ легко игравшихъ мной.

Вы свидѣтелями были,
Въ васъ—и помните ли вы? —
Я моей сердечной были
Издалъ первыя главы.

И пока богинямъ Камы,
Волги, Клязьмы и Оки
Воздвигалъ я ѳиміамы
И къ ногамъ бросалъ вѣнки,

Охраняя умъ свой здравый
Отъ припадковъ сродныхъ мнѣ
Лицъ, обычаи и нравы,
Ты слѣдилъ наединѣ.

Вопрошалъ ты бытъ губерній,
Ихъ причуды, суеты,

И умѣлъ изъ этихъ терній
Вызвать свѣжіе цвѣты.

И тебѣ и намъ въ то время
Тайной всѣмъ былъ твой удѣлъ;
Но уже таилось сѣмя,
Но въ тебѣ художникъ зрѣлъ.

И призванію послушный,
Карандашъ твой изучалъ
Монастырки простодушной
Миловидный идеалъ.

6. Пушкинъ.

Поэтической дружины
Смѣлый вождь и исполинъ!
Съ дѣтства твой полетъ орлиный
Достигалъ крутыхъ вершинъ.

Помню я младую братью,
Милый цвѣтъ грядущихъ дней:
Отрокъ съ огненной печатью,
Съ тайнымъ заревомъ лучей,

Вдохновенья и призванья
На пророческомъ челѣ,
Полномъ думы и мечтанья
Крыльевъ нашихъ на землѣ.

Вѣщій отрокъ, отрокъ славы,
Отдѣлившись отъ другихъ,
Хладно смотритъ на забавы
Шумныхъ сверстниковъ своихъ.

Но гроза зажжетъ ли блескомъ
Почернѣвшій неба сводъ,
Волны-ль однозвучнымъ плескомъ
Пробудятся въ лонѣ водъ;

Вѣтромъ тронутый, тоскуя
Запоетъ ли темный лѣсъ,
Какъ Мемнонова статуя
Подъ златымъ лучемъ небесъ;

За вѣтвистою палаткой
Соловей ли въ тьмѣ ночной,
Съ свѣжей нѣгой, съ грустью сладкой,
Изливаетъ говоръ свой;

Взоръ красавицы ль случайно
Нѣжно проскользнетъ на немъ, —
Сердце разгорится тайно
Преждевременнымъ огнемъ;

Чуткій отрокъ затрепещетъ,
Молча сердце дастъ отвѣтъ,
И въ младыхъ глазахъ заблещетъ
Поэтическій разсвѣтъ.

Тамъ, гдѣ Царскосельскихъ сѣней
Сумракъ манитъ въ знойный день,
Гдѣ надъ роемъ славнымъ тѣней
Вьется царственная тѣнь;

Гдѣ владычица полміра
И владычица сердецъ,
Притаивъ на лонѣ мира
Ослѣпительный вѣнецъ,

Отрѣшась отъ пышной скуки
И тщеславья не любя,

Умъ, искусства и науки
Угощала у себя;

Гдѣ являлась не царящей
Предъ восторженнымъ пѣвцомъ,
А безсмертною Фелицей
И державнымъ мудрецомъ.

Гдѣ въ мѣстахъ, любимыхъ ею,
Память такъ о ней жива
И дней славныхъ эпопею
Внукамъ предаетъ молва,

Тамъ таинственные громы,
Словно битвъ далекихъ гулъ,
Повторяютъ намъ знакомый
Окликъ: Чесма и Кагулъ.

Той эпохи величавой
Блескъ еще тамъ не потухъ
И поэзіей и славой
Все питало юный духъ.

Тамъ поэтъ въ родной стихіи
Стихъ златой свой закалилъ,
И для славы и Россіи
Онъ расцвѣлъ въ избыткѣ силъ.

Вѣкъ блестящій, пережившій,
Пережившій самъ себя,
Взоръ, отъ лѣтъ полуостывшій,
Славу юную любя,

На преемникѣ цвѣтущемъ
Старецъ-Бардъ остановилъ,
О себѣ вздохнувъ,—въ грядущемъ
Онъ пѣвца благословилъ.

Брата обнялъ въ немъ Жуковскій,
И съ сочувствіемъ роднымъ,
Съ властью, нѣжностью отцовской
Карамзинъ слѣдитъ за нимъ.....

Какъ прекрасно надъ тобою
Утро жизни расцвѣло;
Раннимъ лавромъ, взятымъ съ бою
Ты обвилъ свое чело.

Свѣтъ холодный, равнодушный
Былъ тобою пробужденъ,
И волшебнику послушный,
За тобой увлекся онъ.

Предъ тобой соблазны пѣли
Уловляя въ плѣнъ сѣтей,
И въ младой груди кипѣли
Страсти Африки твоей.

Ты съ отвагою безумной
Устремился въ быстроту,
Жизнью бурной, жизнью шумной
Ты пробился сквозь волну.

Но души не опозорилъ;
Бурь житейскихъ мутный валъ
За тебя твой геній спорилъ
И святыню отстоялъ.

Отъ паденья жрецъ духовный,
Думъ и творчества залогъ —
Пламень чистый и верховный —
Ты въ душѣ своей сберегъ.

Все яснѣй, все безмятежнѣй
Развивался свѣтъ въ тебѣ

И все строже, все прилежнѣй
Съ обольщеньями въ борьбѣ.

На таинственныхъ скрижаляхъ
Повѣстъ сердца ты читалъ,
Въ радостяхъ его, въ печаляхъ
Вдохновеній ты искалъ.

Ты внималъ живымъ глаголамъ
Поучительныхъ вѣковъ
Чуждый распрямъ и расколамъ...

CCCCX.

ГРАФУ Д. Н. БЛУДОВУ.

Друзья! вы помните-ль осьмое января,
По милой старинѣ веселыя поминки?
И прозу и стихи той пестрой вечеринки,
Гдѣ словно въ зеркалѣ волшебномъ фонаря
Скользили мимо насъ и быль, и небылица,
Давно минувшихъ лѣтъ дѣла, преданья, лица,
Живой калейдоскопъ, заморскій міръ и Русь,
И сердцу дорогой нашъ Арзамасскій гусь?
Воспоминаніе, двойникъ того что было,
Отъ жатвы времени сей уцѣлѣвшій цвѣтъ,
Въ насъ память старило и сердце молодило,
Съ вечернимъ сумракомъ сливая дня разсвѣтъ.
Тутъ старость—съ юностью, сегодня—съ днемъ вчерашнимъ,
Съ Димитріемъ Донскимъ—горячій Бригадиръ,
Родные и друзья предъ очагомъ домашнимъ
Справляли безъ чиновъ полустолѣтній пиръ,
Въ признательность и въ честь сановнику и другу
За то, что рядомъ велъ онъ съ службою—заслугу,
Умъ—съ сердцемъ, съ счастьемъ—честь, отличье—съ простотой,

Дѣла—съ любезностью и колкость—съ добротой.
Поутру зиждетъ сводъ онъ въ храминѣ законовъ,
А вечеромъ—душа пріятельскихъ салоновъ.
Блестящій образецъ той вѣжливой поры,
Когда уживчивость была ума порукой,
Съ вниманьемъ свѣтъ цѣнилъ любезности дары,
И люди межъ собой не щеголяли скукой,
И умникъ, чтобъ попасть въ угодники молвы,
Не корчилъ дикаго и не просился въ львы.
Вы помните-ль, друзья, какъ въ этотъ вечеръ милый
Мы, Несторы, другой эпохи старожилы,
Предъ племенемъ младымъ сочувствій не стыдясь,
Скрѣпляли двухъ эпохъ разорванную связь?
Умолкшихъ голосовъ мы были вѣрнымъ эхомъ,
Забытой старины вскрывали уголокъ
И съ нами молодежь смѣялась старымъ смѣхомъ
И лавры старые вплетала въ свой вѣнокъ.
Но славѣ-ль устарѣть? Нѣтъ, лавры вѣчно юны.
Талантъ,—будь въ гробѣ онъ,—все тотъ же властелинъ,
Какъ истина одна, такъ къ ней и путь одинъ,
И страсти въ насъ однѣ и тѣ же сердца струны
Звучатъ, что нѣкогда звучали и до насъ.
Вся тайна: пробудить въ нихъ свѣжія созвучья,
Природу сочетать съ искусствомъ въ добрый часъ
И вызывать слезу на повѣсть злополучья,
Иль сердца чистый смѣхъ при глупостяхъ людскихъ,
Давно изношенныхъ и заново смѣшныхъ.
Людей смѣняются и гибнутъ поколѣнья,
У каждаго свои заботы, заблужденья,
Вѣкъ каждый что нибудь да новое изрекъ;
Но человѣкъ всегда все тотъ же человѣкъ.
Творенья смѣлый царь и вмѣстѣ рабъ щедушный,
Онъ въ областяхъ земной и водной, и воздушной
Могъ силы новыя къ стихіямъ примѣнить,
Но сердца новаго ему не сочинить.
Промышленности вѣкъ, сей Бріарей сторукій,

Весь міръ перевернулъ могуществомъ науки;
Онъ строитъ чудеса ударомъ знойныхъ крылъ,
А внутренній нашъ міръ остался тѣмъ, что былъ.

За духомъ времени и за парами слѣдомъ,
Занесся вотъ и я высокопарнымъ бредомъ,
Быть можетъ въ скуку вамъ, а прочимъ на показъ;
Простите, виноватъ! Впередъ не буду. Разъ
Промолвиться не грѣхъ: другіе врутъ и хуже;
Ихъ назовете вы и безъ меня. Къ тому-же
Давно уже сказалъ какой-то умный шутъ,
Что пошлины съ вранья въ Россіи не берутъ.

Въ бездонной пропасти два года потонули
Съ тѣхъ поръ, какъ Арзамасъ мы дружно помянули,
Вамъ памятно-ль? а я такъ помню все и всѣхъ:
Робронъ Совѣтницы и фижмы Бригадирши,
И даже помню я мои плохія вирши—
И съ грустью пополамъ мнѣ памятенъ тотъ смѣхъ.

Оторванный судьбой отъ милаго мнѣ круга,
Съ тѣхъ поръ я жертвою упорнаго недуга
Скитался, дань платилъ аптекамъ и врачамъ
И злой безсонницей томился по ночамъ.
Я выхлебалъ до дна латинской кухни кашу,
До дна я осушилъ страданій горькихъ чашу,
И вмѣсто сценъ родныхъ осьмаго января,
Въ Парижѣ я засталъ второе декабря.
Тутъ любоваться могъ явленьями другими:
Бивачные огни подъ окнами моими;
Народной бури вой ошеломилъ меня:
На улицахъ стрѣльба, пальба, въ домахъ рѣзня;
Убійства зодчіе возносятъ барикады
И нѣтъ ни возрасту, ни полу нѣтъ пощады:
Старикъ-ли, женщина-ль, дитя-ли,—въ грозный день,
Безумному свинцу все вѣрная мишень;

Свирѣпство воиновъ, свирѣпство черни злобной,
Всѣ ужасы, весь адъ войны междоусобной!
По мокрой мостовой нога въ крови скользитъ,
Вотъ домъ какъ рѣшето подъ ядрами сквозитъ;
Вездѣ слѣды убійствъ, неистовствъ, разрушенья!
Пируетъ варварство во имя просвѣщенья,
Во имя равенства, свободы и любви—
Вражда во всѣхъ сердцахъ и руки всѣ въ крови.
Вотъ новый эпилогъ, но вѣрно не послѣдній,
А съ продолженьемъ впредь,—кровавой этой бредни,
Которую давно затѣяли отцы
И съ дуру дѣти ихъ, надменные слѣпцы,
Освистанныхъ отцовъ освистанное племя,
Разыгрываютъ вновь въ наслѣдственномъ бреду!
Не образумитъ ихъ ни опытность, ни время;
Ихъ совѣсть не пройметъ, въ нихъ мѣста нѣтъ стыду!
Вотъ образованность великаго народа,
Который самъ себя великимъ возгласилъ!
Вотъ цвѣтъ ума его, плоды духовныхъ силъ
Лже-просвѣщеніе, лже-мудрость, лже-свобода,
Наслѣдіе отцовъ потомству,—майоратъ,
Который перейдетъ сохранно до внучатъ!
Умъ выдыхается, но глупости могучи —
И чѣмъ они глупѣй, тѣмъ болѣе живучи.

Но слово за словомъ, замѣтить мнѣ пора,
Я снова заношусь порывами пера.
Чтобъ обуздать его задорные пріемы,
Чтобъ съ нимъ не залетать въ высокія хоромы, —
Какъ началъ, кончу я поминкомъ старинѣ,
Всѣмъ милымъ и всему, чѣмъ жили мы когда-то.
Пусть время рушитъ все; въ сердечной глубинѣ
Былому мѣсто есть и это мѣсто свято.
Вамъ, юношамъ,—мечты обширный небосклонъ,
Воздушныхъ замковъ блескъ и смѣлыя желанья.
Намъ, близкимъ къ рубежу, познавшимъ дней урокъ,

Въ тѣни минувшаго намъ тихія преданья!
Когда нашъ меркнетъ день и лучъ надеждъ погасъ,
Воспоминаніе еще чаруетъ насъ;
Намъ свѣтится оно въ сердечной нашей кельѣ,
Какъ вѣчно-юный перлъ въ старинномъ ожерельѣ.

CCCCXI.

Витцлебенъ, чудно здѣсь твой смѣлый карандашъ
Природу превзошелъ ей въ подражаньи близкомъ.
За старый подлинникъ и пфеннига не дашь,
А всѣ любуются твоимъ удачнымъ спискомъ.

CCCCXII.

КНЯГИНѢ В. А. ГОЛИЦЫНОЙ.

Поздравить съ Пасхой васъ спѣшу я,
И вмѣсто краснаго яйца
Портретъ курносаго слѣпца
Я къ вашимъ ножкамъ, ихъ цѣлуя,
Съ моимъ почтеньемъ приношу
И васъ принять его прошу.
Гостинецъ мой не очень сладокъ
Боюсь, увидя образъ мой
Вы скажите: „куда ты гадокъ,
Любезнѣйшій голубчикъ мой!
Охота-жъ и куда не кстати
Съ такою рожею дрянной
Себя выказывать въ печати!“
Чухонскій, Греческій ли носъ
Мнѣ влѣпленъ былъ,—не въ томъ вопросъ.
Глаза ли мнѣ, иль просто щели
Судьбы благія провертѣли—
И до того мнѣ дѣла нѣтъ!
Но, если скажетъ мой портретъ,
Что я вамъ преданъ всей душою,
Что каждый день и каждый часъ
Молю, съ надеждой и тоскою,

Чтобъ вашъ хранитель—Ангелъ спасъ
Васъ отъ недуга и отъ скуки
Сидѣть и ждать поджавши руки,
Сегодня также какъ вчера,
Когда помогутъ доктора;
Что я молю, чтобы съ весною
Опять Босфорской красотою
Къ здоровью, къ радостямъ земли
Вы благодатно расцвѣли;
Молю, чтобъ къ Золотому Рогу
Вамъ случай вновь открылъ дорогу,
Чтобъ любоваться вновь могли
Небесъ прозрачныхъ яркимъ блескомъ
И нѣгой упоеннымъ днемъ
Тамъ, гдѣ въ сіяньи голубомъ
Пестрѣютъ чуднымъ арабескомъ —
Горъ разноцвѣтныхъ шишаки,
Султановъ пышныя жилища,
Сады, кіоски и кладбища,
И минаретные штыки.
Тамъ предъ Эюбомъ живописнымъ
Вѣнчаясь, лѣсомъ кипарисным,
Картина чудной красоты
Свои раскинула узоры:
И въ нѣгѣ цѣпенѣютъ взоры
И на душу летятъ мечты,
Тамъ—какъ ваянья гробовыя
И неподвижно и безъ словъ,
Накинувъ на себя покровъ
Сидятъ Турчанки молодыя
На камняхъ имъ родныхъ гробовъ
Волшебный край! Шехеразады
Живая, сказочная ночь!
Дремоты сердца и услады
Тамъ умъ не въ силахъ превозмочь.
Тамъ вѣчно свѣжи сновидѣнья,

Живешь безъ цѣли, на обумъ,
И засыпаютъ сномъ забвенья
Дней прежнихъ суетность и шумъ.
Когда все то портретъ вамъ скажетъ,
Меня чрезмѣрно онъ обяжетъ,
И я тогда скажу не ложь:
Что списокъ съ подлинникомъ схожъ.

CCCCXIII.

АЛЕКСАНДРІЙСКІЙ СТИХЪ.

А стихъ Александрійскій?..
Ужъ не его ль себѣ я залучу?
Извилистый, проворный, длинный, склизкій
И съ жаломъ даже, точная змія;
Мнѣ кажется, что съ нимъ управлюсь я.

Пушкинъ. Домикъ въ Коломнѣ.

Я признаюсь, люблю мой стихъ Александрійскій,
Ложится хорошо въ него языкъ Россійскій,
Глаголъ нашъ великанъ плечистый и съ брюшкомъ,
Неповоротливый, тяжелый на подъемъ,
И руки что шесты, и ноги что ходули,
Въ тѣлодвиженіяхъ неловкій. На ходу-ли,
Пядь полновѣсную какъ въ землю вдавитъ онъ,
Подумаешь, что тутъ прохаживался слонъ.
А если пропустить слона иль бегемота,
То настежь растворяй широкія ворота:
Въ калитку не пройдетъ: не дозволяетъ чинъ.
Иному слову ростъ безъ малаго въ аршинъ;
Тутъ какъ ни гни его рукою расторопной,
Но все-же не вогнешь въ вашъ стихъ четверостопной.
А въ нашемъ словарѣ не много-ль словъ такихъ,
Которыхъ не свезетъ и шестистопный стихъ?
На усѣченье словъ теперь пошла опала:

Съ другими прочими и эта вольность пала.
Въ златой поэтовъ вѣкъ, въ блаженные года,
Отцы въ подстрижкѣ словъ не вѣдали стыда.
Херасковъ и Княжнинъ, Петровъ и Богдановичъ,
Державинъ, Дмитріевъ и самъ Василій Львовичъ,
Какъ строго ни хранилъ классическій уставъ,
Не клали подъ сукно поэту данныхъ правъ.
Съ словами не чинясь, такъ поступали просто
И Шекспиръ и Клопштóкъ, Камоэнсъ, Аріосто
И отъ того ихъ стихъ не хуже—видитъ Богъ,—
Что здѣсь и тамъ они отсѣкли лишній слогъ.
Свободой дорожа, разумное ихъ племя
Не измѣнило имъ и въ нынѣшнее время.
Но мы, имъ вопреки, неволей дорожимъ:
Надъ каждой буквой мы трясемся и корпимъ
И отвергая сплошь наслѣдственныя льготы,
Изъ слова не хотимъ пожертвовать іоты.
А въ пѣсняхъ старины, въ сихъ свѣжихъ и живыхъ
Преданьяхъ, въ отзывахъ сочувствій намъ родныхъ,
Гдѣ звучно врѣзались нашъ духъ и складъ народный,
Гдѣ изливается душа струей свободной,
Что птица Божія,—свободные пѣвцы
Счастливой вольности намъ дали образцы.
Ихъ бросивъ, отдались мы чопорнымъ Французамъ
И предали себя чужеязычнымъ узамъ.
На музу Русскую, полей привольныхъ дочь,
Чтобъ красотѣ ея искусственно помочь,
Надѣли мы корсетъ и оковали въ цѣпи
Ее, свободную, какъ вѣтръ свободной степи.
Святая старина! и то сказать, тогда,
Законодатели и дóма господа,
Не вѣдали пѣвцы журнальныхъ гогъ-магоговъ;
Имъ не страшна была указка педагоговъ,
Которые, другимъ указывая путь,
Не въ силахъ за порогъ ногой перешагнуть
И сидя на своемъ подмосткѣ, всенародно

Многоглагольствуютъ обильно и безплодно.
Какъ-бы то ни было, но съ нашимъ словаремъ
Александрійскій стихъ съ своимъ шестерикомъ
Для громоздкихъ поклажъ не лишняя упряжка
И то еще порой онъ охаетъ, бѣдняжка,
И если бы къ нему на выручку подъ часъ,
Хоть пару или двѣ имѣть еще въ запасъ,
(Какъ на крутыхъ горахъ волами на подмогу
Вывозятъ экипажъ на ровную дорогу),
Не знаю какъ другимъ, которыхъ боекъ стихъ
И вывезть мысль готовъ безъ нужды въ подставныхъ, —
Но стихоплетамъ, намъ изъ дюжиннаго круга,
Въ сихъ припряжныхъ волахъ подъ стать была-бъ услуга.
Извѣстно: въ старину россійскій грекофилъ
Гекзаметръ древняго покроя обновилъ,
Но сглазилъ самъ его злосчастный Третьяковскій;
Тамъ Гнѣдичъ въ ходъ пустилъ и въ честь возвелъ Жуковскій.
Конечно, этотъ стихъ на прочихъ не похожъ:
Онъ помѣстителенъ, гостепріименъ то-жъ
И многія слова, величиной съ Ѳедору,
Находятъ въ немъ пріютъ, благодаря простору.
Битвъ прежнихъ не хочу поднять и шумъ и пыль;
Ужъ въ общинѣ стиховъ гекзаметръ не бобыль;
Уваровъ за него сражался въ полѣ чистомъ
И съ блескомъ одержалъ побѣду надъ Капнистомъ.
Подъ бойкой стычкой ихъ, (дошелъ до насъ разсказъ)
Бесѣда, царство сна, проснулась въ первый разъ.
Я знаю, что о томъ давно ужъ споры стихли.
А все-таки спрошу: гекзаметръ полно стихъ-ли?
Тѣнь милая! прости, что дерзко и шутя,
Твоихъ преклонныхъ лѣтъ любимое дитя
Злословлю. Но не твой гекзаметръ, сердцу милый,
Пытаюсь уколоть я эпиграммой хилой.
Гекзаметръ твой люблю читать и величать,
Какъ все, на чемъ горитъ руки твоей печать.
Особенно люблю, когда съ слѣпцомъ всезрячимъ

Отважно на моряхъ ты, по слѣдамъ горячимъ
Улисса, странствуешь и кормчій твой Омиръ
Въ гекзаметрахъ твоихъ насъ вводитъ въ новый міръ.
Тамъ свѣжей древностью и жизнью первобытной
Съ природой заодно, въ сѣни ея защитной
Все дышетъ и цвѣтетъ въ спокойной красотѣ.
Искусства не видать: искусство въ простотѣ;
Гекзаметру во слѣдъ—гекзаметръ жизнью полный.
Такъ въ полноводіе рѣки широкой волны
Свободно катятся и береговъ краса,
И вѣчной прелестью младыя небеса
Рисуются въ стеклѣ прозрачности прохладной.
Не налюбуешься картиной ненаглядной,
Наслушаться нельзя поэзіи твоей.
Міръ внѣшней красоты, міръ внутреннихъ страстей,
Рой помысловъ благихъ и помысловъ порочныхъ,
Дѣйствительность и сны видѣній, намъ заочныхъ,
Изъ области мечты привѣтный блескъ и вѣсть,
Вся жизнь какъ есть она, весь человѣкъ какъ есть,—
Въ твоихъ гекзаметрахъ, съ природы вѣрныхъ сколкахъ
(И какъ тутъ помышлять о нашихъ школьныхъ толкахъ?),
Все отражается, какъ въ зеркалѣ живомъ.
Твой не читаешь стихъ,—живешь съ твоимъ стихомъ.
Для насъ стихи твои не мѣрныхъ словъ таблица:
Звучитъ живая рѣчь, глядятъ живыя лица.
Все такъ! но, признаюсь, по риѳмѣ я грущу
И по опушкѣ строкъ ее съ тоской ищу.
Такъ дѣти въ лѣтній день, преслѣдуя забавы,
Порхаютъ весело тропинкой вдоль дубравы
И стережетъ и ждетъ ихъ жадная рука
То красной ягодки, то пестраго цвѣтка.
Такъ, признаюсь, мила мнѣ риѳма-побрякушка,
Дѣтей до старости веселая игрушка.
Аукаться люблю я съ нею въ темноту,
Нечаянно ловить шалунью на лету
И по каймѣ стиховъ и съ прихотью и съ блескомъ

Ткань украшать свою игривымъ арабескомъ.
Мнѣ бѣлые стихи—что дѣва-красота,
Которой не цвѣтутъ улыбкою уста.
А можетъ быть и то, что виноградъ мнѣ киселъ,
Что сроду я не могъ сложить созвучныхъ чиселъ
Въ гекзаметръ правильный,—что, на мою бѣду,
Знать, къ ямбу я приросъ и съ ямбомъ въ гробъ сойду.

CCCCXIV.

ПЛУТÔТ ÊТРЕ QUE PARAÎTRE.

Не слыть, а быть. Но въ свѣтѣ часто
Мы не бываемъ, а слывемъ:
Едва-ль одинъ найдется на сто
Съ самостоятельнымъ лицемъ.

За неимѣньемъ лицъ—личины,
Все заголовки безъ головъ,
Блескъ пышныхъ рамокъ,—а картины?
Еще Богъ не далъ мастеровъ.

На полкахъ переплеты—чудо!
А въ книгахъ—бѣлые листы.
Добро бы бѣлые! но худо,
Что бѣлизна безъ чистоты.

Вездѣ подмостки, маскарады,
Все театральный гардеробъ,
Гдѣ на прокатъ берутъ наряды;
Свое—лишь спѣсь да мѣдный лобъ.

О человѣкѣ въ смыслѣ строгомъ
Мы не добьемся ничего;

Довольно валовымъ итогомъ
Намъ знать, какъ величать его.

Хоть про инаго господина
Толпу спросите, напримѣръ,
И скажутъ вамъ: какого чина,
Какихъ онъ знаковъ кавалеръ.

Спросить: правдивъ-ли? нравственъ? честенъ?
Въ отвѣтъ вамъ каждый напрямикъ:
Вопросъ вашъ слишкомъ неумѣстенъ;
Про это знаетъ духовникъ.

CCCCXV.

КЪ РУЖЬЮ!

Впередъ хоругвь Владиміра Святаго,
И въ руки штыкъ богатыря-Петра!
За край родной, за честь его, за благо,
Ребята, въ строй! къ ружью! ура!

Вражда и страсть насъ вызываютъ къ бою,
Съ лица земли грозятся насъ стереть:
Ничтожный гнѣвъ потока предъ скалою!
Волнамъ скалы не одолѣть.

Со льдовъ Двины до береговъ Дуная,
Съ Алтайскихъ горъ за рубежи Днѣпра
Да грянетъ кликъ по гласу Николая:
Ребята, въ строй! къ ружью! ура!

Крылатыхъ силъ громады пѣнятъ воды,
Земля дрожитъ подъ скопищемъ полковъ,
Идутъ на насъ владыки и народы,
На одного толпа враговъ!

Мы встрѣтимъ ихъ, какъ насъ Господь направитъ,
А провожать давно мы мастера:
Увидимъ мы, кто на своемъ поставитъ.
Ребята, въ строй! къ ружью! ура!

CCCCXVI.

ПѢСНЬ РУССКАГО РАТНИКА.

Предъ тобой, моя икона,
Положу я три поклона,
И молитву сотворя,
Брошусь въ бурю боевую
За алтарь, за Русь Святую
И за Бѣлаго царя.

Мой булатъ—наслѣдство дѣдовъ,
Кровью Крымцевъ, кровью Шведовъ
Распотѣшился въ бою.
Жаждетъ онъ опохмѣлиться,
Кровью свѣжей вновь упиться,
Счистить ржавчину свою.

Съ горъ Балканскихъ наши братья
Простираютъ къ намъ объятья
Съ упованьемъ и мольбой.
Скорби ихъ намъ не чужія:
Имъ сочувствуетъ Россія,
И за нихъ готова въ бой.

Свѣтлымъ таинствомъ купели
Очи предковъ тамъ прозрѣли

Отъ соблазновъ лжи и тьмы.
Тамъ святыня Вѣры нашей,
Тамъ спасительною чашей
Къ жизни возродились мы.

Прадѣдъ Руси Православной,
Кіевъ нашъ перводержавный
Не Царьграда-ль крестный сынъ?
Святы намъ сіи преданья:
Въ нихъ завѣтъ и указанья
Тайно зрѣющихъ судьбинъ.

Крестъ и мечъ Россіи сила.
Древле предковъ ополчила
Ими Божья благодать.
Помнимъ праотцевъ примѣры.
Осѣнясь хоругвью Вѣры,
Рвется въ бой и внуковъ рать.

Мы накажемъ горделивыхъ,
Отстоимъ отъ нечестивыхъ
Нашъ поруганный алтарь.
Закипи, святая сѣча!
Грянь, нашъ кликъ, побѣдъ предтеча:
Русскій Богъ и Русскій Царь!

CCCCXVII.

Хотя съ заочнымъ поздравленьемъ,
Но съ личной карточкой моей являюсь къ вамъ:
Пусть будетъ мой портретъ вамъ вѣрнымъ выраженьемъ
Того, что отъ души я высказалъ бы самъ.
Примите мой привѣтъ нѣжнѣйшаго участья,
Мольбу, чтобъ Промысла васъ охраняла сѣнь,
Чтобъ вы, достойныя и ясныхъ дней и счастья,
Жизнь радостно прошли какъ этотъ ясный день.
А тамъ когда-нибудь—когда мой путь увянетъ
И мой портретъ одинъ останется по мнѣ;
Пусть ласковая мысль меня при немъ помянетъ
И мой отыщетъ слѣдъ въ Карлсбадской старинѣ.

CCCCXVIII.

ПАЛЕСТИНА.

Сводъ безоблачно синій
Іудейскихъ небесъ,
Безпредѣльность пустыни,
Одинокихъ древесъ.
Пальмы, маслины скудной
Безпріютная тѣнь,
Позолотою чудной
Ярко блещущій день.

По степи—рѣчки ясной
Не бѣжитъ полоса,
По дорогѣ безгласной
Не слыхать колеса.
Только съ ношей своею
(Что ему зной и трудъ),
Длинно вытянувъ шею,
Выступаетъ верблюдъ.

Ладія и телѣга
Безпромышленныхъ странъ,
Онъ идетъ до ночлега;
Вслѣдъ за нимъ караванъ.

Иль бурнусомъ обвитый,
На верблюдѣ верхомъ,
Бедуинъ сановитый,
Знойно-смуглый лицемъ.

Словно зыбью качаясь,
Онъ торчитъ и плыветъ,
На ходу подаваясь
То назадъ, то впередъ.
Иль промчитъ кобылица
Шейха съ длиннымъ ружьемъ,
Иль кружится какъ птица
Подъ лихимъ сѣдокомъ.

Помянувъ Магомета,
Всадникъ, встрѣтясь съ тобой,
Къ сердцу знакомъ привѣта
Прикоснется рукой.
Полдень жаркій пылаетъ,
Воздухъ словно огонь;
Путникъ жаждой сгораетъ
И томящійся конь.

У гробницы съ чалмою
Кто-то вырылъ родникъ;
Путникъ жадной душою
Къ хладной влагѣ приникъ.
Благодѣтель смиренный!
Онъ тебя отъ души
Помянулъ, освѣженный
Въ опаленной глуши.

Вотъ подъ сѣнью палатокъ
Бытъ пустынныхъ племенъ:
Женскій складъ—отпечатокъ
Первобытныхъ временъ.

Вотъ библейскаго вѣка
Вѣрный сколокъ:—точь въ точь,
Молодая Ревекка,
Ваѳуилова дочь.

Голубой пеленою
Станъ красивый сокрытъ,
Взоръ восточной звѣздою
Подъ рѣсницей блеститъ.
Величаво, спокойно
Дѣва сходитъ къ ключу;
Водоносъ держитъ стройно,
Прижимая къ плечу.

Въ полѣ кактусъ иглистый
Распускаетъ свой цвѣтъ.
Въ дальней тьмѣ—каменистый
Аравійскій хребетъ.
На вершинахъ суровыхъ
Гаснетъ день средь зыбей,
То златыхъ, то лиловыхъ,
То зеленыхъ огней.

Чудно блещутъ картины
Яркихъ красокъ игрой.
Свѣтлый край Палестины!
Упоенный тобой,
Предъ разсвѣтомъ, пустыней,
Я несусь на конѣ
Богомольцемъ къ святынѣ,
Съ дѣтства родственной мнѣ.

Шейхъ съ летучимъ отрядомъ
Мой дозоръ боевой:
Впереди, сзади, рядомъ
Вьется пестрый ихъ рой.

Недовѣрчиво взгляды
Озираютъ вокругъ:
Хищный врагъ изъ засады
Не нагрянетъ ли вдругъ?

На пути чуть пробитомъ
Средь разорванныхъ скалъ,
Конь мой чуткимъ копытомъ
По обломкамъ ступалъ.
Сонъ подъ звѣзднымъ наметомъ,
Запылали костры;
Сонъ тревожитъ полетомъ
Вой шакаловъ съ горы.

Эпопеи священной
Древній міръ здѣсь разверзъ:
Свитокъ сей неизмѣнный
Начерталъ Божій перстъ.
На Израиль съ завѣтомъ
Здѣсь сошла Божья сѣнь:
Возсіялъ здѣсь разсвѣтомъ
Человѣчества день.

Край святой Палестины,
Край чудесъ искони,
Горы, дебри, равнины,
Дни и ночи твои!
Внѣшній міръ, міръ подспудный,
Все что было, что есть,
Все поэзіи чудной
Благодатная вѣсть!

И въ отвѣтъ на призванье
Жизнь, горѣ возлетѣвъ,
Жизнь одно созерцанье

И молитвы нашѣвъ.
Отблескъ свѣтлыхъ видѣній
На душѣ не угасъ:
Дни святыхъ впечатлѣній,
Позабуду ли васъ?

CCCCXIX.

ОДНО СОКРОВИЩЕ.

Одно сокровище, одну святыню
Съ благоговѣніемъ я берегу,
За этимъ кладомъ я ходилъ въ пустыню
И кочевалъ на дальнемъ берегу.

Весь этотъ кладъ—одно воспоминанье;
Но жизнь мою, жизнь мелочныхъ заботъ,
Оно искупитъ, дастъ ей смыслъ, благоуханье,
Которое меня переживетъ.

Я помню край, опустошенья полный,
Минувшаго величья прахъ и тлѣнъ;
Пожаровъ тамъ прошли столѣтій волны
И выжгли почву, жизнь и слѣдъ племенъ.

Природа смотритъ дико и несчастно;
Тамъ на землѣ какъ будто казнь лежитъ
И только небо, скорбямъ непричастно,
Лазурью чудной радостно горитъ.

Тамъ дерево томится тѣнью скудной,
Потокъ безъ волнъ тамъ замеръ и заглохъ

И, словно, слышенъ въ тишинѣ безлюдной
Великой скорби безконечный вздохъ.

Но этотъ край—святая Іудея,
Но лѣтопись опальной сей земли—
Евангеліе: свято, не старѣя,
Сіи мѣста преданья сберегли.

Передаютъ днямъ бѣглымъ камней груды—
Глаголы вѣчности и Божій судъ;
Живые тамъ—порожніе сосуды,
Но мертвецы хранятъ живой сосудъ.

Текущій день мрачнѣе мертвой ночи,
Но жизнью дышетъ вѣчное вчера:
Здѣсь предъ тобой слѣпцу отверзты очи,
Здѣсь недвижимый возстаетъ съ одра.

Изъ каменнаго гроба Іисусомъ
Здѣсь вызванъ Лазарь: страшный, грозный видъ!
Его лицо обвязано убрусомъ,
Отъ плечъ до ногъ онъ пеленой обвитъ.

Но онъ возсталъ, мертвецъ четверодневный;
Забилось сердце, жизнью вспыхнулъ взоръ:
Услышаны молитва, плачъ душевный
О миломъ братѣ плачущихъ сестеръ!

Священныхъ книгъ и лица, и событья
Живой картиной радуютъ глаза
И на душѣ, подъ таинствомъ наитья,—
Любовь и страхъ, улыбка и слеза.

И нѣтъ страны на всей землѣ обширной,
Гдѣ бы душа какъ дома зажила,

Гдѣ бъ жизнь текла такой струею мирной,
Гдѣ бъ смерть сама желаннѣе была.

И помню я, паломникъ недостойный,
Святыхъ чудесъ завѣтныя мѣста,
Тотъ сводъ небесъ, безоблачный и знойный,
Тотъ вѣчный градъ безсмертнаго креста.

И память эта не умретъ со мною:
Мой біографъ,—быть можетъ: Шевыревъ,
Меня, давно забытаго молвою,
Напомнитъ вновь вниманью земляковъ.

Въ итогѣ дней ничтожныхъ пилигрима
Отмѣтитъ онъ одинъ великій день,—
Тотъ день, когда со стѣнъ Ерусалима
И на меня легла святая тѣнь.

И скажетъ онъ, что средь живаго храма
На Гробъ Господень я главу склонилъ,
Что тихою струею Силоама
Я грѣшные глаза свои умылъ;

Что въ этотъ край, отчизну всѣхъ скорбящихъ,
Я страждущей души носилъ печаль,
За упокой въ землѣ сырой лежащихъ
Внесъ имена на вѣчную скрижаль;

Что прокаженнымъ, за стѣнами града
Сидящимъ вдаль, какъ въ евангельскіе дни,
Мнѣ лепту подавать была отрада,
Чтобъ обо мнѣ молились и они;

Что я любилъ на берегу Кедрона
Іосафатовой долины свѣжій миръ,

Что съ высоты божественной Сіона
Внималъ я духомъ пѣснямъ горнихъ лиръ;

Что долго рабъ житейскаго обмана,
Послышалъ разъ я неземной призывъ,
Когда въ водахъ священныхъ Іордана
Омылся я, молитву сотворивъ.

CCCCXX.

ДРЕЗДЕНЪ.

Васъ, свѣжіе сады; васъ, Эльбскія картины
Съ каймою темныхъ горъ на грунтѣ голубомъ;
Васъ, жатвы щедрыя, цвѣтущія долины,
Благословлю и я признательнымъ стихомъ.

Любуешься у васъ и миромъ, и свободой,
И словно послѣ бурь пловецъ въ родной тиши
Здѣсь отдыхаетъ жизнь въ сочувствіи съ природой,
Залечивая скорбь и тѣла, и души.

Столица мирная искусствъ и общежитья
Обѣтованный край, избранный уголокъ,
Гдѣ бурь народныхъ шумъ, гдѣ грозныхъ дней событья
Прошли—какъ невзначай ворвавшійся потокъ.

Сегодня берега—онъ, бѣшеный, покинулъ,
Повсюду страхъ промчалъ напоромъ ярыхъ водъ,
Здѣсь вѣковой оплотъ мгновенно опрокинулъ,
Тамъ жатвы сорвалъ онъ обѣтованный плодъ.

А завтра все опять цвѣтетъ и понемногу
Миръ водворяется съ надеждою,—а тамъ
И селянинъ, забывъ минувшую тревогу,
Проводитъ мирный плугъ по вздрогнувшимъ полямъ.

Будь огражденъ и ты молитвой и любовью,
Тебѣ за даръ благой—я преданъ навсегда;
Здѣсь, страждущій, воскресъ я къ жизни и здоровью
И къ бодрымъ радостямъ духовнаго труда.

Мірскихъ суетъ и смутъ здѣсь замираютъ шумы,
Но внемлешь въ тишинѣ призваніямъ инымъ,
Поэзіи святой таинственныя думы
Здѣсь внятно говорятъ наперстникамъ своимъ.

Здѣсь Шиллера душа полна была созвучій,
Здѣсь творческимъ огнемъ онъ нѣкогда пылалъ,
Онъ царствовалъ мечтой, и Валленштейнъ могучій
На звучный гласъ его живой изъ гроба всталъ.

Здѣсь юный Карамзинъ природы впечатлѣнья
И пѣсни радости и слезы умиленья,.....

Люблю здѣсь, волю давъ мечтамъ моимъ и взгляду,
Искать слѣдовъ его, съ нимъ чувствовать вдвоемъ;
Мнѣ милы—тѣнь деревъ, гдѣ онъ вкушалъ прохладу,
Цвѣтникъ, гдѣ можетъ быть плѣнялся онъ цвѣткомъ.

Здѣсь съ свѣтлаго чела Жуковскаго блистало
Сіянье горнее, божественный глаголъ!
И чистой красоты чистѣйшее зерцало,
Онъ кисть Рафаэля словами перевелъ.

Чертоговъ царскихъ здѣсь не чуждо это чувство,
И средь суетъ и пышности двора

Изящнаго жрецы предъ алтаремъ искусства
Былъ царскій братъ и царская сестра.

Перу ея мила житейскихъ сценъ картина,
Тевтонской музы сынъ и Данте ученикъ
Подъ яркимъ заревомъ поэта-исполина
Отважно вслѣдъ вождю онъ въ царство тьмы проникъ...

CCCCXXI.

БАСТЕЙ.

Что за бури прошли?
Что за чудо здѣсь было?
Море-ль здѣсь перерыло
Лоно твердой земли?

Изверженье-ли ада
Сей гранитный хаосъ?
На утесѣ — утесъ,
На громадѣ—громада!

Все здѣсь глушь, дичь и тѣнь!
А у горныхъ подножій
Тихъ и строенъ міръ Божій,
Улыбается день.

Льется Эльба сіяя,
Словно зеркальный путь,
Словно зыбкую ртуть
Полосой разливая.

Рѣкъ и жизнь, и краса,—
По волнамъ лодокъ стая

Мчится, быстро мелькая,
Распустивъ паруса.

Вотъ громадой пловучей
Пропыхтѣлъ пароходъ,
Неба яхонтный сводъ
Закоптилъ дымной тучей,

Бархатъ пестрыхъ луговъ,
Храмы, замки, бесѣдки
И зеленыя сѣтки
Виноградныхъ садовъ.

Жатвы свѣжее злато,
Колыхаясь, горитъ:
Все такъ чудно глядитъ
Все такъ пышно, богато!

Тамъ—въ игривыхъ лучахъ
Жизни блескъ, скоротечность;
Здѣсь—суровая вѣчность
На гранитныхъ столпахъ.

CCCCXXII.

ФРЕЙБЕРГЪ.

Былъ Промысломъ предъизбранный младенецъ,
Въ рыбачьей кущѣ былъ рожденъ—и онъ,
Прибрежныхъ хатъ смиренный уроженецъ,
Въ странѣ, гдѣ долго длится зимній сонъ.

Рыбакъ—позналъ онъ волю Провидѣнья.
Онъ вдаль прозрѣлъ восторженной душой,
Обрекъ себя и въ море просвѣщенья
Съ любовью онъ закинулъ неводъ свой.

И просвѣтилъ онъ Русь свою родную,
И, доблестнымъ послушникомъ Петра,
Онъ заронилъ во грудь ея младую
Святую искру знанья и добра.

Родимыя поляны, тундры, степи
Онъ звучной пѣснью первый огласилъ;
Невѣжества слѣпой недугъ и цѣпи
Онъ съ братьевъ снялъ и Божій міръ открылъ.

Онъ приходилъ, нашъ Холмогорецъ чудный,
Сюда, чтобъ жажду знанья утолить,

Трудомъ проникнуть смѣло въ міръ подспудный
И глубины земныя вопросить.

Признательный къ благому Провидѣнью
За жизнь, за данный смертному удѣлъ,
Одушевясь любовью къ просвѣщенью,
Весь міръ обнять наукой онъ хотѣлъ.

Цѣною жертвъ, упорства и занятій
Онъ къ цѣли шелъ, горѣвшей впереди,
И, можетъ быть, одинъ средь темныхъ братій
Великихъ дѣлъ залогъ носилъ въ груди.

Но зналъ ли кто въ глуши нѣмецкой школы,
Что въ юношѣ богатый кладъ сокрытъ,
Что потекутъ изъ устъ его глаголы,
Которые Россія затвердитъ?

Онъ увѣнчалъ свой подвигъ величавый;
Орелъ свершилъ свой царственный полетъ,
Но и теперь его трудовъ и славы
Здѣсь отклика пришелецъ не найдетъ.

Молва о немъ здѣсь тупо-молчалива;
Попыткамъ всѣмъ, всѣмъ розыскамъ на зло,
Его слѣда нѣтъ и въ пыли архива:
Глухимъ забвеньемъ имя заросло.

Гость Русскій, здѣсь не задавай вопросовъ
О немъ: что дѣлалъ, какъ учился, жилъ?
Ты спросишь: „былъ здѣсь славный Ломоносовъ?“
И скажутъ: „нѣтъ, а Виноградовъ былъ.“

ПЕРВАЯ ПРИПИСКА.

А развѣ Нѣмцевъ мы не вдвое хуже?
Забвенье ихъ имъ ставить въ стыдъ грѣшно:

Намъ замѣчать не ловко спицу вчужѣ,
Когда у насъ самихъ въ глазу бревно.

Нашъ Ломоносовъ тамъ прошелъ незримый,
Онъ въ Фрейбергѣ былъ школьникъ-металлургъ;
Но помнитъ ли его, имъ столь любимый,
Имъ нѣкогда столь славный Петербургъ?

Въ трудахъ сгаралъ здѣсь труженикъ Россіи;
Извѣдалъ онъ всѣ темные пути,
Всѣ до одной народныя стихіи,
Чтобъ въ стройное единство ихъ свести.

Онъ возжигалъ всѣ свѣточи науки,
Чтобъ страсть къ труду въ согражданахъ возжечь;
Онъ въ стройный видъ, въ серебряные звуки
Переплавлялъ заржавѣвшую рѣчь.

Съ домашняго и тѣснаго порога
Умамъ грядущимъ онъ давалъ законъ;
По грамотѣ, дарованной отъ Бога,
Всѣмъ грамотнымъ въ Россіи предокъ онъ.

Но предками нашъ вѣкъ не озабоченъ,
Онъ предковъ всѣхъ отдать и даромъ радъ,
И если въ чемъ быть можетъ опороченъ,
Такъ ужъ не въ томъ, что онъ аристократъ.

Собой однимъ любуясь суевѣрно,
Не вѣритъ онъ въ заслуги старины
И на себя глядятъ высокомѣрно,
Имъ упоенные, его сыны.

Въ слѣпыхъ мечтахъ, ихъ самолюбью лестныхъ,
Они себѣ кадятъ, себѣ поютъ;
Давнымъ давно Америкъ всѣмъ извѣстныхъ
Они себя Колумбами зовутъ.

Сдается имъ, что міръ досозданъ ими,
Что былъ до нихъ обрубкомъ старый міръ,
И что они руками молодыми
Въ достойный храмъ внесли златой кумиръ.

Средь современныхъ, міровыхъ вопросовъ,
Которые легко рѣшать имъ зря,
Куда имъ знать, чѣмъ былъ нашъ Ломоносовъ,
Иль изучать слѣды богатыря?

Спросите вы о мужѣ исполинскомъ
Цѣновщиковъ людскихъ заслугъ и дѣлъ:
Заговорятъ они вамъ о Бѣлинскомъ.
Что-жъ? Фрейбергъ правъ и Виноградовъ цѣлъ!

ВТОРАЯ ПРИПИСКА.

Прости меня, о Виноградовъ темный,
Что сумракъ твой я дерзко озарилъ,
Что къ памяти твоей безмолвно-скромной
Бѣлинскаго я имя прицѣпилъ.

Ты о себѣ въ журналахъ не горланилъ,
Ты не кидалъ зѣвакамъ пыли въ ротъ,
Пустую дробь съ плеча не барабанилъ,
Чтобъ въ балаганъ свой затащить народъ.

Не ты смѣшилъ умъ здравый самохвальствомъ
И рисовался гордо предъ глупцомъ,
Невѣжества раздутаго нахальствомъ
Другимъ вралямъ ты не былъ образцомъ.

Безсвязныхъ мыслей, словъ пустымъ наборомъ
Читателей не становилъ ты въ пень,
Статей, разросшихся дремучимъ боромъ
Не ставилъ ты въ журналы на сажень.

Ты можетъ быть учился и лѣниво,—
Бѣды тутъ нѣтъ, невѣдѣнье не грѣхъ.
Грѣхъ не учась другихъ учить спѣсиво,
Судить, журить и въ уголъ ставить всѣхъ.

Грѣхъ бѣшено гоняться за соблазномъ,
Чтобъ хоть стыдомъ да вынырнуть изъ тьмы,
Грѣхъ обмакать перо въ сосудѣ грязномъ,
Чтобъ грязью брызгать въ чистые умы!

Судьбой своей ты вѣрно былъ доволенъ;
А если былъ болѣзнью удрученъ,
То изъ того, что желченъ былъ и боленъ
Не думалъ ты, что геніемъ рожденъ.

Не злился ты на то, что въ здравомъ тѣлѣ
Иной умѣлъ и здравый духъ сберечь,
Мысль ложную сердитымъ пустомелей
Ты не вплеталъ въ запутанную рѣчь.

На нашу честь, на наше достоянье
На все, чѣмъ бьются Русскія сердца
Не обращалъ одно ты отрицанье,
Бѣльмо въ главу душевнаго слѣпца.

Ты уберегъ себя отъ черни шумной,
Ты ей не льстилъ, не жертвовалъ собой:
Знать, человѣкъ ты былъ благоразумный,
Что не задѣтъ позорной похвалой.

CCCCXXIII.

ПАМЯТНИКЪ ПЕТРУ I-му ВЪ КАРЛСБАДѢ.

Великій Петръ! Твой каждый слѣдъ
Для сердца Русскаго есть памятникъ священный—
И здѣсь средь гордыхъ скалъ, твой образъ незабвенный
Встаетъ въ лучахъ любви, и славы, и побѣдъ.
Намъ святы о тебѣ преданья вѣковыя,
Жизнь Русская тобой еще озарена
И памяти твоей, Великій Петръ, вѣрна Твоя великая Россія!

CCCCXXIV.

ПРАГА.

Поклонъ любви съ желаньемъ блага,
Въ знакъ соучастья и родства,
Со мною шлетъ тебѣ, о Прага,
Перво-престольная Москва.

Поклонъ особенный Градчину
Отъ златоглаваго Кремля:
Не можетъ чуждой Славянину
Быть Чеховъ доблестныхъ земля.

Насъ историческія сплетни
Поссорили между собой
И разорвали долголѣтній
Союзъ, священный и родной.

Но братья мы и предковъ кровью,
И первобытнымъ языкомъ:
Должны быть братья и любовью,
И просвѣщеньемъ, и добромъ.

Нѣтъ, не хочу съ судьбою грозно,
Безумецъ, затѣвать борьбы:

Будь каждый дома, каждый розно,
Когда таковъ законъ судьбы.

Но связь преданій не погибла,
Она разрозненныхъ миритъ:
Что географія отшибла,
Пусть съизнова любовь скрѣпитъ.

На берегу твоей Молдавы
Люблю я, Прага, вспоминать
Вѣка твоей минувшей славы
И ихъ мечтой возсозидать.

Обмануть слухъ роднымъ нарѣчьемъ
И съ башенъ, съ стѣнъ твоихъ, съ церквей —
Роднымъ Кремлемъ и Москворѣчьемъ
Все ластится къ душѣ моей.

Святыхъ Меѳодія, Кирилла
Съ тобой намъ общи имена
И благодарно сохранила
Святая Русь ихъ письмена.

Къ наукѣ рвенье не остыло
Въ сынахъ твоихъ и въ наши дни:
Шафарикъ твой—Славянъ свѣтило,
И Ганка твой—намъ всѣмъ сродни.

CCCCXXV.

ЗОННЕНШТЕЙНЪ.

Прекрасенъ здѣсь видъ Эльбы величавой,
Роскошной жизнью берега цвѣтутъ;
По ребрамъ горъ—дубрава за дубравой,
За виллой вилла, лѣтнихъ нѣгъ пріютъ.

Вездѣ кругомъ изъ каменистыхъ рамокъ
Картины блещутъ свѣжей красотой;
Вотъ на утесъ перешагнувшій зàмокъ
Къ главѣ его приросъ своей пятой.

Волшебный край, то свѣтлый, то угрюмый!
Живой кипсекъ всѣхъ прелестей земли!
Но облакомъ въ душѣ засѣвшей думы
Развлечь, согнать съ души вы не могли.

Я преданъ былъ другому впечатлѣнью,
Любезный образъ въ душу налеталъ,
Страдальца образъ—и печальной тѣнью
Онъ красоту природы омрачалъ.

Здѣсь онъ страдалъ, томился здѣсь когда-то,
Жуковскаго и мой душевный братъ,

Онъ, пѣснями и скорбью нашъ Торквато,
Онъ, заживо познавшій свой закатъ.

Не для его очей цвѣла природа,
Святой глаголъ ея предъ нимъ нѣмѣлъ;
Здѣсь для него съ лазореваго свода
Веселый день не радостью горѣлъ.

Онъ въ мірѣ внутреннемъ ночныхъ видѣній
Жилъ взаперти, какъ узникъ средь тюрьмы;
И былъ онъ мертвъ для внѣшнихъ впечатлѣній,
И Божій міръ ему былъ царствомъ тьмы.

Но видѣлъ онъ, но умъ его тревожилъ —
Что созидалъ ума его недугъ;
Такъ бѣдный здѣсь лѣта страданья прожилъ,
Такъ и теперь живетъ несчастный другъ.

CCCCXXVI.

НОЧЬЮ НА ЖЕЛѢЗНОЙ ДОРОГѢ,

между Прагою и Вѣною.

Прочь Людмила съ страшной сказкой
Про полночнаго коня!
Дѣтямъ будь она острасткой,
Но пугать ей не меня.

Сказку быль опередила
Въ наши опытные дни:
Огнедышущая сила,
Силамъ адовымъ сродни,

Насъ уноситъ безпрерывно
Сквозь ущелья и лѣса,
Совершая съ нами дивно
Баснословья чудеса.

И меня мчитъ ночью темной
Змій, не змій и конь, не конь,
Звѣрь чудовищно-огромный,
Весь онъ паръ и весь огонь!

Отъ него, какъ отъ пожара,
Ночь вся заревомъ горитъ,

И сквозь мглу, какъ Божья кара,
Громоносный онъ летитъ.

Онъ летитъ неукротимо,
Пролетитъ—и нѣтъ слѣда,
И какъ тѣни мчатся мимо
Горы, села, города.

На землѣ-ль встаетъ преграда?
Подъ землей онъ путь пробьетъ,
И нырнетъ во мраки ада,
И какъ встрепанный всплыветъ.

Звѣрю безконечной снѣдью
Раскаленный уголь данъ:
Грудь его обита мѣдью,
Голова—кипучій чанъ.

Родъ кометы быстротечной
По пространностямъ земнымъ
Хвостъ его многоколечный
Длинно тянется за нимъ.

Бьютъ желѣзныя копыта
По чугунной мостовой
Авангардъ его и свита.
Грохотъ, гулъ, и визгъ и вой.

Звѣрь пыхтитъ, храпитъ, вдругъ свиснетъ,
Такъ что вздрогнетъ все кругомъ;
Съ гривы огненной онъ вспрыснетъ
Мелкимъ, огненнымъ дождемъ.

И подъ нимъ, когда громада
Мчится бурей быстроты
Не твоимъ чета баллада:
„Съ громомъ зыблются мосты“.

Мертвецамъ твоимъ толпами,
Вставшимъ съ хладнаго одра,
Не угнаться въ слѣдъ за нами,
Какъ ѣзда ихъ ни скорà.

Поѣздъ нашъ не оробѣетъ,
Какъ ни пой себѣ пѣтухъ.
Мчится—утра-ль блескъ алѣетъ,
Мчится—блескъ-ли дня потухъ.

Въ этой гонкѣ, въ этой скачкѣ
Все впередъ и все спѣша,
Мысль крутится, умъ въ горячкѣ,
Задыхается душа.

Приключись хоть смерть дорóгой,
Умирай, а все лети!
Не дадутъ душѣ убогой
Съ покаяньемъ отойти.

Увлеченному потокомъ
Страшенъ этотъ, въ тьмѣ ночной,
Поединокъ съ темнымъ рокомъ,
Съ неизбѣжною грозой.

Силой дерзкой и крамольной
Человѣкъ вооруженъ;
Ненасытной, своевольной
Страстью вѣчно онъ разженъ.

Бой стихій, противорѣчій,
Разногласье спорныхъ силъ,
Все попралъ умъ человѣчій,
И разсчету подчинилъ.

Такъ ворочая вселенной,
Изъ страстей и изъ затѣй

Забывается надменный
Властелинъ немногихъ дней.

Но бездѣлка-ль подвернется,
Но хоть на-волосъ одинъ
Съ колеи своей собьется
Нашъ могучій исполинъ,—

Весь разсчетъ, вся мудрость вѣка
Нуль да нуль, все тотъ-же нуль,
И ничтожность человѣка
Въ прахъ летитъ съ своихъ ходуль.

И отъ гордыхъ сновъ науки
Пробужденный, какъ ни жаль,
Онъ безногій, иль безрукій
Поплетется въ госпиталь.

CCCCXXVII.

ВЕНЕЦІЯ.

Городъ чудный, чрезполосный,—
Суша, море по клочкамъ,—
Безлошадный, безколесный,
Городъ— рознь всѣмъ городамъ!
Пѣшеходу для прогулки
Сотни мостиковъ сочтешь;
Переулки, закоулки,—
Въ ихъ мытарствахъ пропадешь.

Вмѣсто улицъ—корридоры,
Гдѣ народъ валитъ гуськомъ.
Зданья—мраморныя горы,
Изваянныя рѣзцомъ.
Здѣсь—прозрачныя дороги
И въ ихъ почвѣ голубой
Отражаются чертоги,
Строя городъ подъ водой.

Экипажи—точно гробы,
Кучера—одни гребцы.
Рядомъ—грязныя трущобы
И роскошные дворцы.

Нищеты, великолѣпья
Изумительная смѣсь;
Злато, мраморъ и отрепья:
Падшей славы скорбь и спѣсь!

Здѣсь живое населенье
Мѣди, мрамора, картинъ
И прошло ихъ поколѣнье
Сквозь грозу и мракъ годинъ.
Живо здѣсь безсмертьемъ славы
Племя свѣтлыхъ согражданъ:
Сансовино величавый,
Тинторетто, Тиціанъ.

Джіордано, Порденоне,
Гвидо-Рени, Веронезъ;
Міръ, зачавшійся въ ихъ лонѣ,
При Австрійцахъ не исчезъ.
Торжествуя надъ вѣками
И надъ злобною враждой,
Онъ цвѣтетъ еще предъ нами
Всемогущей красотой.

Здѣсь лишь статуи да бюсты
Жизнь домашнюю ведутъ;
Люди—ихъ жилища пусты—
Всѣ на площади живутъ.
Эта площадь—ихъ казино:
Вѣчный ра́утъ круглый годъ;
Убралъ залу Сансовино,
Крыша ей—небесный сводъ.

Здѣсь съ факиномъ правнукъ дожа,
Здѣсь красавицъ рой блеститъ,
Взглядомъ нѣжа и тревожа
Дворъ подвластныхъ волокитъ.

Вотъ аббатъ въ мантильѣ черной:
Въ немъ минувшій бытъ и вѣкъ;
Словно вышелъ изъ уборной
Принчипессы—имярекъ.

Въ круглой шляпкѣ съ водоноскомъ
Черноглазая краса;
Изъ-подъ шляпки, чернымъ лоскомъ
Блещетъ тучная коса.
Здѣсь разнощиковъ ватага,
Разной дряни торгаши
И что шагъ—то побродяга,
Промышляющій гроши.

Теноръ здѣсь хрипитъ рулады,
Тамъ скрипитъ скрипачъ слѣпой
Такъ, что всѣ оглохнуть рады,
Только бъ дать ушамъ покой.
Кофе пьютъ, ѣдятъ сорбети
И свою балуя лѣнь,
Юга счастливыя дѣти
Такъ проводятъ праздный день.

Здѣсь, какъ въ пестромъ маскарадѣ,
Разноцвѣтный караванъ,
Весь востокъ въ своемъ нарядѣ:
Грекъ, накинувъ долиманъ,
Турокъ феску нахлобуча—
И средь лицъ изъ разныхъ странъ,
Голубей привольныхъ куча,
А тѣмъ паче Англичанъ.

Всѣ они несутъ подъ мышкой
Цѣлый пукъ карандашей,
Телескопъ съ дорожной книжкой,
Провѣряя все по ней.

Дай имъ волю —и въ Санъ-Марко
Впишутъ, не жалѣя стѣнъ,
Святотатственно и марко
Длинный рядъ своихъ именъ.

Если жъ при ночномъ свѣтилѣ
Окуется серебромъ
Базилика, Кампаниле
И дворецъ, почившій сномъ,
И крылатый левъ заблещетъ
И съ просонья, при лунѣ,
Онъ крылами затрепещетъ,
Мчась въ воздушной вышинѣ,

И весь этотъ край лагунный,
Весь волшебный этотъ міръ
Облечется ночью лунной
Въ злато, жемчугъ и сафиръ:
Предъ картиной этой чудной
Цѣпенѣютъ глазъ и умъ—
И тревоги многолюдной
Позабывъ потокъ и шумъ,

Ты душой уединишься!
Весь ты зрѣнье и любовь,
Ты глядишь и заглядишься,
И глядѣть все хочешь вновь,
И всѣмъ прочимъ не въ обиду, —
Красоту столицъ земныхъ
Златовласую Киприду,
Дочь потоковъ голубыхъ,

Приласкаешь, приголубишь
Мыслью, чувствомъ и мечтой,
И Венецію полюбишь
Безъ ума и всей душой.

Но одно здѣсь спорить рѣзко
Съ красотою здѣшнихъ мѣстъ:
Наложилъ лихой Тедеско
На Венецію арестъ.

Здѣсь, гдѣ дожей память славитъ
Вѣковѣчная молва,
Тутъ пятой Горшковскій давитъ
Цѣпью скованнаго льва;
Онъ и скованный сатрапу
Страшенъ. Все въ испугѣ ждетъ:
Не подыметъ ли онъ лапу?
Гривой грозно ль не тряхнетъ?.....

CCCCXXVIII.

НОЧЬ ВЪ ВЕНЕЦІИ.

По зеркалу зыбкаго дола,
Подъ темнымъ покровомъ ночнымъ,
Таинственной тѣнью гондола
Скользитъ по струямъ голубымъ.

Гондола скользитъ молчаливо
Вдоль мраморныхъ, мрачныхъ палатъ;
Изъ мрака онѣ горделиво,
Сурово и молча глядятъ.

И рѣдко, и рѣдко сквозь стекла
Гдѣ бъ свѣтъ одинокій блеснулъ;
Чертоговъ тѣхъ роскошь поблекла
И жизнь ихъ—минувшаго гулъ.

И дремлютъ дворцы-саркофаги!
Но снятся имъ славные сны:
Дни древней, народной отваги,
Блескъ мира и громы войны;

Востока, и трепетъ и горе,
Когда разглашала молва

Побѣды на сушѣ и морѣ
Повсюду державнаго льва;

И пиршествъ роскошныхъ веселье,
Когда новый Дожъ пировалъ
Въ дукальномъ дворцѣ новоселье
И рогъ золотой воздѣвалъ.

Умолкли и громы и клики!
И средь опустѣвшихъ палатъ,
Левъ пережилъ вѣкъ свой великій,
Трезубецъ и грозный булатъ.

Погасла звѣзда, что такъ ярко
Лила свѣтозарный потокъ
На башни, на площадь Санъ-Марко,
На западъ и дальній востокъ.

Не ждите: не явится скоро,
Свершая торжественный бѣгъ,
Пловучій дворецъ, Бучинторо,
Державы и славы ковчегъ.

Красавицы, нынѣ печальной,
Не вспыхнетъ восторгомъ лицо;
Завѣтный залогъ обручальный,—
Давно распаялось кольцо.

Красавицы вдовствуетъ ложе
И дума ей душу гнететъ;
Но тщетно мечтать ей о Дожѣ,—
Желанный женихъ не придетъ.

По зеркалу зыбкаго дола,
Подъ темнымъ покровомъ ночнымъ,
Таинственной тѣнью, гондола
Скользитъ по струямъ голубымъ.

Въ часы тишины и прохлады,
Синьора, услышавъ сквозь сонъ
Созвучья ночной серенады,
Не выйдетъ тайкомъ на балконъ.

Забыты октавы Торквато,
Умолкнулъ народный напѣвъ,
Которымъ звучали когда-то
Уста гондольеровъ и дѣвъ.

Гондола скользитъ молчаливо
Вдоль мраморныхъ, мрачныхъ палатъ:
Изъ мрака онѣ горделиво,
Сурово и молча глядятъ.

CCCCXXIX.

КЪ ВЕНЕЦІИ.

„Во всѣхъ ты, душенька, нарядахъ хороша“!
Златой ли, солнечной парчою ты одѣта,
И яркій день тобой любуясь, чуть дыша,
Льетъ на красавицу потокъ огня и свѣта;
Серебряная ночь и воздухъ голубой
Объемлютъ ли тебя прозрачной пеленой
И въ честь тебѣ кругомъ синѣютъ на просторѣ —
Тамъ небо звѣздное, здѣсь зеркальное море,
Достойные тебя подножіе и кровъ, —
Златой царицей дня, царицей свѣтлыхъ сновъ,
Ты все волшебница, „всегда ты чудо свѣта,
И только ты одна прекраснѣй Каналета!“

CCCCXXX.

GIARDINO PUBLICO.

Когда, пресытившись природой южной,
Родныхъ воспоминаній слѣдъ ловлю
И чувствами мнѣ освѣжиться нужно
И въ душу сѣверъ просится,—люблю,
Забывъ лагуны съ прелестью ихъ мирной
И бѣгъ гондолъ, скользящихъ здѣсь и тамъ,
И чудный міръ, изъ глубины сафирной
Улыбчиво ласкающійся къ намъ,—
Люблю бродить въ саду и думой дальной
Иныхъ дорожекъ хладный грунтъ топтать
И въ осени, красавицѣ печальной,
Черты давно знакомыя встрѣчать.
Люблю я прелесть тихой сей картины:
Деревьевъ тощихъ молчаливый рядъ,
Полуразвѣнчанныя ихъ вершины,
Полуоборванный луговъ нарядъ —
И шорохъ хрупкихъ листьевъ облетѣвшихъ,
Ногой моей встревоженныхъ слегка,
Въ душѣ подъемлетъ рой сновъ, глубоко засѣвшихъ,
И грустно мнѣ, но эта грусть легка!

CCCCXXXI.

ВЕНЕЦІЯНКѢ.

Глаза твои горятъ поэзіи огнемъ,
Поэзіей твоя улыбка дышетъ;
Молчишь ли ты? въ молчаніи твоемъ
Нѣмыя пѣсни сердце слышитъ.

Поэзіей звучитъ твоя живая рѣчь,
Кипитъ она и блещетъ вдохновеньемъ,
И мысль всегда умѣешь ты увлечь
Своимъ младымъ одушевленьемъ.

Какъ даръ свой ни таишь, чтобъ избѣжать похвалъ,—
Напрасенъ трудъ: угадана пѣвица.
Ты красотой—поэту идеалъ,
Душой—поэзіи ты жрица!

CCCCXXXII.

ЦАРИЦА КРАСОТЫ.

Намъ море нравится и манитъ насъ равно
Однообразіемъ и вѣчной перемѣной:
Смотрите, какъ теперь улыбчиво оно!
Какъ ластится къ землѣ своей блестящей пѣной!

Предъ зеркаломъ, парчу накинувъ на плеча,
Царица красоты любуется собою
И падаетъ до ногъ лазурная парча,
И вьется по землѣ жемчужной бахрамою.

CCCCXXXIII.

ГОНДОЛА.

Подражаніе Гете.

Гондола колыбелью зыбкой
Меня укачиваетъ сладко,
И золотые сны съ улыбкой
Мнѣ въ душу радостно глядятъ.

Синѣетъ небосклонъ просторный,
Скользитъ картина за картиной,
А на гондолѣ кузовъ черный,
Какъ гробъ страшилищемъ стоитъ.

Не то же ли и въ жизни съ нами?
Не всѣ-ль большимъ каналомъ жизни
Мы, убаюканные снами
И беззаботные, плывемъ?

Намъ тоже пристань общей цѣлью.
Цвѣтущій юноша иль старецъ,
Смотри: предъ каждой колыбелью
Гробъ неминуемый въ виду.

CCCCXXXIV

БАРКАРОЛЛЫ.

Vieni, la barca e pronta.

1.

Выйди, сядь въ гондолетку!
Мѣсяцъ съ синяго неба
Въ серебристую сѣтку
Ночь и волны облекъ.

Воздухъ, небо и море
Дышатъ нѣгой прохладной;
Съ ними здѣсь въ заговорѣ,
Слышишь, шепчетъ любовь;

Друга вѣрнаго зову,
Сердцу сердцемъ откликнись,
Скромной ночи покрову
Выдай тайну любви.

Ластясь къ камнямъ прибрежнымъ,
Тамъ у Лидо льнутъ волны
Съ стономъ, съ ропотомъ нѣжнымъ,
Замирая въ цвѣтахъ.

Здѣсь плѣненный тобою
Сердца милую дѣву
Ждетъ подъ тѣнью ночною
Молодой гондольеръ.

Онъ поетъ и тоскуетъ
И съ любовью и лаской
Дѣву онъ зацѣлуетъ
И въ восторгахъ умретъ.

2.

Какъ въ орѣшкѣ перламута
Жемчугъ дивной красоты,
Въ свѣтлый башмачекъ обута
Ножка чудная и ты!

Что за выпуклая ножка,
Что за стройный башмачекъ!
Не протопчется дорожка,
Не наклонится цвѣтокъ,

За садовою рѣшеткой,
По муравкѣ шелковой,
Подъ воздушною походкой
Одалиски молодой.

Отвѣчая ласкамъ лаской,
Тамъ, гдѣ счастливъ Магометъ
Сладострастныхъ гурій пляской —
Ножкѣ той подобной нѣтъ.

Твой пѣвецъ и челядинецъ, —
Ножка, весь златой Востокъ
Я отдамъ за твой мизинецъ,
За одинъ твой ноготокъ.

3.

Разсѣянно она
Мнѣ руку протянула,
И молча, долго я
Ее въ своей держалъ.

Я вздрогнулъ, а она,
Вглядясь въ меня, зѣвнула;
Но скуки праздный взоръ
Ея не выражалъ.

Ни гнѣвъ не вспыхнетъ въ ней,
Ни искрою участья
Отрады не подастъ
Она моей тоскѣ.

Но сердцу-ли роптать?
Съ него довольно счастья,
Что обожглось оно,
Прильнувъ къ ея рукѣ.

4.

Очи, звѣзды твои,
Черной радугой бровь,
И улыбка и поступь,—
Все любовь, все любовь!

Я хотѣлъ бы тобой
Любоваться вѣка,
А въ душѣ безнадежной
Все тоска, все тоска!

У твоихъ ли очей
Состраданья молю?

Отвѣчаешь мнѣ взглядомъ:
Не люблю, не люблю!

Далеко-ль отъ тебя
Мигъ забвенья ловлю?
Не уловишь! а съ горя
Все сильнѣе люблю.

CCCCXXXV.

МОРЕ.

1.

Море — цѣлая поэма,
Вѣчно-новое сказанье
Поэтическихъ чудесъ!
Въ ней таинственность, въ ней бездна,
Въ ней незыблемыхъ небесъ
Вѣчно зыбкая картина;
Въ ней угадываемъ мы
Свѣжесть чистаго эдема,
Мракъ и ужасъ царства тьмы.

Въ сей поэмѣ первобытной,
Современной дню созданья,
Сколько думѣ ненасытной
Пищи, нѣги и тоски!
Сколько жизни, сколько страсти
Въ семъ движеньи, чуждомъ власти
Человѣческой руки!

Сколько ясности державной
Въ величавой красотѣ
И торжественности плавной

Въ этой стройной полнотѣ!
Сколько краски своенравной
Въ этой зыбкой пестротѣ!

Сколько трепета и сшибокъ,
Сколько тѣней и улыбокъ,
И подъ дымомъ голубымъ,
Сколько очерковъ воздушныхъ,
Смѣлой кисти не послушныхъ, —
Такъ ихъ блескъ неуловимъ!

Есть на все свой отголосокъ
И на все есть свой напѣвъ:
То любви здѣсь слышенъ шопотъ,
То глухой, то ярый гнѣвъ,
То унынья стонъ и ропотъ,
То внезапно, здѣсь и тамъ,
Бурной силы скачъ и топотъ
По дробящимся волнамъ.

Льются звучныя октавы,
Божьей благости и славы
Вѣковые голоса,
Возвѣщая дню и ночи—
Громомъ въ уши, блескомъ въ очи,—
Не мірскія словеса,
Но живыя откровенья,
Темной бездны псалмопѣнья
И рыданья въ небеса.

Этой книги смыслъ глубокій
Чуждъ вамъ, жалкіе слѣпцы!
Но высокаго пророки,
Но прекраснаго жрецы
Почерпали въ ней уроки,
Вдохновенье, образцы!

Словно вѣчности задатокъ,
Необъятностью своей,
Эта книга—отпечатокъ
И невѣрныхъ нашихъ дней:
Свѣжій блескъ и тишь лазури
И внезапныя борьбы
Въ этой книгѣ—миръ и бури
Человѣческой судьбы.

И вопьешься въ это чтенье,
И забудешься ты въ немъ:
Не скудѣетъ наслажденье,
А все глубже съ каждымъ днемъ.
Пресыщенья не узнаешь:
Все читаешь, все читаешь
И зачитываться радъ.
У прибрежья, надъ просторомъ,
Зыбь за зыбью, съ жаднымъ взоромъ
Перелистываешь ты
Эту чудо-эпопею:
Иліаду—Одиссею
Безконечной красоты.

2.

Платонической любовью
Въ море страстно я влюбленъ;
Пѣснопѣньямъ, славословью,
Въ честь ему я обреченъ.

Красотой голубоокой
Обольстительной волны,
То привѣтной, то жестокой,
Чувства всѣ упоены.

Прелесть—нѣжится ли, лежа,
Полной грудью чуть дыша!

А вспылитъ ли,—все встревожа,—
Какъ ужасна хороша!

Предъ волной благоговѣю,
Но въ почтительной дали;
Жадно слѣдую за нею,
Но не трогаясь съ земли.

Нѣтъ, съ волною ненадежной
Не вступаю въ тѣсный бракъ:
Холостой я, осторожный,
Сухопутный я морякъ.

Отъ волшебницы русалки
Отступить не въ силахъ я;
Но познаетъ жребій жалкій,
Кто отдастся ей въ мужья.

Что поэзіей роскошной
Манитъ въ ней со стороны,
То мутитъ насъ прозой тошной
Въ безотвязности жены.

Душу всю переворотитъ,
Ставъ хозяйкою, она;
Закачаетъ, заколотитъ
Безпокойная жена.

Зналъ я на морѣ не мало
Качекъ, вѣтровъ, непогодъ:
Чуть совсѣмъ не докачало
Насъ на дно Эгейскихъ водъ.

Былъ я также въ переборѣ
У воды и у огня:
На кострѣ плавучемъ море
Ночью видѣло меня.

Чудно-грозная картина!
На морѣ пожаръ! Кругомъ
Рдѣетъ мракъ, а водъ пучина
Забагровѣла огнемъ.

Дыма, пламени и смрада,
Адской ночи тьма полна,
Данте, живописецъ ада,
Здѣсь твоя бы кисть нужна.

Твой же адъ здѣсь злобно пышетъ!
Тѣ же ужасъ и тоска,
И твою же надпись пишетъ
Огненосная рука.

Нѣтъ надежды, нѣтъ спасенья!
Божьей кары часъ пробилъ:
Ждетъ насъ смерть безъ погребенья
Въ бурной мглѣ морскихъ могилъ.

А на палубѣ, какъ тѣни,
Съ смертной блѣдностью въ чертахъ,
Павъ съ молитвой на колѣни,
Жены, матери въ слезахъ.

Нѣтъ боязни малодушной
Въ безкорыстной ихъ мольбѣ.
Предъ опасностью, послушно,
Забывая о себѣ,

Умереть онѣ готовы,
Только Промысла покровъ
Отклони ударъ суровый
Отъ младенческихъ головъ.

Чая милости Господней,
Плача, молится ли мать,—

Нѣтъ молитвы той угоднѣй
И надъ плачемъ благодать!

Власть и таинство молитвы,
Святость материнскихъ слезъ
Искупили насъ изъ битвы
Подъ страшнѣйшую изъ грозъ.

Промыслъ, кормчій нашъ единый,
Гнѣвъ на милость преклоня,
Ты насъ вынесъ изъ пучины
Волнъ морскихъ и волнъ огня.

Берегъ, берегъ подъ ногами!
День блеснулъ изъ адской тьмы!
И оплаканную нами,
Землю лобызали мы.

CCCCXXXVI.

РЫБАКЪ.

Моря зыби голубыя
Почернѣли и ревутъ;
Волны, стѣны подвижныя,
Расходились и ростутъ.

Рухнетъ валъ—и новый ярусъ
Громоздится подъ грозой;
Запоздавшей лодки парусъ
Страшно треплетъ вѣтръ морской.

Кормчій лодкой не управитъ
Подъ усильями борьбы:
Лодку то волной придавитъ,
То подыметъ на дыбы.

И тоски и страха полный,
Я гляжу на этотъ бой,
Бой не ровный! вѣтръ и волны
Бьются съ бѣдною ладьей.

Кесарь въ ней съ своей фортуной:
Въ ней рыбакъ отважный,—въ ней

Жизнь его подруги юной
И насущный хлѣбъ дѣтей.

Въ море онъ пустился рано,
Побѣдивъ дрему и лѣнь:
Море было такъ стекляно,
Такъ безоблаченъ былъ день!

Ловъ счастливъ! съ добычей многой
Возвращался онъ домой,
Чтобъ за трапезой убогой
Отдохнуть съ своей семьей.

На свои любуясь сѣти
И на все, что въ нихъ, онъ радъ:
Знать ему жена и дѣти
Этотъ вымолили кладъ.

Радость, душу освѣжая,
Въ ней струится и блеститъ,
Какъ поверхность голубая,
По которой онъ скользитъ.

Вдругъ, невѣдомо откуда,
Вѣтръ порывистый подулъ.
Черныхъ волнъ тѣснится груда,
Загудѣлъ подводный гулъ.

И недавно такъ ручное
Море, дикое теперь,
Пасть раскрывъ, при страшномъ боѣ,
Ощетинилось какъ звѣрь,

Рвется въ лодку съ силой гнѣвной
И хватаетъ за бока:

Смерть изъ пропасти стозѣвной,
Смерть глядитъ на рыбака.

А въ лачугѣ, подъ горою,
У рыбацкой слободы,
За грозой слѣдятъ съ тоскою
Подъ предчувствіемъ бѣды.

Грозной бури завыванья
Откликаются въ сердцахъ;
Бурѣ вторятъ содроганья,
Слезы, вопли, хладный страхъ.

Предъ Царицей всѣхъ скорбящихъ,
Предъ Мадонной моряковъ,
Къ ней усердныхъ, къ ней молящихъ,—
Въ часъ опасности покровъ.

Яркій свѣтъ зажженъ въ лампадѣ,
Жарко молятся сердца
О спасеньи, о пощадѣ
Друга, мужа и отца:

„Сердобольная Мадонна!
„Помощь намъ свою яви
„Ты—предстательствомъ у трона
„Милосердья и любви.

„О, утѣшь насъ, утѣшитель!
„Да сойдетъ на насъ съ небесъ
„Мирный ангелъ, вождь-хранитель
„Душъ и немощныхъ тѣлесъ.

„Погибающаго въ морѣ
„Благодатью защити;

„Сиротства бѣду и горе
„Отъ семейства отврати!

„И спасенные мольбами
„Нашей Дѣвы Пресвятой,
„Ожерельемъ и цвѣтами
„Мы украсимъ образъ твой.

CCCCXXXVII.

Нахимовъ, Бебутовъ побѣды близнецы!
Въ васъ ожили въ сей день богатыри-отцы.
Вы отклики громовъ, гремѣвшихъ предъ Кагуломъ,
И съ Чесмы грянувшихъ грозою надъ Стамбуломъ.
Подъемлясь изъ гробницъ, Румянцовъ и Орловъ
Благословляютъ въ васъ своихъ учениковъ.
Восторгомъ вздрогнули ихъ боевыя тѣни,
И за Царемъ своимъ Россія, на колѣни
Смиренно павшая предъ Тѣмъ, кто брань рѣшитъ,
За славный подвигъ вашъ Его благодаритъ.

Вамъ, храбрые вожди дружинъ неустрашимыхъ,
На сушѣ, на моряхъ равно непобѣдимыхъ,
Вамъ, крестнымъ сыновьямъ Полтавы и Петра,
Гремитъ народный кликъ: Спасибо и ура!
Вы доказали вновь — и какъ нельзя яснѣе —
Въ замѣтку для друзей, въ острастку для врага,
Что не отвыкли мы турить пашей по шеѣ,
Что не отвыкъ орелъ лунѣ сшибать рога.
И оглушенная пальбой побѣдъ Европа

Твердитъ Башъ-кадыкъ-ларъ, глазъ не сводя съ Синопа.
Газетныхъ мудрецовъ и ихъ пророчествъ жаль;
Но не страшна для насъ исторіи скрижаль.
Нѣтъ! не поникъ крыломъ орелъ нашъ двоеглавый;

Нѣтъ! не дописана страница нашей славы:
Еще намъ мѣсто есть, гдѣ нашъ прорѣзать слѣдъ,
И записать себя за скрѣпою побѣдъ.

Побѣдъ не нужно намъ: у насъ ихъ списокъ цѣлый.
Широкіе пути и дальніе предѣлы
Упрочили себѣ мы грудью и штыкомъ.
Россіи матушкѣ есть гдѣ зажить домкомъ.
Но если дурь и спесь, забывъ лѣтъ прежнихъ повѣсть,
Затронутъ нашу честь, святыню чувствъ и совѣсть,
И Русской чести стражъ, нашъ Царь, подъемля длань,
Народу своему проговоритъ: Возстань!
Возстанетъ исполинъ, и мужествомъ пылая,
Въ одну святую рать сомкнется Русь святая.
Вновь Сѣверъ загремитъ средь бранныхъ непогодъ,
Грозой вспылаетъ онъ, ударитъ бурей шумной,
И горе гордецамъ, которыхъ пылъ безумный
Накличетъ на себя двѣнадцатый нашъ годъ!

1854 г.

CCCCXXXVIII.

1854-Й ГОДЪ.

Зарею бурной и кровавой,
Изъ тучъ и сквозь багровый паръ,
Богатый карами и славой,
Годъ новый вспыхнулъ какъ пожаръ.
Минувшихъ лѣтъ преемникъ юный
Съ печатью рока на челѣ,
Несетъ онъ въ нѣдрахъ битвъ перуны,
Народовъ жребій, судъ землѣ.

Пусть ихъ мятутся своеволѣно,
Корыстной личности рабы,
И ты, лжемудрый умъ, крамольно
Призналъ себя царемъ судьбы,
И на вѣсы твои, кичливый,
Отвергнувъ Провидѣнья власть,
Кидаютъ сны гордыни лживой
Самонадѣянность и страсть!

Тамъ, предъ Всевышнимъ, у подножій
Его священныхъ алтарей,
Тебя, младый посланникъ Божій,
Со свиткомъ предреченныхъ дней,

Спокойная своимъ смиреньемъ,
Россія, въ часъ сей роковой,
Тебя встрѣчаетъ съ умиленьемъ,
Съ надеждой, вѣрой и мольбой.

Чтобъ ни принесъ ты, мы готовы
Испить предложенный сосудъ:
Успѣхъ ли, опытъ ли суровый—
Все Божій даръ, все Божій судъ.
Мы зрѣли тяжкія годины—
И Божій щитъ былъ нашъ покровъ;
Тѣснили насъ враговъ дружины—
И вѣтръ развѣялъ прахъ враговъ.

И нынѣ-ль, злобою объятый,
На насъ возстанетъ дерзкій врагъ?
Съ стези, гдѣ совѣсть намъ вожатый,
Мы не отступимъ ни на шагъ.
Угрозамъ внемлемъ хладнымъ ухомъ,
Опасности глядимъ въ глаза,
И тѣмъ покорнѣй крѣпнемъ духомъ,
Чѣмъ ближе, чѣмъ сильнѣй гроза.

Пусть робкій, иль высокомѣрный,
Въ день счастья гордые собой,
Въ день скорби никнутъ маловѣрной
И безоружною душой:
Порывомъ буря насъ не сломитъ,
Уронъ не въ стыдъ, а въ бодрость намъ:
Онъ съ долгомъ насъ тѣснѣй знакомитъ—
И мщенье приговоръ врагамъ.

Не страшенъ Русскому народу
Неравный бой: нѣтъ! средь борьбы
Онъ въ силахъ вытерпѣть невзгоду
И выдержать ударъ судьбы.

Москва не сердце ли Россіи?
Она была въ рукахъ врага;
Но Русскій—не склонилъ онъ выи,
Его не дрогнула нога.

Онъ устоялъ предъ грозной тучей,
Онъ, уязвленный въ грудь враждой,
Ей указалъ рукой могучей
На свѣжій и смертельный бой.
Средь бѣдствій, средь борьбы кровавой
Не унывавшій не погибъ:
Господь облекъ смиренье славой,
А славу гордую разшибъ.

О, бодрствуй, Царь великодушный!
На Божій гласъ—гряди впередъ!
И Твой народъ, Тебѣ послушный,
Христолюбивый Твой народъ,
За цѣлость Церкви православной,
Въ ней Богомъ данный намъ кивотъ,
За Твой престолъ самодержавный—
Онъ наша сила, нашъ оплотъ.

За все, что Русскій чтитъ святыней,
За честь и за права Твои,
Народъ Твой ополчится нынѣ,
Какъ ополчался искони.
Не ослѣпленный личной страстью,
Ты Свой народъ ведешь на брань,
Не алчешь ненасытной властью
Ты Царства отодвинуть грань.

Восточной Церкви Сынъ Державный,
За Матерь Ты подъемлешь мечъ!
Ты далъ обѣтъ: яремъ безславный
Сорвать съ ея священныхъ плечъ—

И не измѣнишь Ты обѣту!
И за Тобою Русь Твоя
Вновь явитъ суетному свѣту,
Что Богъ намъ вождь и судія.

CCCCXXXIX.

СОВРЕМЕННЫЯ ЗАМѢТКИ.

Отдохнувъ отъ непогодъ,
Забывается Европа:
Ей двѣнадцатый нашъ годъ —
Какъ преданье до потопа.

Былъ кому онъ торжествомъ
И кому нанесъ обиды,
Поминаютъ вскользъ о томъ
Школъ новѣйшихъ Ѳукидиды.

И во всемъ, что нужно знать
Изъ событій той эпохи,
Чернь умовъ и даже знать —
Всѣ въ Европѣ очень плохи.

А не худо-бъ господамъ
Европейскимъ лицедѣямъ,
Полководцамъ, мудрецамъ,
Ротозѣямъ, грамотѣямъ,

И Французу изъ Бордо,
И заносчивому лорду,

Всѣмъ, въ орлиное гнѣздо
Не спросясь уткнувшимъ морду —

Всѣмъ не худо-бъ затвердить
Ту главу изъ Русской были,
Какъ вопросъ: „бить, иль не бить?“
Мы по-своему рѣшили.

Пусть припомнятъ же они,
Какъ честныхъ гостей почетно
Въ достопамятные дни
Мы отпотчивали плотно;

Какъ, по старымъ образцамъ
И по Русскому уставу,
Баню жаркую гостямъ
Затопили мы на славу;

Какъ подкладывали въ печь,
Чѣмъ богаты, тѣмъ и рады —
Дровъ ли мало, такъ картечь
И различные заряды;

Какъ трехгранной кочергой
Чисто-Тульскаго издѣлья
Жаръ сгребали на убой
Имъ на баню новоселья.

Свой у каждаго пріемъ:
Вѣдь что городъ, то и норовъ —
Такъ училъ насъ подъ огнемъ
Славный баньщикъ нашъ Суворовъ.

И за то — помилуй Богъ! —
Какъ мы ихъ перевернули,
Какъ отъ маковки до ногъ
Шкуру вѣниками вздули!

Сами, до поту лица,
Только бъ сыты были гости,
Мы ихъ грѣли до конца,
Такъ что ихъ трещали кости.

И кто вышелъ чуть живой
Изъ припарки той свирѣпой,
Вынесъ тѣло—головнёй,
Душу—пареною рѣпой.

А потомъ, на упокой,
Чтобъ голубчики остыли,
Мы Березинской водой
Студено ихъ окатили.

У того спросите вы,
Кто былъ первымъ средь счастливцевъ,
И теперь—кумиръ молвы —
Спитъ подъ стражей сослуживцевъ;

Кѣмъ полна была земля,
Кто взлеталъ на пирамиды —
И былъ сброшенъ въ прахъ съ Кремля,
Не стерпѣвшаго обиды.

Онъ—вашъ маленькій капралъ,
Вы-жъ—подъ ростъ его мизинцу;
Да и тотъ не разжевалъ
Всероссійскаго гостинцу.

И съ заправскимъ (хоть съ трудомъ)
Мы сочлись, взыскавъ всѣ пени:
Не управимся ль путёмъ
Съ блѣдной тѣнью славной тѣни?

Вы спросите эту тѣнь:
Что такое за Россія?
Что за ледъ и за кремень
Наши груди боевыя?

Онъ изъ гроба скажетъ вамъ,
Что извѣдалъ ихъ—да поздно,
И въ урокъ текущимъ днямъ
Возвѣстятъ, раскрывшись грозно,

Смертью сжатыя уста:
Что, отвергнувъ миръ позорный,
У подножія Креста,
Съ вѣрой чистой и покорной,

Мы Москву свою зажгли,
Словно жертвенникъ молебный —
И, не помня зла, спасли
Мы же городъ вашъ враждебный.

Прожужжалъ и протрубилъ
Сей Парижъ многоглагольный,
Что какъ дома онъ гостилъ
На Москвѣ первопрестольной.

Помнимъ этотъ мы визитъ!
И за честь въ уплату, мы же,
Не вмѣнивъ учтивость въ стыдъ,
Были два раза въ Парижѣ.

И о прочемъ не въ укоръ
Мы могли бъ напомнить прочимъ...
Но дальнѣйшій нашъ обзоръ
Мы до времени отсрочимъ.

CCCCXL.

ДУНАЙСКІЯ ПѢСНИ.

1.

Намъ давно знакомъ твой край,
Сынъ Ивановичъ, Дунай!
Здѣсь сражались наши дѣды,
Здѣсь гремѣлъ и бой отцовъ:
Каждый шагъ здѣсь—слѣдъ побѣды
Нашихъ Русскихъ удальцовъ.

Намъ давно знакомъ твой край,
Сынъ Ивановичъ, Дунай!
Съ крѣпостей твоихъ и шанцевъ
Гласъ родной намъ льется въ грудь:
Вотъ Суворовъ, вотъ Румянцовъ
Намъ указываютъ путь.

Намъ давно знакомъ твой край,
Сынъ Ивановичъ, Дунай!
Былъ у насъ и За-Балканскій!
Чтожъ? все это на починъ:
Нашъ Варшавскій-Эриванскій
Третьихъ ждетъ себѣ крестинъ.

Намъ давно знакомъ твой край,
Сынъ Ивановичъ, Дунай!
Богъ поможетъ, Царь прикажетъ—
И сорвемъ почетъ тройной:
Пусть Паскевичъ бой завяжетъ,
А ужъ мы развяжемъ бой.

Намъ давно знакомъ твой край,
Сынъ Ивановичъ, Дунай!
Впереди орломъ онъ грянетъ,
А мы стаей за орломъ:
Царь живыхъ, а Богъ помянетъ
Падшихъ въ царствіи Своемъ.

Намъ давно знакомъ твой край,
Сынъ Ивановичъ, Дунай!
Братцы! мы пилавъ Дуная
Русской кашей заваримъ,
И подъ ножѣ Николая
Супостатовъ покоримъ.

2.

Тамъ, за матушкой-Москвой,
Тамъ, въ родимой сторонѣ,
Красна дѣвица-душа
Стосковалася по мнѣ.
Блекнутъ щечки маковъ-цвѣтъ;
Голубыя очи впали;
Въ терему своемъ она
День и ночь съ змѣей-тоской,
Предъ иконою святой
Утоленія печали,
Думу думаетъ одну,
Заливаясь, изливаясь
И горючими слезами,
И горячими мольбами,

Чтобъ Заступница благая,
Чтобы Матерь Пресвятая
Ей, средь битвы, сберегла
Друга, кѣмъ ей жизнь мила.
Обрученная моя
Клятвой сердца и кольца,
Не крушися; не слези
Ты румянаго лица.
Не губи красы своей,
Не губи ты свѣтлы очи,
Береги ты для меня,
Береги свою красу
Ты для свадебнаго дня.
Не горюй до поздней ночи.
Помолись на сонъ грядущій,
Помолись ты за меня,
Да за батюшку-Царя!
Возвращусь къ тебѣ съ добычей:
Принесу изъ-за Дуная
Подвѣнечную свѣчу,
Подарю тебѣ на платье
Цареградскую парчу.

3.

Чести Русскаго солдата
Я не выдамъ бусурману;
До послѣдней капли крови
За Царя я биться стану.
Я не выдамъ нечестивцу
Царской сабли молодецкой:
Я ее по рукоятку
Окуну въ крови Турецкой.
Я не выдамъ бусурману
Златояраго подарка,
Что съ мизинца, на прощанье,

Мнѣ дала моя сударка;
Развѣ врагъ, нечистой силой,
Руку мнѣ долой отрубитъ,
Развѣ сердце мнѣ проколетъ,
Развѣ мертвый я паду.

4.

Заспесивился Турченокъ,
Онъ зафыркалъ, поднялъ носъ,
Онъ реветъ: я не ребенокъ!
Я и самъ теперь подросъ!

Рѣчью громкой, рѣчью рѣзкой
Ты, голубчикъ, порешь гиль,
Митрофанушка подъ феской,
Межъ народами бобыль!

Выросъ ты—чрезчуръ не бреди!
А къ чему-жъ, скажи-ка намъ,
Взялъ къ себѣ ты въ няньки: леди,
Да Французскую мадамъ?

Изъ-за нихъ на насъ ты лѣзешь,
Кажешь кукишъ въ-горячахъ,
И побѣды съ-дуру грезишь
На поляхъ и на моряхъ.

Ошибаешься ты въ этомъ,
Какъ ни прячься, Мустафа!
Хоть за Англійскимъ лафетомъ,
Все тебѣ же не лафа.

Знаемъ ихъ, задорныхъ янекъ;
Имъ тебя не отстоять:
Дай-ка срокъ! тебя и нянекъ
Скоро мы уложимъ спать!

CCCCXLI.

НЕ ПОМНИТЕ?

T'en souviens tu? disait un capitaine.

У васъ, господъ, изъ шайки Бонапарта,
Набѣгами тревожившей весь свѣтъ,
У васъ своя исторія и карта,
Гдѣ черныхъ дней, гдѣ темныхъ точекъ нѣтъ.
Свой рядъ имянъ пустили вы въ огласку,
Ведете счетъ однимъ удачнымъ днямъ;
А тамъ, гдѣ мы путемъ вамъ дали таску,
Не помните?—Такъ мы-жъ напомнимъ вамъ.

Аустерлицъ разкрасить вы умѣли,
А напримѣръ, Тарутино въ потьмахъ:
Подъ Краснымъ то-жъ, кажись, вы на мель сѣли,
Но съ Краснаго рябитъ у васъ въ глазахъ.
Ощипанъ былъ тамъ вашъ орелъ кургузый,
И перья онъ разсыпалъ по полямъ.
А помните-ль Кутузова, Французы,
Не помните?—Такъ мы-жъ напомнимъ вамъ.

Онъ какъ ни старъ, а ловкій былъ дѣтина,
И хоть и былъ однимъ онъ глазомъ плохъ,

Не проглядѣлъ гостей онъ до едина,
И всѣхъ привелъ въ большой переполохъ.
И многихъ, здѣсь, изъ той лихой артели
Пересчитать не трудно было-бъ намъ,
Отъ ихъ пировъ и вы не разъ хмелѣли,
Не помните? — Такъ мы-жъ напомнимъ вамъ.

Былъ Виттенштейнъ, Багратіонъ, Раевскій,
Да и теперь есть кое-кто у насъ.
Пришла-жъ вамъ мысль испить водицы Невской,
Такъ что-жъ? Гостямъ мы рады, въ добрый часъ.
Но знай впередъ, кто-бъ ни былъ ты, дружище,
Вода Невы опасна новичкамъ:
Она—она—какъ бы сказать почище?
Но, послѣ мы о томъ напомнимъ вамъ.

CCCCXLII.

МАТРОССКАЯ ПѢСНЯ.

Англичане вы,
Сгоряча Невы
Поклялись испить,
Насъ взялись избить.

Море ждетъ напасть,
Сжечь грозитъ синица,
А на Русь напасть
Лондонская птица.

Честь мы воздаемъ
Англійскимъ матросамъ,
Но быть и вдвоемъ
Не легко матросамъ.

Любитъ свой Кронштатъ
Нашъ морской Никола,
Въ немъ морской нашъ штатъ
Знаетъ Богомола.

Богъ оборони,
Пустъ кричатъ они

Что Кронштатъ зажгутъ,
Примемся за жгутъ.

И прогонимъ ихъ,
Да прогоны съ нихъ
Мы же тутъ сдеремъ
На аракъ и ромъ.

Выходи, о рать,
Полно вамъ орать:
Тутъ не до спичей,
Пичканыхъ рѣчей.

Выставь свой народъ
Къ намъ ты на опушки,
И зажмутъ вамъ ротъ
Наши матки—пушки.

Зададимъ вамъ пиръ,
А тебя вампиръ,
Адмиралъ Непиръ,
Ждетъ у насъ не пиръ.

Ждетъ тебя урокъ,
Скрежетъ, плачъ и стонъ,
Скажешь: ужъ пророкъ
Этотъ Пальмерстонъ!

Онъ меня подбилъ,
Онъ-же напоилъ,
И побѣдныхъ силъ
Спьяну насулилъ.

Вотъ тебѣ и хмель!
Въ головѣ шумѣло,

А очнись,—экъ мель!
И все дѣло сѣло.

За цвѣтной подвязкой
Сунулся ты къ намъ,
Но, братъ, въ топи вязкой
Ты увязнешь самъ.

CCCCXLIII.

Вотъ мчится тройка удалая
Вдоль по дорожкѣ столбовой,
Летитъ курьеръ изъ-за Дуная
Въ пыли и славѣ боевой.

Летитъ онъ въ Питеръ съ доброй вѣстью,
Что Русскихъ рать свое взяла,
Что озарились новой честью
Птенцы Державнаго орла;

Что поминая Русь святую
Во славу батюшки Царя,
Полки подъ пѣсню удалую
Неслись на ядра не смотря;

Что разщелкали, одолѣли
Они полдюжину нашей,
И только объ одномъ жалѣли,
Что врагъ не втрое былъ сильнѣй.

И сердце радостью задышетъ,
Слеза блеснетъ изъ Царскихъ глазъ,
Когда Родимый нашъ услышитъ
Про храбрыхъ дѣтушекъ разсказъ.

Царь вѣстнику спасибо скажетъ,
И въ почесть и для красоты

На груди бранныя навяжетъ
Побѣдоносные кресты.

И разнесется вѣсть въ народѣ
И побѣгутъ всѣ къ алтарямъ,
И пѣснью: Взбранной Воеводе!
Отгрянетъ каждый Русскій храмъ!

Всякъ сотворитъ поклонъ съ молитвой
За храбрыхъ отстоявшихъ бой,
И три поклона въ память—битвой
Завѣщаннымъ землѣ сырой. —

Вамъ исполать, дружины славы!
Душа и вождь ихъ Горчаковъ!
Булаты наши, въ день кровавый,
Вы Лидерсъ, Шильдеръ, Ушаковъ!

И ты, запечатлѣвшій кровью
Свою къ отечеству любовь,
Ура! Дубенскій! Русь любовью
Воздастъ тебѣ за эту кровь.

Вамъ всѣмъ хвала! Вожди и вои,
Россіи честь, семья Царя,
Христолюбивые герои
И ратоборцы алтаря!

Вашъ кликъ предъ битвою кровавой,
Кликъ смертоносный для враговъ:
„Иль побѣдить, иль пасть со славой
На трупахъ вражескихъ полковъ.“

CCCCXLIV.

АНДРЕЮ КАРАМЗИНУ.

Счастливый путь подъ ядра роковыя!
Тамъ бой кипитъ въ горахъ и средь равнинъ,
Тамъ развились хоругви боевыя,
Тамъ крестъ и честь, вожди родныхъ дружинъ.
Когда зоветъ сыновъ своихъ Россія
Откликнуться ей долженъ Карамзинъ.

Не даромъ былъ ты съ самаго рожденья
Огнемъ души родительской согрѣтъ,
Уразумѣлъ ея ты вдохновенья,
Ты оправдалъ отца святой завѣтъ:
Отчизнѣ въ даръ всѣ жертвоприношенья,
Царю любовь и вѣрности обѣтъ!

И тѣнь отца тебя благословила,
И мать съ небесъ духовные глаза
На милаго ей сына обратила,
И пала на тебя незримая слеза;
Но въ той слезѣ есть благодати сила,
И мимо пролетитъ тебя гроза!

Не въ первый разъ сразишься съ нечестивымъ,
Ты въ бой несешь обстрѣленную грудь;
Сроднился ты съ свинцомъ честолюбивымъ.
На новый путь лети: счастливый путь!
Онъ близокъ часъ полкамъ нетерпѣливымъ
Балканскихъ горъ хребетъ перешагнуть!

А ты ему зарею беззакатной
Блеснувшая на жизненномъ пути,
Не унывай—вѣрь въ Промыслъ благодатный,
И скорбь свою надеждой просвѣти!
Свиданья днемъ и блескомъ славы ратной
Окупится день грустнаго прости!

Ты друга жди! придетъ онъ и для встрѣчи
Ему цвѣты и пѣсни приготовь.
Разскажетъ онъ про удалыя сѣчи;
Какъ наша рать покрылась славой вновь,
И съ жадностью его внимая рѣчи
Ты будешь вся и гордость и любовь!

CCCCXLV.

ОДЕССА.

Rule Britannia!

Потомки Нельсона, безславные потомки
Стыдомъ Британскій флагъ вамъ удалось облечь.
Теперь вашъ Трафальгаръ, теперь вашъ подвигъ громкій:
Купеческую гавань сжечь.

Достоинъ подвигъ сей васъ, янычаръ Султана,
Васъ ложныхъ Англичанъ, клевретовъ лже-царя,
Который на чредѣ и царственнаго сана
Жиль-Блазъ втораго декабря.

Хвалитесь на моряхъ всемірною державой,
Rule Britannia—воспойте! тщетный трудъ!
Вы зажигатели,—и каторжною славой
Васъ заклеймитъ потомства судъ.

И выбрали-жъ вы день, великую Субботу,
Чтобы предательски напасть на Христіанъ:
Іудамъ, выдавшимъ Христа, вамъ за работу
Піастровъ съ тридцать дастъ Султанъ.

Священнымъ пѣніемъ всѣ храмы были полны,
Молящійся народъ тѣснился къ алтарямъ,
Молитвъ и теплыхъ слезъ и ѳиміама волны
Взносились жертвой къ небесамъ.

А въ васъ, въ сей скорбный день, кипѣли страсть и злоба,
Молитвой вашей былъ вопль звѣрства, грабежей,
Вашъ гнусный ѳиміамъ въ виду Святаго Гроба,
Былъ смрадъ убійственныхъ огней.

А ты страдалица, Одесса молодая,
Ты южная звѣзда на Русскихъ небесахъ,
Ты младшая сестра въ семьѣ роднаго края
Царевна въ Русскихъ городахъ!

Возросшая въ сѣни довольства и покоя,
Какъ все ростетъ у насъ по днямъ, не по годамъ,
Не унывай! печаль твою себѣ присвоя
Съ тобой мы дѣлимъ по-поламъ.

Своими язвами ты намъ милѣе стала,
Россія за тебя о мести вопіетъ.
Нѣтъ! не вотще за насъ ты свято пострадала:
Народной мести часъ пробьетъ.

Ты снова процвѣтешь подъятая любовью,
Ты пепелъ свой и скорбь стряхнешь съ раменъ младыхъ;
Но бѣдствіе твое падетъ огнемъ и кровью
На оскорбителей твоихъ.

CCCCXLVI.

ЩЕГОЛЕВУ.

Волокиты, денди, лорды
И Французскій пѣтушокъ,
Все народъ лихой и гордый,
Ловкій брать все на храпокъ.

Согласились межъ собою
Насъ, гуляя, навѣстить,
Чтобъ красавицу, безъ бою,
Гдѣ нибудь да захватить.

На купеческую дочку
Разгорѣлся грѣшный глазъ,
Не пускаясь въ проволочку,
Говорятъ: плѣнимъ какъ разъ!

Засылаютъ къ ней цедулки,
Не потѣшитъ ихъ полъ-вздохомъ,
Не мигнетъ подъ ихъ огнемъ,
Словно въ стѣну бьютъ горохомъ,
А горохъ ей ни по чемъ.

Нѣтъ, повѣсы, нѣтъ, балбесы,
И у насъ есть щеголь свой!
Онъ не выдастъ вамъ Одессы
Съ батареи щегольской.

Сакенъ юношу направилъ,
И нашъ левъ-молокососъ
И учителя прославилъ
И героемъ вдругъ возросъ.

CCCCXLVII.

СОЗНАНІЕ.

Владиміру Павловичу Титову.

Я не могу сказать, что старость для меня
Безоблачный закатъ безоблачнаго дня.
Мой полдень мраченъ былъ и бурями встревоженъ
И темный вечеръ мой весь тучами обложенъ.
Я къ старости дошелъ путемъ родныхъ могилъ:
Я пережилъ дѣтей, друзей я схоронилъ;
Начну ли провѣрять минувшихъ дней итоги?
Обратно-ль оглянусь съ томительной дороги?
Вездѣ развалины, вездѣ слѣды утратъ
О пройденномъ пути одни мнѣ говорятъ.
Въ себя ли опущу я взоръ свой безотрадный?
Все тѣ-жъ развалины, все тотъ же пепелъ хладный
Печально нахожу въ сердечной глубинѣ:
И тамъ живымъ плодомъ жизнь не сказалась мнѣ.
Талантъ, который былъ мнѣ данъ для приращенья,
Оставилъ празднымъ я на жертву нерадѣнья;
Все въ сѣмени самомъ моя убила лѣнь
И чуждъ былъ для меня созрѣвшей жатвы день.
Боецъ безъ мужества и труженикъ безъ вѣры
Побѣды не стяжалъ и не восполнилъ мѣры,

Которая ему назначена была.
Гдѣ жертвой и трудомъ подъятыя дѣла?
Гдѣ воли торжество, благихъ трудовъ начало?
Какъ много праздныхъ думъ, а подвиговъ какъ мало!
Я жизни таинства и смысла не постигъ;
Я не съумѣлъ нести святыхъ ея веригъ,
И крестъ, ниспосланный мнѣ свыше мудрой волей,
Какъ воину хоругвь дается въ ратномъ полѣ, —
Безумно и грѣшно, чтобы вольнѣй идти,
Снимая съ слабыхъ плечъ, бросалъ я по пути.
Но догонялъ меня крестъ съ ношею суровой,
Вновь тяготѣлъ на мнѣ и глубже язвой новой
Насильно онъ въ меня вросталъ.

Въ борьбѣ слѣпой
Не съ внутреннимъ врагомъ я бился, не съ собой;
Но Промыслъ обойти пытался разумъ шаткой,
Но Промыслъ обмануть хотѣлъ я, чтобъ украдкой
Мнѣ выбиться на жизнь изъ—подъ Его руки
И новый путь пробить, призваныю вопреки.
Но счастья тѣнь поймать не въ прокъ пошли усилья,
А избранныхъ плодовъ несчастья не вкусилъ я.
И видя дней своихъ скудѣющую нить,
Теперь, что къ гробу я все ближе подвигаюсь,
Я только сознаю, что разучился жить,
Но умирать не научаюсь.

CCCCXLVIII.

12 ІЮЛЯ 1854 ГОДА.

Не думалъ я дожить до нынѣшняго дня,
Казалось мнѣ, что смерть ужъ сторожитъ меня,
Что тутъ же должника просрочившаго схватитъ,
И мой послѣдній часъ весь старый долгъ уплатитъ.
Съ днемъ каждымъ я твердилъ: вотъ мой послѣдній день!
Набросить ночь свою таинственную тѣнь,
Вступлю ли какъ во гробъ на роковое ложе?
Съ тоской и трепетомъ взывалъ я: Боже, Боже!
Я знаю, сочтены мнѣ ввѣренные дни,
Во царствіи своемъ меня Ты помяни!
Когда изъ тьмы ночной заутра день воспрянетъ,
За трапезой живыхъ меня онъ не застанетъ
И ближнихъ и друзей рыдающій привѣтъ
Не сотрясетъ груди, въ которой жизни нѣтъ.
А я еще живу иль ношу дней таскаю,
Въ могилу сверстниковъ и младшихъ провожаю;
Забытый смертью гость на жизненномъ пиру
Играю все еще въ житейскую игру,
Случайный выигрышъ записываю мѣломъ,
А проигрышъ лежитъ въ начетѣ мнѣ тяжеломъ;
И какъ о смерти я ни думалъ, ни гадалъ,

Но все же невзначай захватитъ смерти валъ.
Гоняясь, какъ дитя, за мошкой златокрылой,
За сномъ, за облакомъ, за суетностью милой,
За рифмой, можетъ быть, такъ что оставлю я
Стихъ недодѣланный, какъ и вся жизнь моя—
Умру. Умру, какъ знать? Въ расплохъ предъ добрымъ дѣломъ,
Которое во мнѣ въ зачаткѣ недозрѣломъ
Умретъ и безъ слѣда погибнетъ не родясь.
Волна во слѣдъ волнѣ, день за день торопясь
Въ однообразіи, одинъ съ другимъ несходный,
Но сходные своей тревогою безплодной
Все льются! Поглядишь—и старость на плечахъ.
Вотъ боемъ медленнымъ на роковыхъ часахъ
Шестьдесятъ два года сегодня мнѣ пробило
И все во мнѣ тоской язвительной заныло.
Счастливъ, кто долго жилъ и дожилъ до того,
Что празднуетъ онъ день рожденья своего
Предъ собственнымъ судомъ и ближнихъ не краснѣя;
Кто днями, какъ плодомъ обильнымъ, тяготѣя,
Дать Промыслу готовъ отчетъ въ грядущемъ днѣ,
Подобной жизни намъ примѣръ въ Карамзинѣ.
Всего прекраснаго она была зерцало,
Безсмертья свѣтлаго зачатокъ и начало,
И на землѣ она созрѣла для небесъ,
И каждый день ея имѣлъ свой смыслъ и вѣсъ.
Всѣхъ чистыхъ благъ земли участникъ простодушный
И въ тяжкихъ опытахъ безропотно послушный
Любилъ, какъ Божій даръ, онъ міръ и бытіе.
Какъ совершаетъ жрецъ служеніе свое,
Такъ свѣтлый труженикъ и онъ, въ смиреньи строгомъ,
Долгъ жизни совершилъ передъ людьми и Богомъ.
Зиждительную мысль онъ чувствомъ согрѣвалъ,
Умомъ онъ дѣйствовалъ, душою назидалъ,
Среди упадка чувствъ, средь робости душевной,
Средь мелочныхъ потребъ заботы повседневной,
Средь немощи умовъ и алчности суетъ,

Которыми скорбитъ болѣзненный нашъ свѣтъ,
Въ явленіи своемъ и чистомъ и высокомъ
Жизнь свѣтлая его была для насъ урокомъ.
И умеръ онъ, какъ жилъ, и въ свой послѣдній часъ,
Какъ теплый лѣтній день, прекрасно онъ угасъ.

Другой ему во слѣдъ, такой же отрокъ Божій,
Высокой простотой и кротостью съ нимъ схожій,
Какъ онъ, учитель нашъ и слова чистый жрецъ,
Свѣтлана прозвищемъ, Свѣтлана и душою,
Плеяды нашей былъ онъ милою звѣздою.
Всего прекраснаго поклонникъ, онъ мечты
И жизнь свою облекъ въ святыню красоты.
Когда томились мы страстей упорныхъ боемъ,
Къ нему, подъ сѣнь его, хранимую покоемъ,
Къ нему, источнику, котораго струя
Чиста подъ бурями, свѣжа подъ зноемъ дня,
Къ нему спѣшили мы и у его порога,
При немъ смирялась душъ взволнованныхъ тревога.
Такъ свѣтелъ духомъ былъ, такъ чистъ онъ былъ умомъ,
Любви и теплоты такъ много было въ немъ,
Что все вокругъ его добромъ благоухало
И пѣснью стройною струилось и звучало.
Душой Жуковскій былъ близнецъ Карамзина,
Была и старость ихъ цвѣтущая весна.

Жизнь протекла моя подъ дружеской ихъ тѣнью
За ними, слѣдуя благому направленью,
И я бы могъ себѣ избрать благую цѣль!
Разумно миновать рѣки житейской мель,
Верхи подводныхъ скалъ и тѣсные пороги
Я могъ бы, двухъ вождей своихъ послушникъ строгій
Въ побѣдѣ надъ собой и жизнью, какъ они
Обогатить плодомъ воздѣланные дни,
И совѣсть не боясь встревожить и ужалить,
Сказать: мой конченъ путь! и къ пристани причалить.

Но былъ я слишкомъ гордъ, но былъ я слишкомъ слабъ,
Страстей воспитанникъ и малодушный рабъ,
Чтобъ подчинить себя ихъ строгому примѣру,
И жизнь свою привесть имъ въ уровень и въ мѣру.
Въ пылу своихъ страстей и суетныхъ тревогъ,
Я только изрѣдка и мимоходомъ могъ
Вступить въ святилище ихъ жизни безупречной,
Ихъ свѣтлой мудростью и рѣчью ихъ сердечной
Умъ успокоивать и душу освѣжать;
Но воли не было, и мнѣ имъ подражать
Теперь, что временемъ и опытомъ суровымъ
Мой просвѣтился умъ подъ небосклономъ новымъ,
Я грустью позднею скорблю. Вотъ отчего
Мнѣ и не въ праздникъ день рожденья моего,
Изъ совѣсти моей онъ вызвалъ укоризну;
И этотъ тяжкій день не праздновать, а тризну
Въ немъ грустно совершить съ сознаньемъ я готовъ
Въ поминки такъ легко убитыхъ мной годовъ.

CCCCXLIX.

БЛЮХЕРЪ и ВЕЛЛИНГТОНЪ.

Воспряньте отъ негодованья
Изъ вашихъ вздрогнувшихъ гробницъ
Живыя тѣни и преданья
Великихъ дней, великихъ лицъ!
Судомъ и карой обличенья
Раздайся вашъ загробный стонъ
Твой Блюхеръ-вихрь! Твой, мужъ терпѣнья,
Герой упорства, Веллингтонъ!

Вамъ измѣнившее потомство
Перебѣгаетъ въ вражій станъ:
Стыду предайте вѣроломство
Васъ недостойныхъ согражданъ.
И въ вашихъ доблестныхъ отчизнахъ
Нашлись невѣрные сыны:
Заглохли въ тщетныхъ укоризнахъ
Въ нихъ честь и совѣсть старины.

Не въ прокъ имъ вашъ вѣнецъ лавровый,
Имъ ваше имя тяжело:
Врагамъ предать они готовы
Вашъ незабвенный Ватерло!

Враги хотятъ, чтобъ вами смыли
Сорокалѣтнее пятно,
Которымъ вы ихъ заклеймили,—
И вами съ ними заодно!..

И ваши—что-жъ? спѣшатъ потворствомъ
Ихъ гнѣвъ на милость преклонить,
Предъ ихъ гордынею—покорствомъ
Грѣхъ вашей славы искупить.
Они народнымъ святотатствомъ
На память вашу возстаютъ;
Съ врагомъ, попранномъ вами, братствомъ
Связавшись, васъ же предаютъ.

Родъ недостойный, малодушный,
Безчестья жаждущій! страстямъ,
Корысти, робости послушный,
Чего ты ждешь? не знаешь самъ.
Не мнишь ли, совѣстью торгуя,
Остаться съ жалкимъ барышемъ,
И съ двухъ сторонъ опасность чуя,
Застраховать себя стыдомъ?

Нѣтъ, дни лукавства скоротечны,
И ложь и лжи сыны падутъ:
Державы честью долговѣчны,
Народы мужествомъ живутъ.
Нѣтъ, твой разсчетъ тебя обманетъ,
Стыдомъ не купишь прочныхъ благъ,
И на тебя судъ правды грянетъ,
Двуличный другъ, двуличный врагъ!

CCCCL.

ЕЛИЗА.

Между окошкомъ и подушкой
Елиза жизнь свою влачитъ,
И такъ что не разбудишь пушкой,
До полдня во всю ночь храпитъ.

Иль вставъ съ постели—для дежурства
Идетъ къ окну, глотая пыль,
Знакомымъ раздавать бонжурства
И разные: ке-ву пле-тиль?

Хотя въ краяхъ различныхъ міра
Была Елиза, здѣсь и тамъ,
Кромѣ Австрійскаго мундира
Все было ей не по глазамъ.

Вотъ Гильдербергъ—сказать примѣрно —
Ужъ очень милый городокъ,
Своей огромной бочкой вѣрно
Вниманье многихъ онъ привлекъ.

Предъ этой бочкой отовсюду
Туристовъ жадная толпа;

Ее-жъ спроси про ту посуду —
Елиза скажетъ: не се-па.

Какъ „не се-па?“ Помилуй Боже!
Вѣдь въ Гильдербергѣ ты была?
Она въ отвѣтъ на то: такъ что же?
Была, да бочку проспала.

И мало-ль — нечего тутъ спорить —
Чудесъ, изволила она
И прозѣвать и проформорить
По пустякамъ или со сна.

Признаться должно, ей не въ радость
Природы прелесть и красы;
За то въ отраду ей и въ сладость
Кусокъ нѣмецкой колбасы.

Когда-жъ: мейнъгеръ Иванъ Андреичъ
Хоть мимо глазъ ея мелькнетъ,
Сей часъ тутъ: шпрехенъ ли зи деичъ?
И бутербродомъ полонъ ротъ.

Въ ней бредитъ умъ копченымъ шмерцемъ,
Гдѣ Нѣмцевъ нѣтъ, она въ хандрѣ,
И предалась копченымъ сердцемъ
Она копченой нѣмчурѣ.

Елиза фриштикаетъ плотно,
А за обѣдомъ губки жметъ:
Начать ли? все начнетъ охотно,
И тутъ же броситъ что начнетъ.

Калошъ носить она не любитъ,
А флюсъ и радъ ей щеку вздуть!
Перчатокъ по три пары губитъ,
Чтобъ только уже натянуть.

Къ порядку мало въ ней привычки,
Кругомъ ея всегда хаосъ;
Разбросаны по стульямъ спички,
На письменномъ столѣ подносъ.

Въ пыли валяются браслеты,
И прочее подъ эту стать.
Вотъ вкратцѣ вѣрныя примѣты,
Чтобъ ближе нравъ ея узнать.

А между тѣмъ мила Елиза.
Скажу про внучку не шутя:
Она дитя—не безъ каприза—
Но добродушное дитя.

Дай Богъ ей счастье на дорогу!
Но если счастье лживый сонъ,
Угоденъ путь ея будь Богу,
И совѣстью будь свѣтелъ онъ!

CCCCLI.

ДВА АДМИРАЛА.

подражаніе Двумъ воронамъ Пушкина.

Воронъ къ ворону летитъ,
Воронъ ворону кричитъ:
Воронъ, гдѣ бъ намъ отобѣдать?
Какъ бы намъ о томъ провѣдать?

Пушкинъ.

Гамелинъ кричитъ Дундасу:
У меня ужъ нѣтъ запасу,

Адмиральскій часъ пробилъ!
Я-бъ охотно закусилъ.

Гдѣ-бъ достать намъ что нибудь,
Чтобъ въ желудкѣ щель заткнуть?

Говоритъ на то Дундасъ:
Yes! То есть по русски „да-съ"!

И меня сэръ Гамелинъ
Одолѣлъ голодный сплинъ.

Что за варварскій здѣсь край!
На-тощакъ себѣ гуляй.

Но потерпимъ, дѣла нѣтъ!
Знаю, будетъ намъ обѣдъ.

Въ чистомъ морѣ—знаменитый
Городъ съ гаванью открытый,

Городъ сытный, хлѣбосольный,
Мы останемся довольны!

Обѣщалъ мнѣ лордъ Редклифъ
Что получатъ тамъ ростбифъ

Наши англійскія пузы,
А любезные Французы

Изъ лягушекъ фрикасе,
Чтобы сыты были всѣ.

И за лакомымъ кускомъ
Поплелись они гуськомъ.

Вотъ и городъ. Каждый ахнетъ—
Щами; кашей такъ и пахнетъ!

Подошли, разинувъ ротъ,
Видитъ глазъ да зубъ нейметъ.

Соколъ вороновъ тамъ встрѣтилъ—
Остенъ-Сакенъ ихъ отпетилъ,

Говоритъ: подите прочь!
Лордъ Редклифъ что ни пророчь,

Мы имѣемъ щи да кашу
Не про васъ и сволочь вашу;

Побродягъ издалека!
Только суньтесь! Но пока

Я и Щеголевъ мы живы,
Не видать вамъ здѣсь поживы!

Гость незваный, что Татаринъ,
Русскій дома самъ свой баринъ,

Щей горшокъ да самъ большой!
Уплетайтесь-ка домой!

И они туда-сюда,
Злостью голода, стыда,

Ихъ гнететъ, грызетъ, коробитъ,
Но ничто тутъ не пособитъ.

Какъ не злобствуютъ они,
А нашъ Сакенъ имъ ни-ни!

Въ положеньи этомъ жуткомъ,
Съ носомъ и пустымъ желудкомъ,

Адмиральская чета,
Видя, что все тутъ тщета,

Парусами повернули
И обратно улизнули,

Свой облизывая ротъ,
Чтобъ въ обманъ ввести народъ,

И сказали бы журналы,
Что прожоры адмиралы,

Кусъ чужой схватить любя,
Видно дали знать себя;

Видно славно покутили
И Одессу проглотили!

Сказка сказкой былью быль!
Пусть въ глаза кидаетъ пыль.

Мы на бредъ англо-французскій
Скажемъ попросту, по русски:

По усамъ у нихъ текло,
И усы слегка прожгло;

Но хоть бились и не мало,
Въ ротъ ни капли не попало.

CCCCLII.

При Ней намъ вѣетъ на чужбинѣ
Благоуханіемъ роднымъ,
И все родное, какъ въ святынѣ,
Слилось въ Ней знаменьемъ живымъ.

Ея улыбкой согрѣваясь,
Душа въ насъ грустныхъ думъ чужда:
Въ Ней словно свѣтитъ, улыбаясь,
Намъ милой родины звѣзда.

Родной рѣки волна младая,
Цвѣтъ юный съ царственныхъ вѣтвей,
Она поэзія родная,
Народной были отблескъ въ Ней!

Какъ величаво и красиво
Свѣтлѣетъ Русь въ Ея лицѣ!
Какъ смотримъ мы самолюбиво
На яхонтъ свой въ чужомъ вѣнцѣ!

Завидно намъ, что кладъ сей милый
Отторгнутъ отъ родной земли,
И что судьбы всевластной силой,
Его въ край дальній занесли!

Но въ грусти мысль насъ утѣшаетъ,
Что наша Русская Семья
Блескъ благодатный проливаетъ
И на далекіе края;

Что какъ въ минувшемъ, такъ и нынѣ,
Народа чуждаго любовь,
Не измѣнивъ Екатеринѣ,
Ее встрѣчаетъ въ Ольгѣ вновь!

Когда при Ней церковнымъ пѣньемъ
Въ насъ умиляются сердца,
И всѣ съ колѣнопреклоненьемъ
Мы молимъ Вышняго Творца:

За нашу Русь, за Православье,
За славу Царскаго вѣнца,
И за побѣды и за здравье
Ея Державнаго отца;

Теплѣй молитвы наши льются
И орошаются глаза,
Когда на наши отзовутся
Ея молитва и слеза.

И въ чистыя мгновенья эти
Мы чувствуемъ внутри сердецъ,
Что съ Ней одной семьи мы дѣти,
И что одинъ у насъ отецъ!

CCCCLIII.

БАДЕНСКІЯ ВОСПОМИНАНІЯ.

Ужъ если умереть мнѣ на чужбинѣ,
Такъ лучше здѣсь, въ виду родныхъ могилъ:
Здѣсь я нашелъ, чѣмъ скорбь жила донынѣ,
Здѣсь я не разъ заочно слезы лилъ.
Привѣтствію знакомой грусти внемлю:
Здѣсь вчужѣ я ужъ дважды умиралъ;
Въ сокровищахъ, зарытыхъ смертью въ землю,
Полъ-сердца я остатки отыскалъ.
Здѣсь въ цвѣтѣ дней томилось и страдало
Созданье милое,—надеждъ моихъ,
Заботъ моихъ святыня и начало;
Здѣсь свѣтлый призракъ радостей земныхъ
Въ глазахъ ея угасъ, едва успѣла
Она ихъ разглядѣть и полюбить,
Душой едва для бытія созрѣла
И начала умомъ и чувствомъ жить.
И милый прахъ, заброшенный далеко
Отъ теплаго сочувствія сердецъ,
Здѣсь сиротѣетъ грустно, одиноко,
Между чужими прахами пришлецъ.
Сдается мнѣ, онъ жалобою нѣжной
Зоветъ меня, тоскуя въ тишинѣ,

И мѣсто въ сей долинѣ безмятежной
Онъ близъ себя указываетъ мнѣ.

Души моей другое достоянье,
Мой старшій другъ, котораго пріязнь,
Какъ совѣсть, мнѣ была—добра сознанье
И недостойнаго всего боязнь;
Который на меня свой отблескъ пролилъ,
Которымъ я и гордъ, и счастливъ былъ,
Онъ здѣсь уснулъ: здѣсь Промыслъ соизволилъ,
Чтобъ свѣтлый ангелъ старцу гробъ раскрылъ.
И лебединой пѣснью жизни стройной
Была его кончина. Онъ угасъ,
Какъ жилъ. Съ молитвой и душой спокойной,
Какъ праведникъ, онъ встрѣтилъ смерти часъ.
Онъ ждалъ меня, какъ будто въ немъ прозрѣло
Предчувствіе, что смерть его близка:
Пока въ немъ чувство не оледенѣло,
Пожать мою рвалась его рука.
Къ нему и я летѣлъ душою жадной;
Но не сподобился увидѣть я,
Какъ онъ въ красѣ торжественно-отрадной,
Свершалъ послѣдній подвигъ бытія.
Безоблачно, въ тиши благоуханной
День жизни догоралъ: и новый день,
Безсмертный день, зарей обѣтованной
Надъ нимъ всходилъ.....
Какъ заревомъ зажглось его чело,
И душу принялъ съ братскимъ лобызаньемъ
Посланникъ Божій на свое крыло.
Взлетѣлъ горѐ посланникъ среброкрылый
И съ быстротой небеснаго гонца
Онъ долетѣлъ съ своею ношей милой
Въ объятія Владыки и Отца.

CCCCLIV.

НА БЕРЕГУ ЛЕМАНСКАГО ОЗЕРА.

1.

Прозрачный Леманъ зеркальной равниной
Раскинулся подъ зеркаломъ небесъ;
Картина здѣсь смѣняется картиной,
Природа здѣсь храмъ творческихъ чудесъ.

Надъ озеромъ оградою прибрежной
Громады горъ сомкнулись и срослись,
И царственно надъ діадемой снѣжной
Свѣтлѣетъ ихъ надоблачная высь.

И тянутся воздушныя твердыни!
И каждая имѣетъ образъ свой:
То куполомъ подъемлясь въ воздухъ синій,
То башнею зубчатой и крутой.

По ребрамъ горъ, межъ небомъ и землею,
Какъ гнѣзда, смѣло лѣпятся дома;
У ногъ—весна съ цвѣтущей красотою,
Надъ головой—суровая зима.

Здѣсь странника привѣтствуетъ улыбкой
Селъ миловидныхъ живописный рядъ,
Сады, луга съ стадами ихъ—и гибкій,
По скатамъ горъ ползущій виноградъ.

Здѣсь дышетъ все невинностью, свободой,
Радушіемъ, довольствомъ, тишиной;
Здѣсь человѣкъ сближается съ природой
И радъ забыть страстей житейскихъ бой.

Веве, Монтрё, Кларанъ, тюрьма Шильона,
Поэзіей любимыя мѣста!
Изъ вашего таинственнаго лона
Преданья черплетъ жадная мечта.

Знакомыя ей здѣсь витаютъ тѣни
И шепчутъ ей завѣтныя слова;
Знакомою намъ жизнью дышатъ сѣни;
Здѣсь живъ Сенъ-Прё, здѣсь Юлія жива.

Мы снамъ даемъ и плоть и голосъ были;
Ихъ баснословный міръ въ насъ уцѣлѣлъ
И вымысла событья пережили
Дѣйствительность и славу громкихъ дѣлъ.

Не говори, разсудокъ: „это сказки!“
Не обличай ты суевѣрья въ насъ!
На зло тебѣ, не стерлись эти краски
И призраковъ міръ свѣтлый не угасъ!

Что душу разъ согрѣло умиленьемъ,
То навсегда сочувственно любви—
И вѣримъ мы, и плачемъ съ убѣжденьемъ,
Хоть слезы тѣ ребячествомъ зови.

Тотъ близокъ намъ, сквозь гробъ и сумракъ дальній,
Кто новый міръ предъ нами растворилъ,

Кто насъ съ собой увлекъ въ міръ идеальный,
Который онъ мечтами населилъ.

Созданьямъ мысли нѣтъ могилъ, ни тлѣнья:
Безсмертіемъ души живутъ они;
Красуются цвѣты воображенья,
И въ поздніе благоухая дни.

Великъ сей даръ, вамъ свыше вдохновенный,—
Вамъ, избраннымъ поэтамъ и жрецамъ!
Но предъ красой природы неизмѣнной
Нѣтъ мѣста скуднымъ смертнаго словамъ.

Другіе здѣсь глаголы возвѣщаютъ
Могущество и благодать Творца;
Имъ съ трепетомъ и радостью внимаютъ
Суровый умъ и свѣжія сердца.

Смотрите здѣсь,—какъ при дневномъ закатѣ,
Пріемля солнца предпослѣдній лучъ
Вершины горъ, всѣ въ пурпурѣ и въ златѣ,
Горятъ въ дыму воспламененныхъ тучъ.

Алѣетъ зыбь рѣдѣющаго пара,
И берегъ весь съ стѣною гордыхъ скалъ
Подъ заревомъ небеснаго пожара
Заискрился, зардѣлъ, затрепеталъ.

Въ глубь озера, облитаго сіяньемъ,
Спускается багровый солнца ликъ
И полонъ міръ торжественнымъ вниманьемъ,
И ангеловъ вечернихъ сходитъ ликъ.

Земля свое дыханье притаила
И ждетъ. Дневной тревоги шумъ утихъ,
На небесахъ зажглись паникадила
И чудный міръ воспрянулъ въ блескѣ ихъ.

Міръ ночи! Міръ таинственности полный!
Пріемлетъ все особый видъ и цвѣтъ:
И озера улегшіяся волны,
И темныхъ горъ разрѣзы и хребетъ.

Пучина звѣздъ слилась съ ночной пучиной:
Необозримость -- свыше и кругомъ!
И человѣкъ предъ чудною картиной
Молчитъ, смирясь и сердцемъ и умомъ.

2.

Нѣтъ, не ищи другой картины,
Прекраснѣй въ мірѣ не сыскать!
Здѣсь на цвѣтущія долины
Нисходитъ Божья благодать.
Подножьемъ звѣзднаго престола
Крутыя скалы возстаютъ;
Увиты тучами ихъ чела, —
Орловъ и снѣжныхъ бурь пріютъ.

Какъ живописно-величавы
Обвалы, гребни острыхъ стрѣлъ!
Красой могущества и славы
Всевышній ихъ запечатлѣлъ.
Одна другой въ эѳирѣ краше
Снуетъ стрѣльчатый свой узоръ;
Здѣсь озеро свѣтлѣетъ въ чашѣ,
Ему изсѣченной изъ горъ.

Въ лазури зеркально-струистой
Купается лазурь небесъ;
Здѣсь дышешь свѣжестью душистой
Въ зеленомъ сумракѣ древесъ.
И стадъ звонки, и по ущелью
Потока падающій шумъ,

Какъ пѣснь надъ дѣтской колыбелью,
Въ дремоту погружаютъ умъ.

Здѣсь улыбается природа
И блещетъ дивной красотой;
День яркій съ голубаго свода
На землю льетъ свой блескъ и зной,—
Иль ночью лунное сіянье
Сребромъ пересѣкаетъ тѣнь:
Все прелесть! все очарованье!
Волшебна ночь! волшебенъ день!

Но отъ чего-жъ,—какъ ни пригожи
Картины горъ, долинъ, лѣсовъ,
Какъ ни ущедрилъ Промыслъ Божій
Благословенныхъ береговъ,—
Здѣсь часто сердце въ насъ тоскуетъ,
Скучая зрѣлищемъ красотъ?
Но отъ чего-жъ насъ грусть волнуетъ
И любоваться не даетъ?

Тоска неодолимой силой
Уноситъ насъ изъ здѣшнихъ мѣстъ
Въ священный край Россіи милой,
Гдѣ братьямъ посланъ тяжкій крестъ.
Тамъ грозно свирѣпѣютъ битвы,
Тамъ льется намъ родная кровь!
Тамъ наши слезы и молитвы,
Скорбь, упованье и любовь!

Сочувствій тихихъ и свободныхъ
Въ насъ къ красотамъ природы нѣтъ:
Картиной доблестей народныхъ
Нашъ духъ взволнованъ и согрѣтъ.
Горитъ любовью та картина!
Тамъ отъ дворца до шалаша:

Царь и народъ—одна дружина,
Народъ и Царь—одна душа!

Кровавымъ, огненнымъ потокомъ
Враговъ нахлынула орда;
Они клянутся лже-пророкомъ:
Во прахъ низвергнуть города,
Сломить могучую державу,
Пресѣчь преданій славныхъ нить
И нашу родовую славу
Своей пятою заклеймить.

Тамъ, свыше призванная къ бою,
Въ день испытанья и суда,
Россія борется съ враждою.
Но въ бурю—совѣстью тверда.
Такъ, крѣпкій вѣрой въ провидѣнье,
Ждетъ бодро мученикъ-боецъ:
Пошлетъ ли Богъ ему спасенье,
Или страдальческій вѣнецъ!

Вотъ отъ чего,—какъ благость Бога
Здѣсь ни щедра и велика,—
Въ насъ бури внутренней тревога
На сердце гонитъ облака.
Вотще подъ праздничной одеждой
Земля зоветъ на праздникъ свой:
Волнуясь страхомъ и надеждой,
Мы вѣсти ждемъ съ земли родной.

Дождемся-ль благодатной вѣсти,
Иль новой раной грудь замретъ!
Иль новой жертвой, витязь чести,
Стѣнъ Севастопольскихъ оплотъ,
Другъ Черноморскихъ сторожиловъ,
Нашъ свѣтлый лучъ подъ тучей стрѣлъ,

Погибъ въ бою другой Корниловъ
И Русскій станъ осиротѣлъ!

Тревожитъ душу неизвѣстность;
Страхъ, потаенная тоска
На свѣтлый день, на всю окрестность
Наводитъ мракъ и облака.
Ни блескъ долинъ, ни Леманъ синій
Не въ силахъ скорби обмануть:
Тѣнь Севастопольской твердыни
Ложится саваномъ на грудь.

CCCCLV.

РЯБИНА.

Тобой, красивая рябина,
Тобой, нашъ Русскій виноградъ,
Меня потѣшила чужбина,
И я землячкѣ милой радъ.

Любуюсь встрѣчею случайной;
Ты такъ свѣжа и хороша!
И на привѣтъ твой думой тайной
Задумалась моя душа.

Меня минувшимъ освѣжило,
Его повѣяло крыло,
И въ душу глубоко и мило
Дней прежнихъ запахъ нанесло.

Все пережилъ я предъ тобою,
Все перечувствовалъ я вновь—
И радость пополамъ съ тоскою,
И сердца слезы и любовь.

Одна въ своемъ убранствѣ аломъ,
Средь обезлиственныхъ деревъ,

Ты вся обвѣшана коралломъ,
Какъ шеи черноглазыхъ дѣвъ.

Забывъ и озера картину,
И снѣжный поясъ темныхъ горъ,
Въ тебя, родную мнѣ рябину,
Впился мой ненасытный взоръ.

И предо мною—Русь родная;
Знакомый прудъ, знакомый домъ;
Вотъ и дорожка столбовая
Съ своимъ зажиточнымъ селомъ.

Красавицы, сцѣпивши руки,
Кружокъ веселый заплели
И хороводной пѣсни звуки
Перекликаются вдали:

„Ты рябинушка, ты кудрявая,
„Въ зеленомъ саду предъ избой цвѣти,
„Ты кудрявая, моложавая,
„Бѣлоснѣжный пухъ—кудри, цвѣтъ твои.

„Убери себя алой бусою,
„Яркихъ ягодокъ загорись красой;
„Заплету я ихъ съ темнорусою,
„Съ темнорусою заплету косой.

„И на улицу, на широкую
„Выду радостно на закатѣ дня,
„Тамъ мой суженый черноокую,
„Черноокую сторожитъ меня.

Но пѣсней здѣсь по околотку
Не распѣваютъ въ честь твою:
Кто словомъ ласковымъ сиротку
Порадуетъ въ чужомъ краю?

Нѣтъ, здѣсь ты пропадаешь даромъ,
И средь спѣсивыхъ винныхъ лозъ
Не въ прокъ тебя за лѣтнимъ жаромъ
Прихватитъ молодой морозъ.

Потомка новой Элоизы,
Въ сей романтической землѣ,
Заботясь о хозяйствѣ мызы,
Или, по здѣшнему,—шале,

Своимъ Жанъ-Жакомъ какъ ни бредитъ,
Свой скотный дворъ и сыръ любя,—
Плохая ключница,—не цѣдитъ
Она наливки изъ тебя.

Въ сей сторонѣ неблагодарной,
Гдѣ ты ростешь особнякомъ,
Рябиновки злато-янтарной
Душистый нектаръ незнакомъ.

Никто понятья не имѣетъ,
Какъ благодѣтельный твой сокъ
Крѣпитъ желудокъ, сердце грѣетъ,
Вдыхая сладостный хмѣлекъ.

Средь здѣшнихъ всѣхъ великолѣпій
Ты, въ одиночествѣ своемъ,
Какъ роза средь безлюдной степи,
Какъ свѣтлый перлъ на днѣ морскомъ

Сюда заброшенный случайно,
Я, горемычный какъ и ты,
Дѣлю одинъ съ тобою тайно
Души раздумье и мечты.

Такъ, я одинъ въ чужбинѣ дальной
Тебя привѣтствую тоской,
Улыбкою полу-печальной
И полу-радостной слезой.

CCCCLVI.

НА БОЛѢЗНЬ ПРИНЦА НАПОЛЕОНА.

Плонъ-Плонъ, не говори о немъ худаго слова.
Еремкинъ сынъ и братъ Емельки Пугачева,
Принцъ крови—ниже мы увидимъ что за кровь—
Счастливой Франціи надежда и любовь,
Клялся: въ бояхъ сорвать вѣнокъ побѣдъ и славы,
Иль кровь свою пролить на Крымскія поля.
Услышанъ былъ обѣтъ хвастливаго враля
Онъ пролилъ кровь, схвативъ въ бою—поносъ кровавый.

CCCCLVII.

6 ДЕКАБРЯ 1854.

День намъ радостный и славный,
День шестаго Декабря:
Праздникъ Руси Православной,
Праздникъ Русскаго Царя!
Всѣ сочувствія родныя
Сочетались съ этимъ днемъ:
Именинница Россія
Въ Именинникѣ своемъ.

Весь народъ нашъ богомольный
Въ этотъ день спѣшитъ во храмъ:
Звонъ и грохотъ колокольный
Раздается по сердцамъ.
Движетъ всѣхъ одно движенье!
Предъ святыней алтаря
Мысль одна, одно моленье:
Господи, спаси Царя!

Многолѣтіе поется;
И отъ ратнаго шатра
До палатъ и хатъ несется
Богатырское „ура!“

Этотъ кликъ не отзывъ тщетный!
Онъ наслѣдственный у насъ,
Онъ пророчески-завѣтный:
Гласъ народа Божій гласъ.

Въ этомъ кликѣ, намъ знакомомъ,
Слышимъ заповѣдь отцовъ;
Оглушая ихъ, какъ громомъ,
Въ трепетъ онъ бросалъ враговъ.
Пусть намъ строятъ козни злыя,
Будетъ то, что́ было встарь:
Отстоитъ Царя Россія!
Отстоитъ Россію Царь!

CCCCLVIII.

Мы въ сторонѣ чужой, но сердце наше дома.
Подъ гуломъ дальнихъ сѣчъ и боеваго грома
По родинѣ сильнѣй тоскуетъ въ насъ любовь.
Жизнь братьевъ — наша жизнь, и кровь ихъ — наша кровь.
Предъ нами носятся намъ дорогія лица,
И доброй вѣсти ждетъ о нихъ нашъ жадный слухъ!

Предъ образомъ твоимъ, супруга, мать, царица!
Благоговѣетъ мысль, и умиленный духъ
Возноситъ къ Промыслу и слезы и моленье:
Да сохранитъ въ тебѣ Онъ бодрое смиренье,
Да сыновей твоихъ благословитъ Онъ путь,
И бурнымъ днямъ во слѣдъ да снидетъ утѣшенье
Въ твою тройной тоской тоскующую грудь!
Души твоей — и намъ тревоги не чужія;
Съ тобою нашъ союзъ — святой союзъ сердецъ;
Твой царь и твой супругъ — нашъ царь и нашъ отецъ.
На мощныхъ раменахъ его лежитъ Россія,
Онъ стражъ передовой, онъ щитъ и мечъ ея!
Предъ Божіимъ судомъ предстатель онъ народу,
И утвердилъ на Немъ жизнь нашу, честь, свободу
Царей и царствъ земныхъ Господь и Судія!

Всѣхъ думъ, заботъ его душа твоя зерцало.
Идти однимъ путемъ васъ Небо сочетало:

Орелъ простеръ свое могучее крыло
Надъ нѣжною, къ Нему слетѣвшей, голубицей.

Твой величавый станъ облекъ Онъ багряницей,
Онъ свѣтлое твое и кроткое чело
Съ любовью осѣнилъ вѣнцомъ Своей Державы.
Въ день тяжкій Ты Ему отрадою; въ день славы
Ты лучшей радостью торжественнаго дня.
Когда-жъ, неистовствомъ умы воспламеня,
Коварство съ злобою вражды подъемлютъ знамя
И на святую Русь несутъ и мечъ и пламя,
И твердо опершись на вѣрный Свой народъ,
Нашъ Царь, предавъ Себя святому правосудью,
Возвышеннымъ челомъ и богатырской грудью
Встрѣчаетъ злой напоръ враждебныхъ непогодъ.
Ты бодрствуешь при Немъ, какъ Ангелъ благодати!
Ты молишься о Немъ, о нашей храброй рати,
О Русской братіи, о милыхъ сыновьяхъ,
Которые, кипя отвагою въ бояхъ,
Младые воины, подъ знаменемъ Христовымъ,
Воспламеняютъ ратъ одушевленьемъ новымъ!

О, вѣрь, и твой народъ сочувствуетъ съ тобой.
За нихъ и за тебя и онъ творитъ молитву,
Имъ въ слѣдъ душой летитъ въ пылающую битву;
Готовъ ихъ оградить твердынею живой;
Своей бы жизнью радъ жизнь милую удвоить,
Чтобъ сердце матери сберечь и успокоить.
Его любовь растетъ со злобою враговъ.
Твою семью, твое сокровище и радость,
Цвѣтущихъ Дочерей и красоту и младость,
И мужественный пылъ твоихъ младыхъ Сыновъ —
Любовью матери Россія возлюбила,
И съ Царскою Семьей семью свою сроднила.
Несокрушимъ народъ, неодолима рать,
Въ которой каждый жизнь Отчизнѣ радъ предать!

А мы, родной семьи разрозненныя чада,
Ея мы жизнью здѣсь живемъ на зло судьбѣ!
Намъ, грустнымъ странникамъ, въ чужбинѣ, намъ отрада—
Любовью нашей быть и мыслью при тебѣ.
Улыбкой женскою и царскимъ снисхожденьемъ
Дань преданныхъ сердецъ, даръ скудный удостой!
Ты издали была намъ свѣтлымъ вдохновеньемъ,
И наша пѣснь тебѣ—привѣтъ землѣ родной!

CCCCLIX.

ПРИНЦЕССѢ ОЛЬДЕНБУРГСКОЙ.

Теперь стою на мѣстѣ крѣпкомъ.
Весь не умру! Спасусь отъ роковаго дня.
Искусства торжествомъ, моимъ удачнымъ слѣпкомъ.
Вы обезсмертили меня.
Но ставя Ваше мнѣ еще милѣй вниманье,
Имъ благодарно дорожу:
На образъ свой,—онъ вашихъ рукъ созданье,—
Я съ умиленіемъ гляжу.
Въ немъ будетъ для меня цвѣсти воспоминанье
Тѣхъ дней, въ которыхъ я узналъ и оцѣнилъ
Все то, чѣмъ Промыслъ васъ такъ щедро одарилъ:
Вашъ просвѣщенный умъ, къ прекрасному призванье,
Любовь къ художествамъ и къ мыслящимъ трудамъ,
Супруги, матери заботливость и нѣжность....

CCCCLX.

МЮНХЕНЪ.

Любовь къ прекрасному всю жизнь его проникла.
Душой тевтонецъ онъ, а чувствомъ древній грекъ.
Воскресли съ нимъ златые дни Перикла,
Съ нимъ Августа воскресъ блестящій вѣкъ.
Германскій Римъ, германскія Аѳины
Воздвигнулъ онъ искусства царскій жрецъ;
Онъ розами вѣнчалъ свои сѣдины;
Поэтъ, обвилъ онъ миртомъ свой вѣнецъ.

Мудрецъ, онъ съ плечъ сложилъ державства багряницу;
Но отъ любви къ добру въ немъ не отрекся умъ:
Онъ щедрою рукой свою столицу,
Возлюбленную дочь державныхъ думъ,
Даритъ еще трофеями художествъ.
Въ немъ не угасъ огня святаго пылъ:
И средь земныхъ величій и ничтожествъ
Онъ вѣрный путь къ безсмертью проложилъ.

CCCCLXI.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ИСПОВѢДЬ.

Сознаться долженъ я, что наши хрестоматы
На счетъ стиховъ моихъ не очень тароваты.
Бывалъ и я въ чести; но нынѣ вѣкъ другой;
Нашъ вѣкъ былъ дѣтскій вѣкъ, а этотъ — дѣловой.
Но что ни говори, а Плаксинъ и Галаховъ,
Браковщики живыхъ и судьи славныхъ праховъ,
Съ оглядкою меня выводятъ на показъ,
Не расточая мнѣ своихъ хвалебныхъ фразъ.
Не мнѣ о томъ судить. А можетъ быть и правы
Они. Быть можетъ я не дослужился славы,
(Какъ самолюбіе мое ни тарабаръ),
Попасть въ капитулъ ихъ и въ адресъ-календарь,
Въ разрядъ большихъ чиновъ и въ кругъ чернильной знати
Пониже уголокъ и тотъ мнѣ очень кстати;
Лагарпамъ нашихъ дней, свѣтиламъ нашихъ школъ
Обязанъ уступить мой личный произволъ.
Но не о томъ здѣсь рѣчь: ихъ правъ я не нарушу;
Здѣсь исповѣдью я хочу очистить душу:
При случаѣ хочу — и съ позволенья дамъ —
Я обнажить себя какъ праотецъ Адамъ.

Я съ роду не искалъ льстецовъ я челядинцевъ,
Академическихъ дипломовъ и гостинцевъ,
Журнальныхъ милостынь не добивался я;
Мнѣ не былъ журналистъ ни власть, ни судія;
Похвалятъ ли меня? Тѣмъ лучше—не поспорю!
Бранятъ ли? Такъ и быть—я не предамся горю;
Хваламъ—я вѣрить радъ, на брань—я маловѣръ,
А самъ? я грѣшенъ былъ и грѣшенъ вонъ изъ мѣръ.
Когда я молодъ былъ и кровь кипѣла въ жилахъ
Я тотъ же кипятокъ любилъ искать въ чернилахъ.
Журнальныхъ схватокъ пылъ, тревогъ журнальныхъ шумъ
Какъ хмѣлемъ подстрекалъ заносчивый мой умъ.
Въ журнальный циркъ не разъ, задорный литераторъ,
На драку выходилъ какъ древній гладіаторъ.
Я русскій человѣкъ, я отрасль тѣхъ бояръ,
Которыхъ удальство питало бойкій жаръ;
Любилъ я—какъ сказалъ пѣвецъ финляндки Эды—
Кулачные бои, какъ ихъ побили дѣды.
Въ преданіяхъ живетъ кулачныхъ битвъ пора,
Бояринъ-богатырь, оставивъ блескъ двора
И снявъ съ себя узду приличій и условій
Кидался сгоряча, почуя запахъ крови,
Въ народную толпу, чтобъ испытать въ бою
Свой жилистый кулакъ и мощь, и прыть свою.
Давно минувшихъ лѣтъ дѣла! Сномъ баснословнымъ
Угасли вы. И намъ, потомкамъ хладнокровнымъ,
Степеннымъ, чопорнымъ, понять васъ мудрено.
И я былъ, сознаюсь, бойцомъ кулачнымъ. Но
„Журналовъ перешедъ волнуемое поле,
Сталъ менѣ прытокъ я и жалостливъ сталъ болѣ“.

Почтенной публикой (я долженъ бы сказать
Почтеннѣйшей—но въ стихъ не могъ ее загнать)—
Почтенной публикой не очень я забочусь,
Когда съ перомъ въ рукѣ за рифмами охочусь.
Въ самой охотѣ есть и жизнь и цѣль своя,

(Въ Аксаковѣ прочти поэтику ружья.)
Въ самомъ трудѣ сокрытъ источникъ наслажденій;
Источникъ бьетъ, кипитъ—и полонъ измѣненій:
Здѣсь рвется съ крутизны потокомъ; тамъ, въ тѣни,
Едва журча, змѣитъ игривыя струи.
Когда-жъ источникъ сей, розлитый по кувшинамъ,
На потребленіе идетъ—конецъ картинамъ!
Поэзіи ужъ нѣтъ; тутъ проза цѣликомъ!
Поэзію люби въ источникѣ самомъ.

Взять оптомъ публику—она свой вѣсъ имѣетъ.
Сей вѣсъ перетянуть одинъ глупецъ затѣетъ;
Но раздроби ее, вся важность пропадетъ.
Кто-жъ эта публика? Вы, я, онъ, сей, и тотъ.
Здѣсь Петръ Ивановичъ Бобчинскій съ крестнымъ братомъ,
Который самъ глупецъ, а смотритъ меценатомъ;
Не кончившій наукъ уѣздный ученикъ,
Какой нибудь NN, ораторъ у заикъ;
Другой вамъ наизусть всего Хвостова скажетъ,
Графъ Нулинъ никогда безъ книжки спать не ляжетъ
И не прочтетъ двухъ строкъ, чтобъ тутъ же не заснуть;
Извѣстный краснобай: языкъ, живая ртуть,
Но жаль, что умъ всегда на точкѣ замерзанья;
Фролъ Силичъ, календарь Острожскаго изданья;
Весь міръ ему архивъ и мумій кабинетъ:
Событій нѣтъ ему свѣжѣй какъ за сто лѣтъ,
Не въ текстѣ умъ его ищите вы, а въ ссылкѣ;
Минувшаго циклопъ, онъ съ глазомъ на затылкѣ.
Другой—что подъ носомъ того не разберетъ,
И смотритъ въ телескопъ все за сто лѣтъ впередъ.
Желудочную желчь и свой недугъ печальный,
Вмѣнивъ себѣ въ призывъ и въ признакъ геніальный;
Иной на все и всѣхъ взираетъ свысока:
Клеймитъ и вкривь и вкось задорная рука.
И все что любимъ мы, и все что Русскимъ свято
Предъ геніемъ съ бѣльмомъ черно и виновато.

Тамъ причетъ критиковъ, пророковъ и жрецовъ,
Какихъ-то—не въ домекъ—сороковыхъ годовъ,
Родоначальнику литературной черни,
Которая вездѣ, всплывая въ часъ вечерній,
Когда свѣтилу дня во слѣдъ потьма сойдетъ,
Себя даетъ намъ знать изъ плѣсени болотъ.
Такъ далѣе! Ихъ всѣхъ и въ стихъ мой не упрячу.
Кто подъ руку попалъ, тѣхъ внесъ я на удачу.
Вотъ вамъ и публика, вотъ ваше большинство.
Отъ нихъ опала вамъ, отъ нихъ и торжество.
Все люди съ голосомъ, все рать передовая,
Которая кричитъ, безгласныхъ увлекая;
Все люди на счету, все общества краса.
Въ одинъ повальный гулъ ихъ слившись голоса,
Слывутъ между людьми судомъ и общимъ мнѣньемъ.
Предъ ними радъ пребыть я съ истиннымъ почтеньемъ,
Но все-жъ, когда пишу, скажите, неуже ль
Въ Бобчинскомъ, напримѣръ, имѣть себѣ мнѣ цѣль?
И думать какъ вѣрнѣй на вкусъ его подладить;
Не то, какъ и другой онъ можетъ мнѣ подгадить?
Въ угоду ли толпѣ? Изъ денегъ ли писать?
Все значитъ въ кабалу свободный умъ отдать.
И нѣтъ прискорбнѣй, нѣтъ постыднѣй этой доли
Какъ мысль свою принесть на прихоть чуждой воли!
Какъ выражать не то, что чувствуетъ душа,
А то, что принесетъ побольше барыша.
Писателю грѣшно идти въ гостиннодворцы
И продавать лицомъ товаръ свой! Стихотворцы,
Прозаики должны не бѣгать за толпой!
Я публику люблю въ театрѣ и на балахъ;
Но въ таинствахъ души, но въ тѣхъ живыхъ началахъ,
Изъ коихъ льется мысль и чувства благодать
Я не могу ее посредницей признать;
Надменность ли моя, смиренье ль мнѣ вожатый
Не знаю; но молвѣ стоустой и крылатой
Я дани не платилъ и не былъ ей жрецомъ.

И я бы могъ сказать, хоть не съ такимъ почетомъ:
„Изъ колыбели я ужъ вышелъ риѳмоплетомъ“*).
Безвыходно-больной въ безвыходномъ бреду,
Отъ риѳмы къ риѳмѣ я до старости бреду.
Отецъ мой, свѣтлый умъ Вольтеровской эпохи,
Не полагалъ, что всѣ поэты скоморохи;
Но мало онъ цѣнилъ—сказать имъ не во гнѣвъ—
Умѣнье чувствовать и мыслить нараспѣвъ;
Изъ дѣтства онъ меня наукамъ точнымъ прочилъ,
Не тайно-ль голосъ въ немъ родительскій пророчилъ,
Что случай—злой колдунъ, что случай—пестрый шутъ
Пегасъ мой запряжетъ въ финансовый хомутъ
И что у Канкрина въ мудреной колесницѣ
Не пятой буду я, а развѣ сотой спицей;
Но не могли меня скроить подъ свой аршинъ
Ни умный мой отецъ, ни умный графъ Канкринъ;
И какъ надъ числами я ни корпѣлъ со скукой,
Они остались мнѣ тарабарской наукой...

Я не хочу сказать, что чистыхъ музъ поборникъ
Жить долженъ взаперти какъ схимникъ иль затворникъ.
Нѣтъ, нужно и ему сочувствіе людей.
Членъ общины и онъ во всемъ участникъ съ ней:
Ея труды и скорбь, заботы, упованья
Съ любовью братскою, съ желаньемъ врачеванья
Все на душу свою пріемлетъ вѣрный братъ,
Онъ ношу каждаго себѣ усвоить радъ
И съ сердцемъ заодно, перо его готово
Всѣмъ высказать любви привѣтливое слово.
И славу любитъ онъ, но чуждую суетъ,
Но славу чистую, въ которой пятенъ нѣтъ.
И я желалъ себѣ читателей немногихъ,
И я искалъ судей сочувственныхъ и строгихъ;
Пять-шесть ихъ назову: достаточно съ меня
Вотъ мой ареопагъ, вотъ публика моя.

---

*) «Au sortir du berceau je bégayais des vers». Voltaire.

Житейскихъ радостей я многихъ не извѣдалъ;
Но вмѣсто этихъ благъ, которыхъ Богъ мнѣ не далъ,
Друзьями щедро онъ меня вознаградилъ
И дружбой избранныхъ я гордъ и счастливъ былъ.
Иныхъ ужъ не дочтусь: вождей моихъ не стало;
Но память ихъ жива: они мое зерцало;
Они въ трудахъ моихъ вторая совѣсть мнѣ,
И вопрошать ее люблю наединѣ.
Ихъ тайный приговоръ мнѣ служитъ одобреньемъ,
Иль оставляетъ стихъ „подъ сильнымъ подозрѣньемъ".
Доволенъ я собой и по сердцу мнѣ трудъ,
Когда сдается мнѣ, что выдержалъ бы судъ
Жуковскаго; когда надѣяться мнѣ можно,
Что Батюшковъ, его провѣривъ осторожно,
Ему-бъ на выпускъ далъ свой цензорскій билетъ;
Что самъ бы на него не положилъ запретъ
Счастливый образецъ изящности Аѳинской
Мой зорко-смѣтливый и строгій Баратынскій;
Что Пушкинъ, наконецъ, гроза плохихъ писакъ,
Пожавъ бы руку мнѣ, сказалъ: „вотъ это такъ!"
Но впрочемъ сознаюсь, какъ дѣтямъ ни мирволю,
Не часто эти дни мнѣ падаютъ на долю;
И воспріемникамъ большой семьи моей
Не смѣлъ бы поднести я многихъ изъ дѣтей;
Но муза и теперь моя не на безлюдьи,
Не упраздненъ мой судъ, есть и живые судьи,
Которыхъ признаю законность и права,
Предъ коими моя повинна голова.
Не выдамъ ихъ именъ нескромнымъ наговоромъ,
Боюсь, что и на нихъ посыплется съ укоромъ
Градъ перекрестнаго, журнальнаго огня;
Боюсь, что обвинятъ ихъ злобно за меня
Въ пристанодержательствѣ моей опальной музы
Старушки, связанной въ классическія узы,
Въ смѣшномъ потворствѣ ей, въ пристрастіи слѣпомъ
Къ тому, что вѣкъ отпѣлъ и схоронилъ живьемъ.

Въ литературѣ я былъ вольнымъ казакомъ,
Талантъ, лѣнивый рабъ, не приращалъ трудомъ,
Писалъ, когда писать въ душѣ слышна потреба,
Не силясь звѣздъ хватать, ни съ полу и ни съ неба,
И не давалъ себя расколамъ въ кабалу,
И самъ не корчилъ я вождя въ своемъ углу...

CCCCLXII.

О Русскій Богъ! Какъ встарь, Ты намъ Заступникъ буди!
И погибающей Россіи внемля крикъ,
Яви Ты міру вновь: и какъ ничтожны люди,
И какъ Единый Ты великъ!

1855 г.

CCCCLXIII.

14 ЯНВАРЯ ВЪ ВЕВЕ.

Моя вечерняя звѣзда,
Моя послѣдняя любовь!
На вечерѣющій мой день
Отрады лучъ пролей ты вновь!

Порою, невоздержныхъ лѣтъ
Мы любимъ блескъ и пылъ страстей;
Но полу-радость, полу-свѣтъ
Намъ на закатѣ дня милѣй.

CCCCLXIV.

Густыя брови тучи хмуря,
Сердито смотрятъ небеса,
И страшно вызываетъ буря
Изъ темной ночи голоса.

И стоны рвутся изъ ущелій,
И гулъ несется по землѣ,
И бездны водъ и подземелій
Перекликаются во мглѣ.

И воздухъ вздрагивая вопитъ,
И озеро, подъемля вой,
Того и смотришь, что затопитъ
Своею бѣшеной волной.

Люблю средь мрачной непогоды
Ходить вдоль озера одинъ,
Любуясь мятежемъ природы
И ужасомъ ночныхъ картинъ.

За валомъ валъ какъ звѣрь стремится,
Имъ, словно, движетъ страсть и гнѣвъ,

Кипящей пѣной пасть клубится
И съ пѣной извергаетъ ревъ.

И вѣтеръ, дикій запѣвало,
Присвистывая пѣснь поетъ,
Такую пѣснь, что сердце сжало...

CCCCLXV.

МОЯ КОМНАТА ВЪ ВЕВЕ.

И мой землякъ здѣсь жилъ: оставилъ
Свое онъ имя на стеклѣ,
Какъ должно, съ соблюденьемъ правилъ
Туриста по чужой землѣ.

Не чуждо имя то поэтамъ:
Его въ журналахъ я встрѣчалъ—
И въ производствахъ по газетамъ
Въ чиновномъ мірѣ замѣчалъ.

Поэтъ ли былъ, иль былъ чиновникъ
Здѣсь по болѣзни въ отпуску?
Природы-ль пламенный любовникъ,
Питавшій тайную тоску?

Онъ любовался ли картиной,
Какъ я любуюсь изъ окна—
Горъ разноцвѣтною вершиной,
Когда затеплится она,

Иль заревомъ пожарнымъ вспыхнетъ?
Иль бурей Леманъ задрожитъ,
Иль вновь уляжется, утихнетъ
И на зеркальномъ ложѣ спитъ?

Писалъ ли онъ въ углу пріютномъ,—
Какъ разразился грѣшный азъ,
Въ своей горячкѣ, поминутнымъ
Потокомъ риѳмъ и мѣрныхъ фразъ?

Онъ романическія бредни
Читалъ ли съ жадностью, какъ я
Старье Жанъ-Жаково намедни
Читалъ, дыханье притая,

И въ сердцѣ молодыя слезы,
Какъ въ безднѣ жемчугъ, отыскалъ,
И я—въ лѣтахъ почтенной прозы—
Архивнымъ юношей рыдалъ.

Мой другъ Сенъ-Прё—о томъ ни слова—
Подъ часъ тяжелъ и безтолковъ
И героиня безтолкова—
И въ томъ сознаться я готовъ.

Но что за жизнь въ волшебномъ слогѣ!
Тревогу сердца слышишь ты
Въ описанной перомъ тревогѣ
И страсти вопль—въ игрѣ мечты.

Но кто-бъ ты ни былъ, мой предмѣстникъ:
Въ судѣ ли ты блюдешь законъ,
Иль вольныхъ музъ ты вольный крестникъ—
Прими мой дружескій поклонъ!

Когда же, при январской стужѣ,
Ты въ комнатѣ своей дрожалъ,
Такъ знай—терплю я участь ту же
И я въ свойство къ тебѣ попалъ.

На родословную науку
Есть ссылка у меня своя:

Ты—Ознобишинъ; дай-же руку;
Повѣрь—здѣсь не Тепловъ и я.

Въ садахъ полуденнаго края
Ознобъ меня съ тобой сроднилъ;
Здѣсь риѳмы къ риѳмамъ подбирая,
Смотри: я пальцы ознобилъ.

CCCCLXVI.

ГОРЫ ПОДЪ СНѢГОМЪ.

Блестятъ серебряныя горы
И отчеканились на нихъ
Разнообразные узоры
Изъ арабесковъ снѣговыхъ.

Здѣсь серебра живаго груды;
Здѣсь, неподдѣльной красоты,
На пиршествѣ земномъ сосуды—
Огромно-чудной высоты.

Своею выставкой богата
Неистощимая земля:
Здѣсь грановитая палата
Нерукотворнаго Кремля.

CCCCLXVII.

ПРОГУЛКА.

Въ лонѣ озера безструйнаго
И прозрачно-неподвижнаго
Отражаясь, горы свѣтлыя
Головой своею снѣжною
Окунулись въ глубину.

Тамъ, на озерѣ бѣлѣются
Паруса въ воздушной ясности;
Лодка, къ озеру прильнувшая,
На водѣ стоитъ незыблемо,
Словно лебедь, сладко дремлющій
На своемъ прохладномъ бархатѣ,
На водѣ своей родной.

А подъ ней—двойчаткой стройною,
Такъ же легкой и спокойною,
Лодка свѣтлая мерещится,
Въ лонѣ зеркальномъ рисуется
И бѣлѣетъ, и красуется,—
Только парусами внизъ.

И не знаешь что плѣнительнѣй,
Что для взоровъ обольстительнѣй:
Горы ль, гордо возстающія,
Иль ихъ призраки подводные?
Что прекраснѣе: дѣйствительность,
Иль чарующій обманъ?

CCCCLXVIII.

РОНЪ.

Я былъ на поклонѣ у Рона,
Гдѣ въ Леманъ вливается онъ;
Большаго бъ не было урона,
Когда бъ я не отдалъ поклонъ.

Поэты его величали;
Намъ Плѣннаго памятенъ стихъ,
Который подъ мракомъ печали
Такъ грустно, внезапно затихъ.

Но Ронъ здѣсь, при устьѣ нечистомъ,
Пѣвца не пробудитъ напѣвъ;
Лимонъ здѣсь, при миртѣ душистомъ,
Не блещетъ на солнцѣ зардѣвъ.

Нѣтъ, Ронъ здѣсь не благообразенъ,
Не смотритъ казистымъ концомъ;
Здѣсь мелокъ онъ, узокъ и грязенъ,
Здѣсь въ грязь онъ ударилъ лицомъ.

И дѣлаетъ очень разумно,
Что, чувствуя собственный стыдъ,

Почти непримѣтно, безшумно
Онъ спрятаться въ Леманъ спѣшитъ,

И въ немъ освѣжившись, умывшись,
Въ Женевѣ, изъ водъ голубыхъ
Выходитъ, къ лицу нарядившись,
Какъ къ милой невѣстѣ женихъ.

CCCCLXIX.

СНѢГЪ.

Ночью выпалъ снѣгъ. Здорово-ль
Мой любезнѣйшій землякъ?
Были-бъ санки да рысакъ, —
То-то нагуляться вдоволь!

Но въ пастушескомъ Веве
Не дается сонъ затѣйный,
И тоскуешь по Литейной,
По застывшей льдомъ Невѣ.

CCCCLXX.

НЕНАСТЬЕ.

День былъ сóтканъ весь изъ злата,
День былъ созданъ для прогулки;
Только въ поле вышелъ я,—
Неба всѣ прорвались втулки,
Полилъ дождь, какъ изъ ушата—
И промокъ я, какъ бадья.
Говорятъ мнѣ: „для посѣва
Дождикъ кстати и хорошъ“.
Какъ не лопнуть тутъ отъ гнѣва?
Мнѣ что пользы? Я не рожь!

CCCCLXXI.

КАРТИНА.

Чуденъ блескъ живой картины:
Ярко лоснятся вершины,
Словно злато на огнѣ.
Снѣгъ на нихъ подъ солнцемъ рдѣетъ,
Тонкій паръ, струясь, алѣетъ
И дымится въ вышинѣ.

Окаймившись горной цѣпью,
Озеро стеклянной степью
Бездыханно разлилось—
И плитами свѣтозарно,
То багряно, то янтарно,
Раскалилось и зажглось.

Кто бы въ слово, въ образъ чистый
Смѣло могъ сей блескъ струистый,
Жизнь и свѣжесть зачерпнуть?
Развѣ кистью—Айвазовскій,
Развѣ-бъ могъ одинъ Жуковскій
Въ свой прозрачный стихъ вдохнуть.

CCCCLXXII.

ГОРНЫЯ ВЕРШИНЫ.

Здѣсь зубастая природа:
Зубъ Полудня, зубъ Жаменъ,
И еще того же рода
До полдюжины именъ.

Вотъ прямые зубоскалы!
Свысока глядятъ они,
Какъ у ногъ ихъ людъ нашъ малый
Пресмыкается въ тѣни.

Зубья челюсти огромной
Рядомъ острыхъ горъ торчатъ;
Свѣтлымъ днемъ и ночью темной
Бѣлизной они дивятъ.

Дикой ихъ красой и славой
Я любуюсь; но не разъ
Сей природой величавой
Утомленъ былъ слабый глазъ.

И я съ радостью сугубой
Возвращусь къ роднымъ полямъ,
Къ нашей плоскости беззубой,
Къ нашимъ сѣвернымъ степямъ.

CCCCLXXIII.

АНГЛИЧАНКѢ.

Когда, бѣснуясь, ваши братья
Въ насъ шлютъ и ядра, и проклятья,
И варварами насъ зовутъ,—
На зло Джонъ-Булю и Французамъ,
Вы, улыбаясь Русскимъ музамъ,
Имъ дали у себя пріютъ.

Вы любите напѣвъ ихъ стройный,
Умъ Русскій, свѣтлый и спокойный,
Простосердечный и прямой.
Языкъ есть исповѣдь народа:
Въ немъ свѣтится его природа,
Его душа и бытъ родной.

Крылова стихъ простой и сильный,
И поговорками обильный,
Вы затвердили наизусть.
Равно и Пушкина вамъ милы:
Мечты, стихъ звучный, легкокрылый
И упоительная грусть.

Умомъ открытымъ и свободнымъ
Предубѣжденьямъ лже-народнымъ

Не поддались вы на заказъ,
И презирая вопли черни,
Въ нашъ лавръ не заплетая терній,
Не колете намъ ими глазъ.

Вы любите свою отчизну,
Другимъ не ставя въ укоризну,
Что и у нихъ отчизна есть.
Вамъ, Англичанкѣ безпристрастной,
Вамъ, предразсудкамъ не подвластной,—
Признательность, хвала и честь.

Боясь, чтобъ Пальмерстонъ не свѣдалъ
И васъ за Руссицизмъ не предалъ
Подъ уголовную статью,
Украдкой варварскую руку,
Сердечныхъ чувствъ моихъ въ поруку,
Вамъ дружелюбно подаю.

CCCCLXXIV.

БЕРЕЗА.

Средь избранныхъ деревъ береза
Не поэтически глядитъ;
Но въ ней—душѣ родная проза
Живымъ нарѣчьемъ говоритъ.

Милѣй всѣхъ пѣсней сладкозвучныхъ
Отъ ближнихъ радостная вѣсть,
Хоть пара словъ собственноручныхъ,
Гдѣ сердцу много что прочесть.

Почтовый факторъ на чужбинѣ
Намъ всѣмъ пріятель дорогой;
Въ лѣсу онъ прóсѣкъ, ключъ въ пустынѣ,
Намъ проводникъ въ странѣ чужой.

Изъ насъ кто могъ бы хладнокровно
Завидѣть Русское клеймо?
Намъ здѣсь и ты, береза, словно
Отъ милой матери письмо.

CCCCLXXV.

ОТЪѢЗДЪ.

Поскупясь, судьба талана
Не дала мнѣ на зубокъ;
Всюду поздно или рано,
Все не кстати, все не въ прокъ
Прихожу и затѣваю;
Ничего не начинаю
Послѣ дождичка въ четвергъ,
А какъ разъ сажусь въ дорогу
Передъ дождичкомъ въ четвергъ;
И занесъ въ телѣгу ногу,
И судьбы не опровергъ:
Вотъ подуло черной бизой
Съ неба тучами, какъ ризой,
Облаченнаго кругомъ.
Горы всѣ подъ капишономъ
И надъ озеромъ и Рономъ
Волны прыщутъ кипяткомъ.
Не далась мнѣ и Женева:
Не всходилъ на верхъ Салева
По слѣдамъ Карамзина;

Не видалъ хоть изъ окна,
Живописнаго Монъ-Блана,
Горъ царя и великана:
Скрылся онъ во внутрь тумана.

CCCCLXXVI.

ДОРОГОЮ ВЪ ШАМУНИ.

Величавыхъ горъ громады!
Съ шумомъ рвутся водопады
Съ ихъ отважной крутизны:
Двухъ міровъ у перепутья,
Тучъ разодранныхъ лоскутья
Обвиваютъ вышины;

Разумъ обольщаютъ взоры,
И мерещится, что горы—
Межевая полоса,
Что ихъ выси съ небомъ смежны,
Что вступить на верхъ ихъ снѣжный,—
И шагнешь на небеса.

Арва бѣшеной волною
Мчится съ воемъ и грозою
Внизъ по каменному дну;
И кипитъ, и рветъ каменья:
Образъ жизни и волненья
Въ нашу бурную весну.

Здѣсь — воздѣланныя нивы,
Тамъ — дремуче-молчаливый

Лѣсъ надъ бездною повисъ:
Здѣсь—гора въ одеждѣ брачной,
Тамъ—утесъ, какъ остовъ мрачный,
Весь ободранъ онъ и лысъ.

Въ стаѣ горъ гора-орлица,
Бѣлоликая Царица
Блещетъ дѣвственнымъ вѣнцомъ;
А подъ солнечнымъ закатомъ,
Вся она зардѣетъ златомъ,
Вспыхнетъ розовымъ огнемъ.

Самый ужасъ здѣсь не страшенъ,
Онъ поэзіей украшенъ
И любви на немъ печать.
Божья радость, Божья слава,
Здѣсь природа величава,
Но и ласковая мать.

Въ углубленіяхъ долины,
Миловидныя картины
Манятъ взоръ на выборъ вашъ,
Свѣжій лугъ пестрѣетъ стадомъ,
Мельница, домишко съ садомъ
Иль пастушескій шалашъ.

Здѣсь поклоннику природы,
Другу мира и свободы,
Здѣсь—отъ жизни отдохнуть:
Думъ мірскихъ сорвать оковы
И вдали отъ шума—новый
Испытать ко счастью путь.

CCCCLXXVII.

Подъ фирмой перваго Апрѣля
Обманомъ промышляетъ свѣтъ.
И здравый умъ и пустомеля
Въ день этотъ лжетъ и горя нѣтъ.

Но съ вами день сей правдой свѣтитъ
Въ сіяньи радостныхъ лучей:
Кто знаетъ васъ, его отмѣтитъ
Въ календарѣ сердечныхъ дней.

Умъ свѣжій, впечатлѣній живость,
Привѣтъ сердечной доброты,
И дѣтской рѣзвости игривость,
И прелесть женской красоты,

И все, чѣмъ видимо и тайно
Дано вамъ души привлекать,
Все неподдѣльно, не случайно,
Все носитъ истины печать.

Вы очень милы—прекословью
Тутъ спорить съ правдой было-бъ грѣхъ:
Всѣ любимъ васъ родной любовью,—
И эта правда выше всѣхъ!

CCCCLXXVIII.

18 ФЕВРАЛЯ. 17 АПРѢЛЯ. 1855.

Я пѣлъ Его. Любовь мой стихъ одушевляла.
Я отголоскомъ былъ народнымъ; и мой стихъ,
Мой задушевный стихъ Россія повторяла
Какъ собственную мысль и отзывъ чувствъ своихъ.
Но обратилась пѣснь въ надгробное рыданье:
На мужественный кликъ печаль отозвалась.
Изъ богатырскихъ душъ исторгнулось стенанье,
И Русская Земля слезами залилась.

Нашъ якорь въ пристани, нашъ въ бурю вѣтръ попутный,
Нашъ крѣпкій Вождь, булатъ и щитъ и булава,
Нашъ прозорливый стражъ, всеобщій, всеминутный,
Россіи мощной грудь, душа и голова,
Нашъ Царь, нашъ Николай лежитъ въ безмолвномъ гробѣ!
Глядимъ—и мнится намъ, что видимъ страшный сонъ;
Не вѣрится любви, не вѣрится и злобѣ,
Что палъ, что могъ Онъ пасть: такъ былъ державенъ Онъ!
Міръ, вздрогнувъ, онѣмѣлъ подъ роковымъ ударомъ;
Обрушилась скала, твердыня Русскихъ силъ,
Пріютъ и всѣмъ оплотъ, когда, въ разливѣ яромъ,
Потокъ свирѣпыхъ волнъ міръ затопить грозилъ.

Россія Имъ жила, какъ жилъ и Онъ Россіей.
Онъ первый былъ изъ насъ, не властью, не вѣнцемъ,
Но тѣмъ, что духъ сроднивъ съ народною стихіей,
Онъ Русской доблести былъ высшимъ образцомъ.

Въ немъ зрѣлся Русскій Царь; станъ стройный, величавый,
Орлиный взглядъ; чело запечатлѣла честь;
Плеча, могущія подъять судьбы Державы,
Готовыя народъ чрезъ бездну перенесть;
И духъ державный въ Немъ подъ ростъ Его былъ стану,
Онъ вѣнценосецъ былъ и духомъ и челомъ.
Царь-рыцарь, вѣренъ былъ Онъ Царственному сану;
Царь-честный человѣкъ, Онъ чести былъ рабомъ,
Желѣзной волей былъ Онъ крѣпокъ и упоренъ,
Затѣмъ, что въ совѣсти Онъ закалилъ ее;
Что долгу, какъ земной святынѣ, былъ покоренъ
И посвятилъ ему Свой путь и бытіе.
Себя и Свой народъ предавъ смиренно Богу,
Онъ духомъ не слабѣлъ, какъ ни былъ силенъ врагъ.
Событій валъ предъ Нимъ перечилъ ли дорогу?
Съ пути прямаго Онъ не отступалъ на шагъ.

И мощный дѣлатель отторгнутъ былъ отъ дѣла
Въ пылу труда, въ бою враждебныхъ силъ, когда
Зиждительная мысль въ груди Его кипѣла,
И бодро несъ одинъ отвѣтственность труда.
Изнемогаетъ мысль, предъ Промысломъ нѣмѣя.
Кто съ таинства Его дерзнетъ покровъ совлечь?
Россія, вѣруя, скорбя, благоговѣя,
Безропотнымъ слезамъ даетъ свободно течь.

Онъ жилъ Царемъ; какъ Царь и умеръ смертью славной:
Послыша, что Его грядущій часъ зоветъ,
Дѣла земныя сдалъ нашъ труженикъ Державный,
Небесному Царю готовясь дать отчетъ.
И смертный одръ Его возросъ другимъ престоломъ,

Который всѣхъ земныхъ престоловъ выше сталъ;
И никогда еще столь царственнымъ глаголомъ,
Какъ въ часъ послѣдній, Царь души не обнажалъ.
Душа созрѣла въ Немъ подъ зноемъ испытаній
И свѣтлой красотой покорства облеклась,
Зажглась кадильница святыхъ благоуханій
И къ Небу, жертвою вечерней, вознеслась.

Благодаритъ Его Россія съ умиленьемъ
За Царскіе труды, за блескъ и честь вѣнца,
За то, что вѣрилъ ей, что Онъ съ самозабвеньемъ
Любилъ ее, и былъ ей вѣренъ до конца!
Благодаритъ Его за миръ и за побѣды,
За то, что духъ Петра Его проникнулъ прудъ;
Что бодро довершалъ чего желали дѣды,
Что Внукамъ проложилъ въ грядущемъ къ славѣ путь.
Но въ горестныхъ слезахъ и за Его кончину
Царя благодаритъ Россія.... Въ этотъ часъ,
Онъ помысловъ своихъ, всѣхъ чувствъ, всѣхъ дѣлъ причину
Раскрылъ, явясь чѣмъ былъ предъ Богомъ и для насъ.
Духовнымъ торжествомъ и блескомъ свѣтозарнымъ
Увѣковѣчилъ Онъ народную печаль,
И день сей вѣчныхъ слезъ, потомствомъ благодарнымъ
Внесется свѣтлымъ днемъ въ народную скрижаль.
Мірскую лѣтопись Царей и царствъ прочтете,
Прекраснѣй смерти сей въ преданьяхъ не сыскать,
И умилительнѣй картины не найдете,
Какъ этотъ смертный одръ—походная кровать
Свой царственный походъ свершившаго во славѣ,
Того, Кто тридцать лѣтъ, какъ воинъ на стѣнѣ,
Съ Престола прослужилъ народу и Державѣ,
Родной твердыни стражъ и щитъ, внутри и внѣ!

Нѣтъ, славы суетной любостяжатель жадный,
Привыкшій попирать народныя права,
Не такъ, развѣнчанный рукою смерти хладной,

Готовится на судъ земли и Божества!
Нѣтъ, потухалощимъ, но ясно-мирнымъ окомъ,
Не такъ окинетъ онъ прошедшаго пути,
И почестямъ земнымъ на поприщѣ высокомъ
Не такъ проговоритъ послѣднее „прости!“
Предсмертную тоску кончины неизбѣжной
Ему ли усладить, прощаяся съ семьей,
Бесѣдою любви родительской и нѣжной,
И словомъ мудрости духовной и земной?
Ему ли быть другимъ отрадой въ часъ разлуки,
Всѣхъ вспомнить, всѣхъ къ одру призвать, благодарить
И, къ Богу вознеся молитвенныя руки,
Ихъ съ крестнымъ знаменьемъ на ближнихъ опустить?
А такова была кончина Николая!
Какъ царствовать—Царямъ Онъ жизнью образецъ:
Прекрасной смертью жизнь прекрасную вѣнчая,
Онъ всѣмъ намъ далъ примѣръ какъ встрѣтить дней конецъ.
Въ Немъ доблестной души часъ страшный не встревожилъ;
Въ часъ скорби, въ душу мракъ унынья не проникъ.
Онъ отжилъ для земли, но для безсмертья ожилъ:
Великъ Онъ жизнью былъ, и смертью Онъ великъ!

Ужель предъ свѣтлою торжественностью гроба,
Предъ этой смертною святыней, клевета
Не замолчитъ? Ужель не укротится злоба,
И правда не замкнетъ злорѣчію уста?
Иль одичалому въ безумствѣ поколѣнью
И нынѣ дань платя неистовымъ страстямъ,
Великаго врага рукоплескать паденью,
Когда Онъ Господу сдался, а не врагамъ?

Не мира просимъ мы, предъ вами не робѣя;
Враждуйте: вашею враждой не дорожимъ;
Умѣя побѣждать и умирать умѣя,
Мы даромъ чести вамъ своей не отдадимъ.
Но именемъ Того, Который смертныхъ судитъ,

Предъ Кѣмъ обнажены и души и умы,
Кто въ совѣстяхъ нѣмыхъ упрековъ голосъ будитъ,
Мы заклинаемъ васъ, для васъ же молимъ мы:
Не оскорбляйте вы Его священной тѣни:
Живаго не познавъ, смиритесь хоть предъ ней,
Предъ гробомъ весь народъ, склонившись на колѣни,
Свидѣтельствуетъ вамъ о горести своей.
Народная любовь—Царямъ свидѣтель вѣрный:
Загробная любовь—уже потомства судъ.
Надъ прахомъ Царскимъ плачъ есть плачъ нелицемѣрный—
И Ангелы съ небесъ въ завѣтный свой сосудъ
Сбираютъ слезы тѣ, какъ жертвоприношенье,
Дань безкорыстную признательной земли.
Иль Праведника смерть и скорби выраженье
Ожесточенныхъ чувствъ смягчить въ васъ не могли?

Онъ и предъ вами чистъ! И, чуждый укоризнѣ,
Онъ васъ не вызывалъ на сей смертельный бой.
Васъ раздражала въ Немъ Его любовь къ отчизнѣ;
Безсовѣстно Ему вы ставили виной,
Что Онъ не предалъ вамъ народной нашей чести,
Что помнилъ Онъ отцовъ наслѣдье—долгъ и санъ,
Что вамъ не уступалъ, въ угоду вашей мести,
Правъ, купленныхъ рукой и кровью Россіянъ.

Вы не могли понять, понять вы не хотѣли,
Что не корыстью насъ влечетъ къ себѣ Востокъ,
Что, вѣру воспріявъ изъ сей святой купели,
Равноапостольный нашъ Князь, нашъ вождь-Пророкъ
Россіи завѣщалъ быть дщерью ей послушной,
На стражѣ за нее противъ враговъ стоять—
И, въ жертвенную дань любви великодушной,
И жизни не щадить за братьевъ и за мать.
Страдальческій ихъ вопль, ихъ язвы, ихъ оковы
Тревожитъ совѣсть въ насъ, намъ раздираютъ грудь:
Мы приняли обѣтъ священный и суровый;

Намъ Промыслъ указалъ нашъ подвигъ, долгъ и путь.
Но вамъ, во тмѣ страстей боготворящимъ злато,
Зарывшимъ жизнь свою въ земные барыши,
Уразумѣть ли вамъ, что безкорыстно-свято,
Что жертвами любви свѣтлѣетъ жизнь души?
Вамъ это тщетный звукъ, мечта иль къ цѣли скрытной
Предлогъ: тутъ зрите вы завоеваній страсть;
Обѣтъ защитой быть неволѣ беззащитной —
Личина, чтобъ вѣрнѣй себѣ присвоить власть.

Но Царь нашъ сердцемъ внялъ призыву Провидѣнья;
Посредникомъ Онъ сталъ межъ жертвой и бичемъ,
И властью древнихъ правъ, и гласомъ убѣжденья
Онъ миротворцемъ быть хотѣлъ, а не врагомъ.
И подвигъ сей святый, задуманный любовью,
Вы предали земнымъ страстямъ на произволъ;
Сей чистый подвигъ вы, вы обагрили кровью:
Изъ блага извлекли источникъ бѣдъ и золъ.
Не вы ль соблазномъ лжи и кознями коварства,
Подъяли на Царя всѣ страсти, всѣ вражды,
Подвигнули на насъ полки, народы, царства,
Чтобъ затоптали Русь губительства слѣды?

Но бодрствуемъ еще подъ горестью утраты.
Онъ палъ, но духъ Его въ народѣ не угасъ;
Мы плачемъ, мы скорбимъ, но слезы наши святы:
Мы молимся о Немъ,—Онъ молится за насъ:
Да съ честью вынесть намъ годину испытаній,
Умѣть, какъ Онъ умѣлъ, терпѣть и уповать,
И да Господь побѣдъ, щедротъ и воздаяній
Хранитъ Его Семью, народъ Его и рать!
На скорбь великую великимъ упованьемъ
Онъ воспиталъ для насъ Преемника-Царя:
На Русскій небосклонъ взошла обѣтованьемъ
Изъ сѣней смертной тьмы дня новаго заря.

Тебя, о, юный Царь, Россія воспріяла
Изъ охладѣвшихъ рукъ Владыки и Отца.
Его любовь Твоей любви насъ завѣщала—
И въ насъ на сей завѣтъ откликнулись сердца.
И Твой народъ, какъ Ты, осиротѣвъ, рыдаетъ:
Ты памятью Отца его усынови!
Души безсмертной плодъ, любовь не умираетъ:
И плачъ нашъ по Отцѣ будь Сыну пѣснь любви!

— Нашъ славный Кремль Тебѣ былъ славной колыбелью,
А воспріемницей вся Русская Земля:
Въ народномъ торжествѣ надъ свѣтлою купелью
Святыня древняго и новаго Кремля,
И Царскихъ тѣней ликъ съ Петромъ, съ Екатериной,
И доблестью Отцовъ нетлѣнные вѣка
Съ побѣдоносной Ихъ и свѣтлою дружиной,
И Онъ, еще живой, Котораго рука
Высоко вознесла честь Русскаго Народа,
Дала Европѣ миръ въ возмездье за войну,
Благословенный Царь Двѣнадцатаго года,
Въ одну молитву всѣ сліявшись, въ мысль одну,
Пророчески Тебѣ на Царство указали,
Благословивъ Тебя Наслѣдникомъ Своимъ—
И Кремль и вся Москва, гордясь, вострепетали,
Помолодѣвъ съ Тобой, младенцемъ ихъ роднымъ.
Пророчество сбылось, и Отрокъ Провидѣнья,
Кремлевскій Отрокъ—Царь, всея Россіи Царь!
И тамъ, гдѣ встрѣченъ былъ Онъ таинствомъ крещенья,
И царственный елей Ему прольетъ алтарь.

Кто въ знаменьи святомъ не узритъ отпечатка
Руки, ведущей ходъ свѣтилъ и смертныхъ дѣлъ?
Кто не признаетъ здѣсь грядущихъ благъ задатка,
Который намъ со стѣнъ Кремлевскихъ просвѣтлѣлъ?

Вѣрь и надѣйся, Царь! Твой подвигъ многотруденъ;
Но доблестной душѣ нѣтъ жатвы безъ трудовъ.

Народъ Твой весь съ Тобой; могущъ онъ, многолюденъ,
И каждый за Тебя въ немъ умереть готовъ.
Дни опытовъ и грозъ грядущей жизнью полны;
Достигнемъ цѣли мы упорствомъ и борьбой.
Нѣтъ, не затопятъ насъ племенъ враждебныхъ волны;
Нѣтъ, свято устоитъ Россія предъ враждой!
Иль духъ нашъ оскудѣлъ? иль руки безоружны?
Иль чести гласъ и долгъ въ насъ могутъ онѣмѣть?
Миръ и война равно въ народной жизни нужны:
Въ пылу огня дано желѣзу отвердѣть.

Ты вырвешь ли намъ миръ изъ рукъ вражды усталой,
Напрасно противъ насъ зазубрившей свой мечъ,
И въ буряхъ съ давнихъ лѣтъ Россіи возмужалой
Дашь въ славной тишинѣ почить отъ славныхъ сѣчъ,
И силою любви и мысли благодушной
Упрочишь Ты странѣ дары державныхъ рукъ:
Благихъ законовъ власть, законамъ судъ послушный,
Промышленности жизнь и свѣтлый духъ наукъ?
Иль въ злобѣ закоснитъ врагъ дерзкій и лукавый?
Тебѣ весь пламень душъ! Тебѣ вся наша кровь!
На мирные труды, на подвигъ ратной славы
Сподвижникъ Твой и стражъ—народная любовь!

CCCCLXXIX.

„Императоръ умираетъ
„И прощается съ Москвой“
Тайно вѣсть перелетаетъ
Отъ столицы до другой.
Роковая вѣсть минуетъ
Молча села, города,
И народъ нигдѣ не чуетъ,
Что летитъ надъ нимъ бѣда.

Надъ безпечною Москвою
Громъ безоблачный упалъ,
И смертельною тоскою
Вздрогнулъ Кремль и возрыдалъ.
Онъ облекся скорбнымъ мракомъ;
Тщетны слабыя слова!
И безмолвно крестнымъ знакомъ
Осѣняется Москва.

Волѣ Господа послушно
Покорившійся въ слезахъ,
Весь народъ единодушно
Палъ съ молитвою во прахъ.
Для любви его печальной,
Ужъ другой отрады нѣтъ,

Какъ душевный и прощальный
Царской памяти привѣтъ.

Сей привѣтъ любви, тоскуя,
Все твердитъ онъ наизусть,
Имъ питая, имъ врачуя
Сокрушительную грусть.
Что за ясность, безмятежность
Передъ ужасомъ конца,
И любви сыновней нѣжность,
И заботливость Отца!

Никогда любви подобной
Міръ примѣра не видалъ;
Никогда привѣтъ предгробный
Такъ отрадно не звучалъ.
Царь любовью сердобольной
Землю Русскую любилъ
И въ лицѣ Первопрестольной
Онъ ее благословилъ.

Слово Царскаго прощанья,
Слово любящей души,
Ты, Москва, въ свои преданья
Благодарно запиши.
Ты съ святыней Мономаха
И духовный сей клейнодъ,
Чуждый тлѣна, чуждый праха,
Передай изъ рода въ родъ.

CCCCLXXX.

„О Матери Его“, о Матери-Царицѣ,
О Ней, еще вчера, счастливѣйшей изъ женъ,
А нынѣ плачущей вдовицѣ,
Которой духъ мечемъ смертельнымъ пораженъ,
О Ней предъ алтаремъ молитвенное слово
Въ душѣ моей всегда особенно звучитъ:
Такъ непривычно намъ, такъ ново,
Такъ грустно, столько слезъ оно въ себѣ таитъ.

Предъ Царскою Вдовой, Вдовою Николая,
Кто въ счастьѣ, иль въ слезахъ смириться не готовъ?
Земная слава, скорбь земная,
Сосредоточились въ сближеньи этихъ словъ.
Величію Ея—несчастье соразмѣрно,
Въ Ней высшій образецъ всѣхъ благъ и всѣхъ утратъ.
Предъ Ней, кто можетъ суевѣрно
За яркимъ полднемъ ждать и радостный закатъ?

Что въ царскомъ блескѣ Ей, когда душа унылa
И смертью сокрушенъ любви Ея кумиръ!
Не царскій блескъ Она любила:
Супругъ Ей былъ престолъ и блескъ и цѣлый міръ.
И въ этомъ мірѣ Ей всего дороже нынѣ
Не то, чтó міръ даетъ, а то, чтó смерть взяла:

Душой живетъ она въ святынѣ,
Гдѣ милый гробъ сокрылъ все то, чѣмъ жизнь цвѣла.

Утратъ душевныхъ жизнь ужъ замѣнить не можетъ,
Возмездій на землѣ тѣмъ жертвамъ не найти.
Единый Тотъ, Кто крестъ возложитъ
И силу дастъ, чтобъ крестъ съ покорностью нести.
О, будемъ за Нее молиться мы!—въ молитвѣ
Съ святилища любви нисходитъ благодать:
Уязвленнымъ въ житейской битвѣ,
Молитва миръ даетъ, чтобъ язвы врачевать.

А ты, въ любви своей народъ благонадежный,
Ты, помнящій добро и данный разъ обѣтъ,
Ты окружи любовью нѣжной
Ее, живой символъ Того, Кого ужъ нѣтъ;
Въ дни счастья ты любилъ Царицу; въ день напасти,
Въ день скорби, возлюби Ее еще нѣжнѣй:
Изъ упоеній царской власти,
Народная любовь одна осталась Ей.

CCCCLXXXI.

БАДЕНЪ-БАДЕНЪ.

Люблю васъ, Баденскія тѣни,
Когда чуть явится весна
И мать сердечныхъ сновъ и лѣни,
Еще въ васъ дремлетъ тишина;

Когда вы скромно и безлюдно
Своей красою хороши
И жизнь лелѣютъ обоюдно—
Природы миръ и миръ души.

Кругомъ благоухаетъ радость
И средь улыбчивыхъ картинъ
Зеленыхъ рощей блещетъ младость
Въ виду развалинъ и сѣдинъ.

Теперь досужно и свободно
Прогулкамъ, чтенью и мечтамъ:
Иди—куда глазамъ угодно
И дѣлай, что́ захочешь самъ.

Уму легко теперь—и груди
Дышать просторно и свѣжо;

А все испортятъ эти люди,
Которые придутъ ужо́.

Тогда Парижъ и Лондонъ рыжій,
Капернаумъ и Вавилонъ,
На Баденъ мой направивъ лыжи,
Тѣснятъ его со всѣхъ сторонъ.

Тогда отъ Сены, Темзы, Тибра,
Нахлынетъ стокомъ мутныхъ водъ
Разнонароднаго калибра
Праздношатающійся сбродъ:

Дюшессы, виконтессы, леди,
Гуртъ лордовъ тучныхъ и сухихъ,
Маркизъ Г***, принцесса В***,—
А лучше и не вѣдать ихъ.

И кавалеры-апокрифы
Собственноручныхъ орденовъ,
И гофъ-кикиморы и миѳы
Миѳологическихъ дворовъ;

И рыцари слѣпой рулетки
За сборомъ золотыхъ крупицъ,
Сукна зеленаго насѣдки,
Въ надеждѣ золотыхъ яицъ;

Фортуны олухи и шуты,
Карикатуръ различныхъ смѣсь:
Здѣсь—важностью пузырь надутый,
Тамъ—накрахмаленная спѣсь.

Вотъ знатью такъ и пышетъ личность,
А если ближе разберешь:
Вся эта личность и наличность
И мѣдный лобъ, и мѣдный грошъ.

Вотъ разрумяненныя львицы
И львы съ козлиной бородой,
Вотъ доморощенныя птицы
И клевъ орлиный наклейной;

Давно извѣстныя кокетки,
Здѣсь выставляющія вновь
Свои прорвавшіяся сѣтки
И допотопную любовь.

Всѣхъ бывшихъ мятежей потомки,
Отцы всѣхъ мятежей другихъ,
Отъ разныхъ барикадъ обломки
Булыжныхъ буйныхъ мостовыхъ.

Всѣ залежавшіяся въ лавкѣ
Невѣсты, славы и умы,
Всѣ знаменитости въ отставкѣ,
Всѣ соискатели тюрьмы.

И Баденъ мой, гдѣ я, какъ инокъ,
Весь въ созерцанье погруженъ,
Ужъ завтра будетъ—шумный рынокъ,
Домъ сумасшедшихъ и притонъ.

CCCCLXXXII.

БѢДНЫЙ РОТШИЛЬДЪ!

Ротшильдъ, бѣдный Ротшильдъ, милліонщикъ бѣдный!
Точно такъ же умеръ въ золотѣ и ты,
Какъ умретъ поденщикъ, изъ-за лепты мѣдной
Изнурявшій силы, жертва нищеты.

Въ изобиліи счастья, въ нѣгѣ ты купался,
На тебя, счастливца, любовались мы:
Королемъ червоннымъ міру ты являлся
И давалъ червонцы королямъ взаймы.

Всѣ твои богатства, милліоны цѣлы,
Но ихъ пѣснью звонкой ужъ не ты воспѣть
И твой домъ роскошный, нынѣ опустѣлый,
Возглашаетъ грустно—суету суетъ!

Пышнаго владѣльца выжили чертоги,
Перешелъ онъ скромно въ общій всѣмъ покой,
Гдѣ съ великолѣпнымъ Крезомъ—Иръ убогій
Тлѣютъ безразлично подъ сырой землей.

Съ скорбью я увидѣлъ домъ твой—храмъ богатства,
Гдѣ гостепріимно насъ ты угощалъ,
Гдѣ на пиръ Лукулловъ выписныя яства
Ты съ концовъ всемірныхъ щедро собиралъ.

Садъ твой зеленѣетъ тѣнью благосклонной,
Въ немъ цвѣты какъ прежде радостно цвѣтутъ,
Нѣгой майской дышетъ воздухъ благовонный
И на вѣткахъ розы соловьи поютъ.

Но ужъ ты не внемлешь пѣснямъ голосистымъ;
Розы,—ихъ взлелѣялъ ты своей рукой,—
Но улыбкой свѣжей, ѳиміамомъ чистымъ
Пережить дано имъ жребій твой земной.

Всей природы роскошь, всѣ мірскія блага
Ласково радѣли о твоей судьбѣ,
Но часъ смерти лютой, но Дамокла шпага
Пугаломъ висѣли также на тебѣ.

Вѣрю, что прощаясь съ тѣмъ, что смертнымъ мило,
Могъ ты на разстаньи горестно вздохнуть
И съ дороги свѣтлой тяжко, тяжко было
На проселокъ темный круто повернуть.

Знаю, вамъ счастливцамъ, богачамъ-верблюдамъ,
Сквозь ушко иголки мудрено пройти,
Но ты ни таланты не держалъ подъ спудомъ,
Ни отъ нищей братьи домъ на заперти.

Въ вѣкъ нашъ златожадный, барышу послушный
Биржу—вавилонскій столпъ и ты сложилъ,
Но смиренный въ счастьи, нравомъ простодушный,
Ты не корчилъ знати, хоть и Ротшильдъ былъ.

Да проститъ богатство Богъ тебѣ! а люди
Скажутъ съ умиленьемъ по твоимъ слѣдамъ:
„Памятью сердечной ты помянутъ буди
„И служи примѣромъ прочимъ богачамъ.“

CCCCLXXXIII.

СИЦИЛІЙСКАЯ ПѢСНЯ.

(Изъ Гете.)

Этимъ глазкамъ, чернымъ глазкамъ,
Стоитъ только разъ мигнуть,
Чтобъ домà взорвать на воздухъ,
Города перевернуть.
За щедушною стѣною
Сердцу, сердцу-ль моему
Устоять подъ ихъ грозою,
Уцѣлѣть-ли одному?

CCCCLXXXIV.

НА ПРОЩАНЬЕ.

Я никогда не покидаю мѣста,
Гдѣ промыслъ далъ мнѣ смирно провести
Дней нѣсколько нетронутыхъ бѣдою,
Чтобъ на прощанье тихою прогулкой
Не обойти съ сердечнымъ умиленьемъ
Особенно мнѣ милыя тропинки,
Особенно мнѣ милый уголокъ.
Прощаюсь тутъ и съ ними и съ собою.
Какъ знать, что ждетъ меня за рубежемъ?
Казалось мнѣ—я былъ здѣсь застрахованъ,
Былъ огражденъ привычкой суевѣрной
Отъ треволненій жизни ненадежной
И отъ обидъ насмѣшливой судьбы.
Здѣсь постоянно и однообразно,
День за день длилось все одно сегодня,
А тамъ меня въ дали невѣрной ждетъ
Невѣдѣнье сомнительнаго завтра,
И душу мнѣ тѣснитъ невольный страхъ.
Какъ въ гробъ родной съ слезами опускаемъ
Мы часть себя, часть лучшую себя,
Такъ покидая теплое гнѣздо,

Пролетныхъ дней пріютъ богохранимый,
Сдается мнѣ, что погребаю я
Досуговъ мирныхъ свѣтлыя занятья,
И свѣжесть чувствъ, и дѣятельность мысли,
Все, чѣмъ я жилъ, все, чѣмъ жила душа.

Привычка мнѣ дана въ замѣну счастья.
Знакомое мнѣ мѣсто — старый другъ,
Съ которымъ я сроднился, свыкся чувствомъ,
Которому я довѣряю тайны,
Подъятыя изъ глубины души
И недоступныя толпѣ нескромной.
Въ средѣ привычной ближе я къ себѣ.
Природы міръ и міръ мой задушевный:
Одинъ съ своей красой разнообразной
И съ свѣжей прелестью картинъ своихъ;
Другой съ своими тайнами, глубоко
Лежащими на недоступномъ днѣ,
Сливаются въ единый строй сочувствій,
Въ одну любовь, въ согласіе одно.
Здѣсь тишина и цѣлость, и свобода.
Тамъ между мною внутреннимъ и внѣшнимъ
Вторгается насильственнымъ наплывомъ
Всепоглощающій потокъ суетъ,
Ничтожныхъ дѣлъ и важнаго бездѣлья.
Тамъ къ спѣху все, чтобъ изъ пустаго важно
Въ порожнее себя переливать.
Когда мой умъ въ халатѣ, сердце дома,
Я кое-какъ могу съ собою сладить,
Отыскивать себя въ себѣ самомъ,
И быть не тѣмъ, во что нарядитъ случай,
Но чѣмъ могу и чѣмъ хочу я быть.
Мой *я* одинъ здѣсь цѣлъ и ненарушимъ,
А тамъ мы два, разрозненные *я*.

О, будь на васъ благословенье свыше,
Сѣнь рощей, миръ полей и бытія!

Да съ каждымъ лѣтомъ все яснѣй, все тише,
На западъ свой склоняясь жизнь моя,
Подъ вашею охраной благосклонной
Къ урочной цѣли совершаетъ путь,
И вечеръ мирный, свѣжій, благовонный
Дастъ отъ дневныхъ тревогъ мнѣ отдохнуть.

Люблю я нашъ обычай православный:
Въ немъ тайный смыслъ и въ немъ намекъ есть явный;
Не даромъ онъ въ почтеньи у отцовъ,
Поднесь хранимъ у насъ въ средѣ семейной:
Когда кто въ путь отправиться готовъ,
Присядетъ онъ въ тиши благоговѣйной,
Сосредоточится въ себѣ самомъ,
И оградясь напутственнымъ крестомъ,
Предастъ себя и милыхъ ближнихъ Богу,
А тамъ бодрѣй пускается въ дорогу.

Не всѣ-ль мы странники? не всѣмъ ли намъ,
Въ путь роковой идти все тѣмъ же слѣдомъ?
Сегодня? Завтра? День тотъ намъ невѣдомъ;
Но свыше онъ расчитанъ по часамъ.
Какъ ни засиживаться старожилу,
Какъ на землѣ онъ долго ни гости,
Нечаянно пробьетъ походъ въ могилу,
И рѣдко кто готовъ въ тотъ путь идти.
Волнуемымъ житейскою тревогой,
Отсталымъ намъ отъ братьевъ, прежде насъ
Отшедшихъ въ путь,—и намъ ужъ близокъ часъ.
Не лучше-ль каждому предъ той дорогой,
Собраться съ духомъ, молча, одному
Сойти спокойно въ внутреннюю келью,
И дать остыть житейскому похмѣлью
И отрезвиться страстному уму.

CCCCLXXXV.

ГРАФУ МИХАИЛУ ЮРЬЕВИЧУ ВЬЕЛЬГОРСКОМУ.

Въ день рожденія.

Здравствуй, нашъ новорожденный,
Здравствуй, милый нашъ птенецъ,
Раскрасавецъ нашъ безцѣнный,
Радость дружескихъ сердецъ!
Безошибочнымъ пророкомъ
Я скажу на вѣрня́ка,
Что въ младенцѣ зоркимъ окомъ,
Я предвижу старика;

Что стезей всегда достойной,
Бодрый средь земныхъ заботъ,
Онъ до старости спокойной
Припѣваючи дойдетъ;
Что безъ фальши, чисто, гласно,
Будетъ пѣть и поступать,
И въ душѣ прозрачной ясно
Все благое отражать;

Что разсѣянностью вѣчной
Озадачитъ хоть кого,

Но изъ памяти сердечной
Не проронитъ ничего;
Что онъ мудрости вериги
Обовьетъ снуркомъ цвѣтовъ;
Что любитъ онъ будетъ книги
И радушный гулъ пировъ.

Будетъ онъ,—бѣды не скрою,—
Крѣпокъ на ухо чуть-чуть,
Если то назвать бѣдою
Чтобъ ушамъ дать отдохнуть.
Болтовнею вздорной вскорѣ
Свѣтъ успѣетъ надоѣсть,
А въ сердечномъ разговорѣ
Сердце сердца чуетъ вѣсть.

CCCCLXXXVI.

ЭСМЕРАЛЬДА.

(Воспоминаніе о Венеціи).

Внучкѣ моей Княгинѣ Елизаветѣ Петровнѣ Голицыной.

Напѣвы знакомыхъ созвучій!
Вѣрнѣе всѣхъ словъ и картинъ
На память привѣтъ вамъ пѣвучій
Наводитъ минувшаго тѣнь.

Все то, что въ ней тихо дремало,
Очнувшись, откликнется вдругъ,
И памяти вѣрной зерцало
Воскресшую жизнь повторитъ.

На слухъ налетѣли случайно
Созвучья мнѣ памятныхъ дней,
И думой невольною тайно
Задумалось сердце во мнѣ.

Въ край дальній я думой заброшенъ,
Въ волшебный плѣнительный край!

Тамъ сладостный воздухъ роскошенъ,
Тамъ вѣченъ улыбчивый май.

Тамъ кудри златыя купая
Въ прохладѣ лазурныхъ зыбей,
Русалкой изъ волнъ выплывая,
Венеція манитъ къ себѣ.

Чернѣются гондолы, рѣя
Морской вереницею птицъ,
И солнцемъ вечернимъ алѣя,
Дымятся верхи синихъ горъ.

Дворецъ за дворцомъ изъ подъ пепла
Угасшихъ столѣтій встаетъ,
Краса ихъ грозами окрѣпла,
И юностью вѣчной цвѣтетъ.

И куполы храмовъ громадныхъ
Отважно парятъ къ небесамъ;
Съ холста-ли, иль съ мраморовъ хладныхъ
Все вѣетъ безсмертіемъ намъ.

На площадь движеньемъ и гуломъ
Нахлынулъ народный потокъ,
И каждый запасшійся стуломъ
Подсѣлъ въ свой знакомый кружокъ.

Сливаются говоръ и клики,
И въ этой святынѣ ночной,
Въ виду вѣковой Базилики,
Мороженымъ тѣшится жизнь.

Струится поэзія ночи,
И въ эту чудесную ночь

Впились задушевныя очи
И вся потонула душа.

Поэзія съ прозою рядомъ,
Дѣйствительность рядомъ съ мечтой;
И жизнь увлеченьемъ и складомъ,
Какъ сказка, баюкаетъ насъ.

А вотъ Бебе-аква, бѣсенокъ,
Вертится юлой и визжитъ;
Разсказомъ своихъ побасенокъ
Разжалобитъ и разсмѣшитъ.

Здѣсь вьются октавы Ринальда
Въ прозрачной ночной синевѣ:
Тамъ вьется, кружась, Эсмеральда
Съ вѣнкомъ на младой головѣ.

Она и порхаетъ и блещетъ,
Цвѣтокъ, мотылекъ, огонекъ,
Левъ радостно крыльями плещетъ
И самъ радъ затѣять прыжокъ.

Весь міръ тотъ въ глазахъ развернулся
И думы и чувства согрѣвъ,
Какъ только до слуха коснулся
Балета знакомый напѣвъ.

Тутъ съ разу и милую внучку
Сердечная память найдетъ:
Вотъ дѣда вожакъ мой подъ ручку.
По темнымъ проулкамъ ведетъ.

Насъ гондола ждетъ у трагетта;
И неба звѣздистый наметъ,

И гладь голубаго паркета
Къ прогулкѣ все такъ и зоветъ.

И чувствомъ всесильно влекущимъ
Спѣшимъ, полуночники, въ путь...
Хотѣлось на сонъ намъ грядущимъ
На дремлющій Лидо взглянуть.

1856 г.

CCCCLXXXVII.

НА ЦЕРКОВНОЕ СТРОЕНІЕ.

Одною встрѣчей я всегда въ прогулкѣ счастливъ:
Будь лѣтомъ жарокъ день, иль осенью ненастливъ,
Подъ проливнымъ дождемъ, въ морозъ, въ палящій зной,
На перекресткѣ онъ съ открытой головой
И съ книгою въ рукѣ, протянутой къ прохожимъ.
Глядитъ онъ странникомъ и человѣкомъ Божьимъ,
Смиренья съ простотой лежитъ на немъ печать;
Свой странническій крестъ пріявъ, какъ благодать,
Изъ дальняго села пришелъ онъ въ городъ чуждый,
Но привели его не собственныя нужды.
Нѣтъ! къ дому Господа усердьемъ возгоря
И возлюбивъ и блескъ, и святость алтаря,
Онъ благолѣпью ихъ посильный трудъ приноситъ
И именемъ Христа на церковь братій проситъ.
Въ волненьяхъ суеты, среди столичныхъ стѣнъ,
Преданье и урокъ Апостольскихъ временъ,
Онъ ходитъ между насъ Евангельскою вѣстью
И праздныя сердца въ насъ будитъ къ благочестью.
И рѣдко кто пройдетъ,—и больно за того,
Кто мимо могъ пройти, не одѣливъ его
Хоть малымъ чѣмъ-нибудь, хоть ласковымъ вниманьемъ,

Сочувствіемъ любви, поклономъ, пожеланьемъ,
Чтобъ труженика путь Господь благословилъ
И жатвой доброю жнеца обогатилъ.
Но болѣе всего любуюсь доброхотомъ,
Который дастъ свой грошъ, трудомъ и крупнымъ потомъ
Добытый,—и себя-жъ тутъ осѣнитъ крестомъ,
Какъ будто-бъ онъ еще остался съ барышомъ.
Храня въ душѣ моей отцовъ простую вѣру,
Я слѣдовать люблю народному примѣру
И лепту и мою спѣшу въ тотъ сборъ принесть.
Скажу: и моего тутъ меду капля есть;
Скажу: и моего тутъ будетъ капля масла,
Чтобъ предъ иконою лампада въ вѣкъ не гасла;
Чтобъ тихій свѣтъ ея ликъ Спаса озарялъ
И въ душу скорбную отрадой проникалъ.

И въ этой мысли мнѣ есть сладость упованья,
Что тутъ и мой кирпичъ пойдетъ въ основу зданья,
Гдѣ мирная семья смиренныхъ поселянъ
На благовѣстъ любви сзывающій мірянъ,
Усердною толпой сберется въ день Воскресный.
И молятся они, чтобы Отецъ Небесный
Послалъ имъ свышній миръ, чтобы за ихъ труды
Имъ принесла земля обильные плоды,
Чтобъ день былъ совершенъ, святъ, миренъ и безгрѣшенъ,
Чтобъ исцѣлѣлъ больной, чтобъ скорбный былъ утѣшенъ,
Живущимъ вѣрою, хранящимъ Божій страхъ,
Труждающимся всѣмъ, въ молитвѣ и слезахъ,
Всѣмъ странствующимъ, всѣмъ далече въ морѣ сущимъ,
Всѣмъ долю тяжкую и тяжкій плѣнъ несущимъ—
Господь послалъ свой миръ, любовь и благодать;
Чтобъ въ покаяньи имъ дни прочіе скончать,
Чтобъ ангелъ мирный, душъ ихъ и тѣлесъ хранитель,
Берегъ и стадо ихъ, и поле, и обитель;
Чтобъ помянулъ Господь во царствіи своемъ
Отцовъ и братію, почившихъ смертнымъ сномъ,

Святителей церквей, родныхъ, владыкъ державныхъ
И всѣхъ лежащихъ здѣсь и всюду православныхъ;
И отрѣшая ихъ отъ всѣхъ земныхъ заботъ,
Ко Господу любви душа ихъ вопіетъ,
Чтобъ непостыдная и тихая кончина
Предстательствомъ Его возлюбленнаго Сына
Сошла, какъ благодать даруя имъ покой,
Чтобъ имъ омыть грѣхи раскаянья слезой
И въ оный страшный день, съ отвѣтнымъ добрымъ словомъ,
Младенцами предстать имъ на судѣ Христовомъ.

И безымянною молитвой обо мнѣ
Помянутъ вѣрные въ далекой сторонѣ,
Когда за Божій домъ собравшіеся въ ономъ
И за создателей той церкви крестъ съ поклономъ
Предъ Господомъ живыхъ и мертвыхъ сотворятъ.
Года пройдутъ. Давно онъ, ихъ усопшій братъ,
Лежитъ въ землѣ сырой; но въ поколѣньи новомъ
Все тѣмъ же любящимъ и благодарнымъ словомъ
О братѣ, чуждомъ имъ, помолится народъ;
Тутъ память и моя пройдетъ изъ рода въ родъ;
И можетъ быть, Богъ дастъ, сей лептой богомольной
Искупится мой грѣхъ, иль вольный, иль невольный
И тамъ зачтется мнѣ въ замѣну добрыхъ дѣлъ,
Что къ церкви Божіей душой я не хладѣлъ.

CCCCLXXXVIII.

СЕЛЬСКАЯ ЦЕРКОВЬ.

Люблю проселочной дорогой
Въ день лѣтній, въ праздникъ храмовой
Попасть на службу въ храмъ убогій,
Почтенной сельской простотой.

Тотъ храмъ, построенный изъ бревенъ
Когда-то былъ села красой,
Теперь онъ ветхъ, хотя не древенъ,
И не отмѣченъ былъ молвой.

И колоколъ его не звучно,
Разноситъ благовѣстный гласъ,
И самоучка своеручно
Писалъ его иконостасъ.

Евангеліе позолотой
Не блещетъ въ простотѣ своей,
И только днями и заботой
Богатъ смиренный іерей.

Но храмъ и паперть и ограду
Народъ усердно обступилъ,

И пастырь набожному стаду
Миръ благодати возвѣстилъ.

Но простодушнѣй, но покорнѣй
Молитвы не услышать вамъ:
Здѣсь ей свободнѣй, здѣсь просторнѣй
Ей воскриляться къ небесамъ.

И старъ и младъ творя поклоны,
Спѣшитъ свѣчу свою зажечь;
И блещутъ мѣстныя иконы,
Облитыя сіяньемъ свѣчъ.

Открыты окна.... въ окна дышетъ
Пахучей свѣжестью деревъ,
И пѣшеходъ съ дороги слышитъ
Крестясь, молитвенный напѣвъ.

Въ согласьи съ бѣдностью прихода
Ничто не развлекаетъ взглядъ:
Кругомъ и бѣдная природа
И бѣдныхъ избъ стѣсненный рядъ.

Но все святыней и смиреньемъ
Здѣсь успокоиваетъ умъ,
И сердце полно умиленьемъ
И свѣтлыхъ чувствъ и чистыхъ думъ.

Поѣдешь дальше,—годы минутъ,
А съ ними многое пройдетъ,
Слѣды минувшаго остынутъ
И мало-что изъ нихъ всплыветъ.

Но церковь съ низкой колокольней,
Смиренный, набожный народъ,
Одинъ другаго богомольнѣй,
Въ глуши затерянный приходъ,

Двѣ, три березы у кладбища,
Позеленѣвшій тиной прудъ,
Селенье, мирныя жилища,
Гдѣ бодрствуетъ нужда и трудъ,

Во мнѣ не преданы забвенью:
Ихъ вижу, какъ въ былые дни,
И освѣжительною тѣнью
Ложатся нà душу они.

CCCCLXXXIX.

ЦАРЬ ГОРОХЪ.

Преданье есть: во дни царя Гороха
Расчищенъ былъ весь міръ, какъ огородъ,
И безъ хлопотъ, и безъ переполоха
Вездѣ росли рожь, овощи и плодъ.

Возвратися къ намъ, добрый царь Горохъ!
Безъ тебя, родной, урожай нашъ плохъ.

При немъ народъ былъ трезвъ и благонравенъ,
Былъ безкорыстенъ весь чиновный людъ,
Исправникъ самъ на дѣлѣ былъ исправенъ,
И судія давалъ по правдѣ судъ.

Возвратися къ намъ, добрый царь Горохъ!
Всѣхъ лихихъ судей захвати въ расплохъ.

При немъ цвѣли торговля и науки,
По совѣсти купецъ бралъ барыши,
А грамотѣй,—ему и книги въ руки,—
Писалъ умно и прямо отъ души.

Возвратися къ намъ, добрый царь Горохъ!
Облѣпилъ насъ рой вы́жигъ и пройдохъ.

При немъ служилъ бояринъ не изъ ленты,
А изъ любви къ царю, къ добру мірянъ;
Статьей оброчной не были кліенты
А раскрывалъ онъ бѣднымъ свой карманъ.

Возвратися къ намъ, добрый царь Горохъ!
Деньги и чины — новый нашъ Молохъ.

И дастъ ли царь Горохъ, кому горошку
Иль обойдетъ кого и шелуха,
Никто не лѣзъ самъ къ царскому лукошку,
И зависти никто не зналъ грѣха.

Возвратися къ намъ, добрый царь Горохъ!
Перегрызлись мы изъ казенныхъ крохъ.

При немъ въ чести была одна заслуга,
На мишуру не соблазнялся глазъ,
Въ дуплѣ своемъ не чванилась пичуга
Клочкомъ павлинныхъ перьевъ на показъ.

Возвратися къ намъ, добрый царь Горохъ!
Подняли носы враль и скоморохъ.

При немъ никто не наживался лестью:
Нѣтъ было нѣтъ, кто скажетъ да, такъ да.
Не кланялись блестящему нечестью,
Гнушались зломъ, стыдилися стыда.

Возвратися къ намъ, добрый царь Горохъ!
Испускаетъ честь свой послѣдній вздохъ.

При немъ жила и святость убѣжденья,
И не былъ каждый флюгеръ и двойникъ:
Ни мужеству, ни искренности мнѣнья
Не измѣняли совѣсть и языкъ.

Возвратися къ намъ, добрый царь Горохъ!
Обмелѣлъ народъ, исхудалъ, изсохъ.

И царь Горохъ легко царилъ и правилъ,
О пользѣ всѣхъ, какъ только могъ, радѣлъ;
Кто въ силѣ былъ, тотъ дѣломъ не лукавилъ,
И отъ того не много было дѣлъ.

„Да, когда же жилъ этотъ царь Горохъ?
—Съ допотопныхъ дней слѣдъ объ немъ заглохъ.

Что въ старину разсказывалось сказкой,
Надежа-царь, ты намъ покажешь въ явь;
Гдѣ твердостью, а гдѣ добромъ и лаской
Ты сбившихся съ пути на путь направь.

Къ пользѣ и добру будь намъ всѣмъ вождемъ.
Что посѣешь ты, то мы и пожнемъ.

Ты обреченъ нести святую тягость,
Ты Провидѣньемъ избранный сосудъ
Души твоей, твоихъ желаній благость
Порука намъ, что совершишь свой трудъ.

Вѣруютъ въ тебя дѣтушки твои,
Много силы есть въ волѣ и любви.

Русь велика: за то неправдамъ воля
Гулять по ней, иль закопаться въ щель:
Подстережешь! они какъ заяцъ съ поля
Вдругъ улизнутъ за тридевять земель.

Но, Богъ въ помощь, царь бодро съ первыхъ поръ
Огороши зло, дай добру просторъ.

CCCCXC.

Благополучно я доѣхалъ до Митавы;
Но первый сердца долгъ, тебѣ, о Алексѣй,
Дормезъ твой данъ мнѣ въ путь десницею твоей
И въ немъ какъ въ люлькѣ я, чрезъ кочки, чрезъ канавы,
Чрезъ все, что на Руси считается шоссе,
Качаемъ былъ легко — и ребра цѣлы всѣ.

CCCCXCI.

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ ГОСУДАРЫНѢ ИМПЕРАТРИЦѢ МАРІИ АЛЕКСАНДРОВНѢ.

1.

Великолѣпенъ видъ ликующей Москвы:
    Расправились ея морщины
И блещутъ юностью священныя сѣдины
    Семисотлѣтней головы.
Въ цвѣтахъ и подъ парчей, подъ праздничной одеждой,
Какъ Русскихъ городовъ царица хороша!
И вся молитвою, любовью и надеждой
    Ея проникнута душа.

Одушевленная рѣка, народа волны,
    Тѣснясь по улицамъ кипятъ;
Единой мыслью всѣ, единымъ чувствомъ полны,
    Единымъ пламенемъ горятъ.
Москва—одна семья на радости семейной,—
    И вся святая Русь въ Москвѣ
Заочно празднуетъ, мечтой благоговѣйной,
    Въ ея великомъ торжествѣ.

Заголосилъ Иванъ Великій, – громъ грянулъ;
Въ немъ отозвался гласъ вѣковъ,
И радостно за нимъ, со всѣхъ сторонъ воспрянулъ
Стозвучный залпъ колоколовъ.
Глашатаи торжествъ народныхъ и церковныхъ,
Они вѣщаютъ намъ родныя словеса:
Въ созвучіяхъ земныхъ, въ созвучіяхъ духовныхъ,
Поютъ земля и небеса.

Изъ-за Кремлевскихъ стѣнъ, изъ древняго забрала,
Глядятъ богатыри — вѣка:
Ихъ славой доблестной, ихъ язвами вѣнчала
Святая Промысла рука.
И каждый на челѣ несетъ свой знакъ особый,
И каждый въ свой урочный часъ,
Ко благу вождь, иль бичь иноплеменной злобы,
Страдалъ и бодрствовалъ за насъ.

Сей праздникъ — новыхъ дней и сvмволъ и задатокъ:
Народной повѣсти листамъ
Онъ именемъ своимъ даруетъ отпечатокъ
На судъ потомству и вѣкамъ.
Союзъ временъ, въ живой цѣпи лѣтосчисленій,
Онъ Богомъ данное звено,
Для жатвы будущей, для дальнихъ поколѣній
Онъ плодородное зерно.

II.

Великолѣпенъ видъ ликующей Москвы:
И день съ небесъ сіяетъ блескомъ,
И полонъ воздухъ весь струей людской молвы,
Колоколовъ и пушекъ трескомъ.
Всѣ гости ждутъ. Москва несетъ заздравный хлѣбъ,
Почетъ и радость угощенья;

Къ народу гость грядетъ, посланникъ Провидѣнья,
Живый сосудъ его судебъ.

И вотъ Онъ, гость родной, желанный, ненаглядный!
Къ Нему всѣ очи, души всѣ!
И кротости Его привѣтъ, сердцамъ отрадный,
Сіяетъ въ царственной красѣ.
И звонъ колоколовъ, звучащій звучной мѣдью,
И радостный сей кликъ, потрясшій всѣ сердца,
Все въ честь Ему, и все призывъ Ему къ наслѣдью
Порфиры, скиптра и вѣнца.

И сѣдовласый Кремль—о чудная картина!
Поникнувъ предъ своимъ Царемъ,
Въ Немъ сына своего, возлюбленнаго сына
Цѣлуетъ, радуясь о Немъ.
О, передай Ему ты съ отчимъ цѣлованьемъ,
Съ благословеніемъ своимъ,
И нашу всю любовь, и клятву съ упованьемъ,
Что клятвы мы не постыдимъ.

Царь словомъ милости, какъ Божьей благодатью,
Украсилъ царства первый день:
Онъ братьямъ возвратилъ отторженную братью,
Съ семействъ разсѣялъ скорби тѣнь.
Онъ почву Русскую росою благодатной
Своей щедроты освѣжилъ,
Народу роздыхъ далъ, и, по тревогѣ ратной,
Въ миръ вѣрить села научилъ.

Прощенье! Божій лучъ, сіяньемъ свѣтозарнымъ
Владыкъ объемлющій вѣнецъ!
Тебя предастъ, въ вѣка, скрижалямъ благодарнымъ
Народной памяти рѣзецъ.
Ты царству новому будь радугой завѣта!
Найдя обѣтованный брегъ,

Да благоденствуетъ безчисленныя лѣта
Нашъ государственный ковчегъ.

Будь благости Царя народъ Его достоинъ!
Будь, доблести храня уставъ,
Сынъ церкви—вѣренъ ей, стражъ чести—каждый воинъ,
Судъ каждый—передъ правдой правъ.
Кто силенъ, тотъ блюди надъ немощною жертвой!
И Божій и мірской законъ
Да въ души углубясь, не тлѣетъ буквой мертвой,
Нѣтъ, жизни будь источникъ онъ!

Да просвѣщенья лучъ не умъ одинъ, но нравы,
И духъ гражданства озаритъ,
И пламенемъ добра, любви и чистой славы
Свѣтильникъ Русскій возгоритъ!
И каждый, сколь дано ему на часть и въ силу,
Царю въ трудѣ споспѣшникъ будь,
Да Кормчій, Промысломъ приставленный къ кормилу,
Онъ кораблю дастъ стройный путь.

Какъ царь за власть свою отвѣтствуетъ предъ Богомъ,
Такъ каждый, помня свой обѣтъ,
Будь завсегда готовъ, по испытаньи строгомъ,
Дать за дѣла Царю отвѣтъ.
Въ сей свѣтлый часъ, прими, Господь, молитвы наши!
Покорные святымъ судьбамъ,
Въ день скорби, горестной мы пріобщились чаши:
Пошли Ты нынѣ милость намъ!

Возвесели Царя Ты счастіемъ народнымъ,
И Царской радостью народъ,
Да общимъ ихъ трудомъ, Отецъ, Тебѣ угоднымъ
Созрѣетъ благодатный плодъ.
И въ семьянинѣ Ты, щедротой равномѣрной,
Его семью благослови.

И жизнь безцѣнную Царицы благовѣрной,
Избранницы Его любви.

3.

О кто-бъ, Царица, могъ проникнуть въ оный часъ,
Во внутрь святилища души Твоей прекрасной,
И вслушаться, какъ Ты молитвою безгласной
Молилась за Него и мыслила объ насъ?
Кто-бъ могъ незримыхъ слезъ Твоихъ и помышленій
Извѣдать и прозрѣть красу и глубину,
Когда тѣснимая приливомъ впечатлѣній
Ты душу, умъ, всю жизнь, слила въ любовь одну?
Когда Господь былъ Твой единый собесѣдникъ,
И сонмъ народныхъ волнъ благоговѣлъ вокругъ,
Съ Тобою объ руку былъ царственный Наслѣдникъ,
И предъ Тобою шелъ державный Твой супругъ;
Когда, смиренная, предъ Богомъ и народомъ
Величья царскаго отвѣтственность цѣня,
Ты съ трепетомъ святымъ слѣдила за восходомъ
Сего Царю и намъ пророческаго дня?
Вѣкъ цѣлый чувствъ и думъ Ты въ часъ сей испытала;
Народъ, весь Русскій міръ въ Твою тѣснился грудь,
И окомъ умственнымъ Ты молча обнимала
Путь, ими пройденный, и въ будущемъ ихъ путь.
Нѣтъ, онъ не чуждъ тебѣ, нашъ Кремль первопрестольный,
Кремль, Царства Русскаго твердыня и кивотъ,
Сей камень вѣковой, святой, краеугольный,
На коемъ Богъ свой домъ и Царскій домъ блюдетъ.
Въ преданія Его Ты вслушалась съ любовью,
Откликнулась душой на древнія дѣла,
И освященною борьбой и Русской кровью,
Скрижалей каменныхъ Ты лѣтопись прочла.
Поэзіей души, прекрасному доступной,
Уразумѣла Ты поэзію Кремля,
И дороги Тебѣ святыней совокупной

И церковь Русская, и Русская земля.
Ты жизнью внутренней сроднилась съ жизнью новой,
Отринувъ родины блескъ южный и цвѣты;
Подъ небомъ пасмурнымъ полуночи суровой,
Въ жизнь Русскую душой переродилась Ты.
Дочь Церкви, Церкви Ты питомицей послушной
На празднества ея, обряды, образа,
Глядишь Ты, какъ глядятъ съ любовью простодушной,
Меньшихъ изъ чадъ ея, духовные глаза.
Ты вѣруешь всему, что̀ Русской вѣрѣ свято,
Что̀ корень и залогъ духовныхъ нашихъ силъ,
Что̀ чисто, какъ въ огнѣ испытанное злато,
Въ горнилѣ опытовъ народъ нашъ сохранилъ.
Ко братьямъ страждущимъ Царицей сердобольной,
Къ одру ихъ Ты несешь отраду и покой:
Предсмертной думою, довѣрчиво-довольной,
Прощаются они съ далекою семьей,
И сладкое во гробъ уносятъ убѣжденье,
Что надъ убожествомъ сиротъ и скорбныхъ вдовъ,
Въ лицѣ Царицы есть земное Провидѣнье,
Которое имъ дастъ опору и покровъ.
Не милостью одной и царскою щедротой
Даришь—и пѣснь пѣвца, и строгой мысли трудъ;
Ты имъ сочувствуешь, Ты нѣжною заботой
Ихъ ободряешь;—имъ твой благосклонный судъ,
Въ которомъ умъ съ душой, вкусъ съ мыслью неразлучны,
Твой судъ для нихъ вѣнецъ, Твое вниманье—щитъ.
Усвоенный Тобой языкъ нашъ благозвучный
Въ устахъ Твоихъ еще привѣтливѣй звучитъ.
О, если-бъ Пушкину преемникъ вдохновенный
Родился подъ златымъ созвѣздьемъ новыхъ лѣтъ,
И стихъ его, огнемъ души воспламененный,
Сверкнулъ и загремѣлъ, вмѣщая громъ и свѣтъ;
Когда-бъ народный бардъ, внимаемый престоломъ,
Изъ многихъ избранный пророкъ и вѣщій жрецъ,
Онъ поучалъ умы живымъ своимъ глаголомъ

И струны потрясалъ сочувственныхъ сердецъ;
Когда-бъ восторгъ, любовь и трепетъ умиленья
Рождались подъ его властительнымъ стихомъ:
Счастливецъ, могъ бы онъ одинъ безъ дерзновенья
И волю чувствамъ дать, и быть Твоимъ пѣвцомъ.

CCCCXCII.

Дивлюсь всегда тому счастливцу,
Который чуждый всѣхъ заботъ,
Какъ подобаетъ горделивцу—
Самоувѣренно живетъ.

Случайной жизнью, какъ хозяинъ
Распоряжаться онъ привыкъ,
Нѣтъ для него въ ней темныхъ таинъ,
Что̀ ставятъ часто насъ въ тупикъ.

Онъ книгу жизни вскользь толкуетъ,
Все въ ней ему, какъ б—а—ба;
Онъ, словно, самъ ее диктуетъ
И пишетъ набѣло судьба.

Нѣтъ мѣста въ немъ раздумью, горю,
Нѣтъ мѣста внутренней борьбѣ,
Пловецъ—онъ довѣряетъ морю,
А пуще вѣритъ самъ себѣ.

Идетъ впередъ отвагой полный
Надменно выдвигая грудь,
А жизнь: уступчивыя волны
Предъ нимъ широкій, гладкій путь.

Мудрецъ онъ зоркій и глубокій?
Нахалъ ли, путникъ ли слѣпой,
Который съ крутизны высокой
Не чуетъ бездны подъ собой?

Въ недоумѣньи пребываю:
Благоговѣть ли передъ нимъ,
Иль сожалѣть о немъ? не знаю,
Мнѣ сей вопросъ неразрѣшимъ.

Но какъ различны въ насъ понятья,
Нашъ взглядъ на жизнь и взглядъ его:
Мы ощупью меньшая братья
Въ потьмахъ бредемъ страшась всего.

Что шагъ—въ виду Харибды, Сциллы,
Что шагъ--Иракловы столбы;
Всегда подъ роковою силой
Мы внѣшнихъ случаевъ рабы.

Вотъ, хоть бы я, давно и даже
Давно за срокъ и за урядъ,
Съ житейской лямкой я на стражѣ,
А все же я плохой солдатъ.

И виноградъ и лавръ мнѣ зеленъ;
Не разъ простръленъ былъ насквозь,
А все еще я не обстрѣленъ
И не привыкъ твердить: небось.

Напротивъ, въ скукѣ обоюдной,
Въ кругу безвыходномъ верчусь,
И въ вѣчной распрѣ съ жизнью трудной
Боюсь себя, ея боюсь.

При ясномъ днѣ тревогой тайной
Я чую въ небѣ облака;
Мнѣ въ каждой радости случайной
Грозитъ зародышемъ тоска.

1857 г.

CCCCXCIII.

КИССИНГЕНЪ.

1.

Я помню Киссингена тѣни,
Его ключей цѣлебный даръ
И горъ лѣсистыя ступени,
Пріютъ прохлады въ знойный жаръ.

Я помню мирныя долины,
Гдѣ волнъ житейскихъ тихнетъ шумъ,
Поля и свѣжія картины,
Такъ умиряющія умъ.

По рощамъ и лугамъ окрестнымъ
Бродилъ я, волю давъ мечтѣ,
Счастливый зрѣлищемъ прелестнымъ
Природы въ лѣтней красотѣ.

Но изъ прогулокъ ежедневныхъ
Одна была мнѣ всѣхъ милѣй;
Струей сочувствій задушевныхъ
Я по привычкѣ влекся къ ней.

Когда отъ скуки суетливой
Просилось сердце отдохнуть,
На рѣчку, къ мельницѣ красивой
Оно указывало путь.

Тутъ все свѣжо, привольно, мило;
Душѣ легко, просторъ кругомъ,
И счастье, будь не легкокрыло, —
Ему бы здѣсь зажить домкомъ.

Я погружался зрѣньемъ, слухомъ
И въ бой колесъ, и въ плескъ воды,
Посеребрявшей нѣжнымъ пухомъ
Кипучей влаги борозды.

Питалъ сей шумъ однообразный
Мою задумчивую лѣнь
И наносилъ на умъ мой праздный
Крылатыхъ думъ лучи и тѣнь.

Тамъ мельникъ жилъ, почтенный старецъ,
Не то что нашъ—колдунъ и сватъ,
А простодушнѣйшій Баварецъ,
Изъ Нѣмцевъ Нѣмецъ, ближнимъ братъ;

Заботливый, трудолюбивый,
Въ желаньяхъ трезвый, какъ мудрецъ,
Рабъ Господа благочестивый,
Въ семьѣ—примѣрный мужъ-отецъ.

Крестомъ болѣзни отягченный,
Онъ не терялъ душевныхъ силъ:
Недугъ свой, труженикъ смиренный,
Онъ Богу въ жертву приносилъ.

Работалъ онъ что было силы,
Когда недугъ вздохнуть давалъ;

Молился онъ за домъ свой милый,
Когда недугъ одолѣвалъ.

Мы съ нимъ сроднились съ первой встрѣчи:
Онъ былъ по мнѣ, я былъ по немъ;
Обмѣномъ дружелюбной рѣчи
Мы все сближались съ каждымъ днемъ.

Прошли года. Узрѣлъ я снова
Давно знакомыя мѣста;
Минувшихъ дней изъ-подъ покрова
Мнѣ вновь сказалась красота.

Спѣшилъ я къ мельницѣ... все та же,
И тотъ же звучныхъ волнъ привѣтъ,
И тотъ же вѣрный песъ на стражѣ,
А друга-мельника ужъ нѣтъ.

Господь послалъ конецъ страданьямъ,
Раба онъ съ миромъ отпустилъ
И, вмалѣ вѣрный, съ упованьемъ,
Съ семьей простясь, онъ опочилъ.

Вздохнулъ я надъ сырой могилой,
Гдѣ спитъ онъ, мой минутный братъ;
Воззвалъ я: „Господи помилуй!
„И мой конецъ будь тихъ и святъ!“

2.

Другимъ видѣньемъ умъ мой занятъ,
Другихъ сочувствій голоса
Меня зовутъ и снова манятъ
Въ тотъ край, подъ тѣ же небеса.

И Киссингенъ во блескѣ новомъ
Рисуется моимъ мечтамъ:

Воображеньемъ, чувствомъ, словомъ,
Молитвой, пѣснью—весь я тамъ.

Заботливымъ, сердечнымъ окомъ
За нею мысленно слѣжу;
За нею я въ краю далекомъ
Мечтой, послушной ей, брожу.

И вижу я, восторга полный,
Какъ всѣ ей дань любви несутъ,
Какъ всѣхъ племенъ живыя волны,
Ласкаясь къ ней, ей пѣснь поютъ.

Она средь избранныхъ замѣтна,
Сіяньемъ внутреннимъ свѣтла
И увлекательно привѣтна,
И повелительно мила.

Не ослѣпляя багряницей,
И снявъ съ чела златой вѣнецъ,
Она въ толпѣ глядитъ царицей
И самодержицей сердецъ.

Но упоеньями величья
Душа не обольстилась въ ней;
Не для нея судьбы отличья
И власти блескъ, и блескъ честей.

Она досугъ и сумракъ любитъ;
Въ невозмущаемой тиши
Она лелѣетъ и голубитъ
Святые помыслы души.

На лонѣ мира и свободы
Жить любитъ чувствомъ и умомъ;

Таинственный языкъ природы
Ей по сочувствіямъ знакомъ.

Она любуется и нивой
Въ сіяньи жатвы золотой,
И рѣчкой съ мельницей красивой,
И рощи свѣжей темнотой.

О, будьте къ ней вы благосклонны,
Вы, живоносные ключи,
Долина, воздухъ благовонный
И тѣнь лѣсовъ, и дня лучи,

Лазурь въ струящемся эѳирѣ,
Ночей покой и темнота,
И все, и все, что̀ въ Божьемъ мірѣ —
Согласье, благость, красота!

Въ нее пролейте жизни силу,
Навѣйте здравья благодать,
Чтобъ милыхъ дней ея свѣтилу
Всегда безоблачно сіять.

CCCCXCIV.

УНЫНІЕ.

Я не рожденъ бороться съ жизнью трудной,
Побѣдный лавръ цвѣтетъ не для меня
И не въ моей груди тщедушно-скудной
Кипѣть струѣ священнаго огня.

Житейскихъ битвъ волненье и тревога
Меня смущаютъ: духомъ я пугливъ;
И вчужѣ мнѣ съ домашняго порога
Далекихъ грозъ ужасенъ дикій взрывъ.

Съ отвагою не рвусь къ судьбѣ на встрѣчу,
Какъ на врага, съ оружьемъ наголо:
Когда жъ ее издалека подмѣчу,
Склонивъ во прахъ покорное чело,

Насильственнымъ трудомъ себя не муча —
Трудъ немощи моей не побѣдитъ —
Смиренно жду когда минуетъ туча
Иль, разразившись, сердце опалитъ.

О чемъ заботиться? Безъ нашей воли
Прядется нить дней неподвластныхъ намъ,

Не мы себѣ предназначаемъ доли,
Куда идти? По тернямъ иль цвѣтамъ?

Къ чему скорбѣть? Надѣяться напрасно —
Что̀ было—было, прошлое - прошло,
Что̀ будетъ впредь? Какъ знать? Одно намъ ясно:
Жизнь мимо идетъ, съ ней добро и зло.

Я не хвалюсь смиренностью моею,
Не мудрости моя смиренность дочь,
Могу-ль сказать, что я духовно зрѣю?
Нѣтъ, вижу я, что наступаетъ ночь.

Ужъ подвигъ мой оконченъ. Неудаченъ,
Хорошъ-ли онъ? Здѣсь не объ этомъ рѣчь.
Но близокъ часъ, который предназначенъ
И ношу дня пора мнѣ сбросить съ плечь.

CCCCXCV.

Какъ ни придешь къ нему, хоть вечеромъ, хоть рано,
А у него ужъ тутъ и химикъ, и сопрано,
И врачъ, и педагогъ, разноплеменный сборъ,
Съ задачей шахматной ученый филидоръ,
Заморскій виртуозъ, домашній самоучка,
Съ старушкой бабушкой молоденькая внучка:
И онъ на нихъ вперитъ свой неподвижный взглядъ
Разсѣянно, спросить изъ двухъ любую радъ,
Которая должна въ балетъ порхнуть Жизелью,
Которой на покой дать въ богадѣльнѣ келью?
Поэтъ и сказочникъ и новый драматургъ,
Предъ тѣмъ, чтобъ на себя накликать Петербургъ,
Новорожденныхъ чадъ ему на судъ приноситъ
И дѣткамъ на зубокъ его вниманья проситъ.
Несостоятельный журнальный Фигаро,
Желающій свое осеребрить перо,
Съ проэктомъ Верхолетъ, воздушныхъ замковъ зодчій,
Простроилъ онъ давно на нихъ запасъ свой отчій
И ловитъ по рукамъ пятьсотъ рублей взаймы,
Чтобъ вѣрный милліонъ нажить къ концу зимы;
Крушеньемъ преданный враждебныхъ волнъ прибою,
Уязвленный людьми, обманутый судьбою,
Кого постигла скорбь, кого людская злость,
Тутъ у него въ дому уже почетный гость;
Всѣ ищутъ вкругъ него движенья и защиты

И настежь дверь его и сердце всѣмъ открыты;
Нашъ другъ ни отъ кого, ни отъ чего не прочь,
Всѣмъ ближнимъ близокъ онъ и всѣмъ готовъ помочь.
Разносторонній умъ и вмѣстѣ спеціальный,
И при мадоннѣ онъ и бабкѣ повивальный,
Всѣ тайны ремесла готовъ преподавать,
Какъ будто-бъ самъ рожденъ онъ пѣть и повивать.
Разсѣянность его была не безпредѣльной,
Въ иномъ былъ человѣкъ и онъ отмѣнно дѣльный,
Сочти всѣ дни его: какъ вѣрный часовой,
Онъ въ жизнь не опоздалъ минутой ни одной
На дѣло доброе, гдѣ умъ бралъ сердце въ долю,
На лакомый обѣдъ, гдѣ могъ покушать вволю,
Педантъ, онъ не давалъ въ дѣлахъ и на пиру
Напрасно остывать ни супу, ни добру.
Отъ раннихъ лѣтъ его поэзія вскормила
И юный чуткій слухъ съ созвучьями сроднила.
Былъ нѣкогда ему Державинъ опекунъ,
А Батюшковъ позднѣй игрой волшебныхъ струнъ
Привѣтствовалъ его, младаго трубадура,
Счастливымъ баловнемъ Эрота и Амура.
Кудрявый трубадуръ сталъ, намъ подобно, старъ,
И свѣжихъ розъ вѣнокъ, Киприды милый даръ,
Съ кудрями времени рукой свирѣпо скошенъ,
И вмѣсто розъ — парикъ на лысинѣ взъерошенъ.
Но молодость души, но чувства нѣжный свѣтъ
Благоухали въ немъ подъ стужей позднихъ лѣтъ.
Всѣмъ возрастамъ умомъ и нравомъ одногодокъ,
Въ сенатѣ мудрецовъ, средь юношескихъ сходокъ,
Въ кругу младыхъ красотъ онъ былъ душой бесѣдъ,
И вечеръ безъ него не вечеръ былъ; обѣдъ,
Не скрашенный его застольнымъ вдохновеньемъ,
Былъ сухъ и на душу ложился пресыщеньемъ....

CCCCXCVI.

ОСТАФЬЕВО.

Привѣтствую тебя, въ минувшемъ молодѣя,
Давнишнихъ дней пріютъ, души моей Помпея!
Былаго слѣдъ вездѣ глубоко впечатлѣнъ,
И на поляхъ твоихъ, и на твердынѣ стѣнъ
Хранившаго меня родительскаго дома.
Здѣсь и природа мнѣ такъ памятно-знакома,
Здѣсь съ каждымъ деревомъ сроднился, сросся я,
На что ни посмотрю, все быль, все жизнь моя.
Весь этотъ тѣсный міръ, преданьями богатый,
Онъ мой и я его. Всѣ блага, всѣ утраты,
Все, что̀ я пережилъ, все, чѣмъ еще живу,
Все чудится мнѣ здѣсь во снѣ и наяву.
Я слышу голоса изъ-за глухой могилы;
За милымъ образомъ мелькаетъ образъ милый...
Нѣтъ, не Помпея ты, моя святыня, нѣтъ,
Ты не развалина, не пепелъ древнихъ лѣтъ!
Ты все еще жива, какъ и во время оно:
Источникомъ живымъ кипитъ благое лоно,
Въ которомъ утолялъ я жажду бытія.
Не измѣнилась ты, но измѣнился я.
Обломкомъ я стою въ виду твоей нетлѣнной
Святыни, предъ твоей красою неизмѣнной.

Одинъ я устарѣлъ подъ ношею годовъ.
Неузнанный вхожу подъ твой знакомый кровъ,
Я, запоздалый гость другаго поколѣнья.
Но по тебѣ года прошли безъ разрушенья,
Тобой любуясь я, какой и прежде зналъ,
Когда съ весной моей весь міръ мой расцвѣталъ.
Все тѣ же мирныя и свѣжія картины:
Деревья разрослись вдоль прудовой плотины,
Предъ домомъ круглый лугъ, за домомъ темный садъ,
Тамъ роща, тамъ оврагъ съ ручьемъ, кургановъ рядъ,
Нѣмая лѣтопись о безымянной битвѣ;
Бѣлѣетъ надъ прудомъ пристанище молитвѣ,
Домъ Божій, всѣмъ скорбямъ гостепріимный домъ.
Тамъ привлекаютъ взоръ далече и кругомъ
Въ прозрачной синевѣ просторной панорамы:
Широкія поля, селенья, Божьи храмы,
Лѣса, какъ темный паръ, поемные луга
И миловидные родные берега
Извилистой Десны, Любучи молчаливой,
Скользящей, вдоль луговъ, струей своей лѣнивой.
Здѣсь мирныхъ поселянъ привѣтливый погостъ,
Какъ на землѣ была проста ихъ жизнь, такъ простъ
И въ матери землѣ ночлегъ ихъ. Миръ глубокій.
Обросшій влажнымъ мхомъ, здѣсь камень одинокій
Безъ пышной похвалы подкупнаго рѣзца:
Но дѣтямъ памятно, гдѣ тлѣетъ прахъ отца.
Тамъ деревянный крестъ, и тотъ полуразрушенъ.
Но мертвымъ здѣсь просторъ, но ихъ пріютъ не душенъ,
И свѣтлая весна ласкающей рукой
Даритъ и зелень имъ, и ландышъ полевой.
Вездѣ все тотъ же кругъ знакомыхъ впечатлѣній.
Смѣняются ряды пролетныхъ поколѣній,
Но не мѣняются природа и душа.
И осень тихая все также хороша:
Любуюсь грустно я сей жизнью полусонной,
И обнаженный лѣсъ безъ тѣни благовонной,

Безъ яркой зелени, убранства лѣтнихъ дней,
И этотъ хрупкій листъ, свалившійся съ вѣтвей,
Который подъ ногой моей мятется съ шумомъ, —
Мнѣ все сочувственно, все пища тайнымъ думамъ,
Все въ умъ приводитъ мнѣ, что осень и моя
Оборвала цвѣты былаго бытія.
Но жизнь свое беретъ на молодомъ просторѣ,
Въ дни беззаботные и осень ей не въ горе.
Отважныхъ мальчиковъ веселая орда
Пускаетъ кубари по зеркалу пруда.
Крикъ, хохотъ! Обогнать другъ друга каждый ищетъ,
А подъ коньками ледъ такъ и звенитъ и свищетъ.
Вотъ ретивая пѣснь несется вдалекѣ:
То грянетъ удалью, то вдругъ замретъ въ тоскѣ,
И свѣтлымъ облакомъ на сердце тихо ляжетъ
И много думъ ему напомнитъ и доскажетъ.
Но постепенно дня стихаютъ голоса,
Серебряная ночь взошла на небеса.
Все полно тишины, сіянья и прохлады.
Вдоль блещущихъ столбовъ прозрачной колоннады
Задумчиво брожу, предавшись весь мечтамъ,
И зыбко тѣнь моя ложится по плитамъ,
И съ нею прошлыхъ лѣтъ и милыхъ поколѣній
Изъ глубины ночной выглядываютъ тѣни.
Я вопрошаю ихъ, прислушиваюсь къ нимъ —
И въ сердцѣ отзывъ есть привѣтамъ ихъ роднымъ.

CCCCXCVII.

VICTORIA!

Ты именемъ своимъ побѣду выражаешь:
Побѣдоносна ты и красотой лица.
Сердца стрѣльбою глазъ ты метко поражаешь,
И плѣнникамъ твоимъ и жертвамъ нѣтъ конца.

1858 г.

CCCCXCVIII.

Не только Царской діадимой
Васъ Промыслъ щедрый надѣлилъ,
Своей избранницѣ любимой
Онъ царство таинствъ покорилъ.
Смотрите,—волхвъ непостижимый,
Чудесъ великихъ Гогъ-Магогъ, —
Въ немъ зримый міръ и міръ незримый
Лежатъ у вашихъ царскихъ ногъ.

CCCCXCIX.

ПОСВЯЩЕНІЕ.

Въ холодной пустотѣ разсѣяннаго свѣта
Есть слухъ, внимательный къ пѣвучимъ снамъ поэта,
Есть чувство теплое, которому сродни
Все, что душа хранитъ и бережетъ въ тѣни;
Не ослѣпленная привычкой и пристрастьемъ,
Есть мысль, согрѣтая любовью и участьемъ,
Мысль, воспріимчиво доступная всему,
Что сердцу вѣсть даетъ и говоритъ уму;
Есть свѣтлый уголокъ, высокій и пріютный,
Куда, какъ къ пристани, почуя вѣтръ попутный,
Стремятся отъ тревогъ житейской суеты
Безчувственной толпой затертыя мечты.
Когда въ душѣ темно и жизнь себѣ не рада,
Вдали, на высотѣ, имъ свѣтится лампада,
Лучь примирительный таинственной звѣзды,
И жизнь идетъ бодрѣй на новые труды.

Туда, чуждаясь смутъ людскихъ, дневнаго шума,
Спасается моя запутанная дума
И вѣритъ, что найдетъ, чего не дастъ ей свѣтъ:
Вниманье, вѣрный судъ и ласковый привѣтъ.

D.

Чертогъ Твой вижу, Спасе мой,
Онъ блещетъ славою Твоею,—
Но я войти въ него не смѣю,
Но я одежды не имѣю,
Дабы предстать мнѣ предъ Тобой.

О свѣтодавче, просвѣти
Ты рубище души убогой,
Я нищимъ шелъ земной дорогой:
Любовью и щедротой многой
Меня къ слугамъ своимъ причти.

DI.

ОЧЕРКИ МОСКВЫ.

1.

Какъ хороша Москва весною,
Какъ хороша весна въ Москвѣ!
Надъ этой пестрою громадой
День яркій блещетъ въ синевѣ.

Благоуханья полонъ воздухъ,
Онъ вѣетъ мягкой теплотой
И упоительная нѣга
Несется сладкою струей.

Все дышетъ жизнью и весельемъ,
Все празднуетъ цвѣтущій Май:
Сады зеленымъ ожерельемъ
Переплелись изъ края въ край.

Изъ волнъ воздушныхъ выплывая,
Златые куполы горятъ:
Кресты, какъ серафимовъ стая,
Съ земли на небеса парятъ.

Съ холмовъ Москвы вперяю очи
Въ широкій, дальній небосклонъ:
Монастыри, лѣса̀ и села
Красуются со всѣхъ сторонъ.

Поившая своей волною
Давно-минувшіе вѣка,
Тамъ вьется свѣтлой полосою
Смиренная Москва-рѣка.

Ея изгибами игриво
Объяты жатвы и луга:
Карамзинымъ краснорѣчиво
Ея воспѣты берега.

Когда на гладь рѣки наводитъ
Свой алый блескъ сходящій день,
Тамъ бѣдной Лизы грустно бродитъ
Москвой оплаканная тѣнь.

Ее почуешь думой нѣжной,
И видишь какъ въ рѣчной потокъ
Она, въ часъ грусти безнадежной,
Кидаетъ ландышей пучокъ.

2.

Священны, о Москва, преданья
Твоихъ краснорѣчивыхъ стѣнъ:
Они скрижаль бытописанья
Богатыхъ славою временъ.

Твой Кремль—алтарь нашъ и твердыня.
Онъ собралъ Русь, скрѣпилъ, воздвигъ;
Онъ наша сила и святыня,
Молебникъ и архистратигъ.

Въ грозѣ и славѣ онъ воспитанъ,
Онъ носитъ жезлъ и копіе,
За Русь онъ былъ огнемъ испытанъ,
За Русь страдалъ и спасъ ее.

Чье сердце Русское не дрогнетъ,
Когда съ твоихъ колоколовъ
Раздастся въ благовѣстѣ громкомъ
Къ молитвѣ православный зовъ.

Течетъ толпа за крестнымъ ходомъ,
Въ одинъ потокъ слилась Москва:
Все духовенство предъ народомъ,
Святое войско божества,

Грядетъ во блескѣ облаченья,
Сіяетъ золотомъ парча,
Хоругви вьются, льются пѣнья
Напѣвомъ неземнымъ звуча.

Благочестивая картина,
Народной памяти обрядъ!
Годинѣ въ слѣдъ прошла година,
Пройдетъ вѣковъ грядущихъ рядъ:

На этотъ праздникъ ежегодный,
На эту тризну старины,
Съ молитвой вновь семьей народной
Стекутся вѣрные сыны,

Какъ мѣстный образъ подымая,
Здѣсь совершали крестный ходъ
Отцы—потомкамъ завѣщая
Обычай свой изъ рода въ родъ.

Струя преданій! поколѣньямъ
Святый, живительный родникъ!

Гдѣ ты хранимъ съ благоговѣньемъ,
Народъ тамъ крѣпокъ и великъ.

3.

Твердятъ: ты съ Азіей Европа,
Славянскій и Татарскій Римъ,
И то, что зрѣлось до потопа,
Въ тебѣ еще и нынѣ зримъ.

Въ тебѣ и новый міръ и древній.
Въ тебѣ пасутъ свои стада
Патріархальныя деревни
У Патріаршаго пруда.

Строеній всѣхъ цвѣтовъ и зодчествъ;
А надписи на воротахъ
Наборъ такихъ именъ и отчествъ,
Что просто зарябитъ въ глазахъ.

Здѣсь чудо барскія палаты
Съ гербомъ, гдѣ вписанъ знатный родъ.
Вблизи на курьихъ ножкахъ хаты
И съ огурцами огородъ.

Поэзія съ торговлей рядомъ,
Ворвался Манчестеръ въ Царь-градъ,
Паровики дымятся смрадомъ,
Рай нѣги и рабочій адъ.

Кузнецкій мостъ давно безъ кузницъ,
Парижа пестрый уголокъ,
Гдѣ онъ вербуетъ Русскихъ узницъ,
Гдѣ онъ сбираетъ съ нихъ оброкъ.

А тутъ Россійскій самородокъ,
Не переплавленъ, не початъ,

Степану-Кучкѣ одногодокъ,
И уцѣлѣвшій до внучатъ.

Все это такъ—и тѣмъ прекраснѣй!
Разнообразье—красота:
Быль жизни, съ своенравной басней,
Здѣсь хламъ, тамъ свѣжая мечта.

Здѣсь личность есть и самобытность,
Кто *я*, такъ я, не каждый *мы*:
Чувствъ подчиненность или скрытность
Не заморозили умы.

Нѣтъ обстановки хладно-вялой,
Упряжки общей, общихъ формъ,
Что конь степной здѣсь каждый малой
Разнузданъ на подножной кормъ.

У каждаго свои причуды
И свой аршинъ съ своимъ конькомъ,
Свой нравъ, свой толкъ и пересуды
О томъ, о семъ, и ни о чемъ.

Москва! подъ оболочкой пестрой
Храни свой самородный бытъ!
Пусть Грибоѣдовъ шуткой острой
Тебя насмѣшливо язвитъ,

Ты не смущайся, не мѣняйся,
Вѣками вылитая въ мѣдь,
На Кремль свой гордо опирайся
И чѣмъ была, ты будь и впредь.

Величье есть въ твоемъ упадкѣ,
Въ рубцахъ твоихъ истертыхъ латъ!
Есть прелесть въ этомъ безпорядкѣ
Твоихъ разбросанныхъ палатъ,

Твоихъ садовъ и огородовъ,
Высокихъ башень, пустырей,
Съ желѣзной мачтою заводовъ
И съ колокольнями церквей!

Есть прелесть въ дружбѣ хлѣбосольной
Гостепріимныхъ Москвичей,
Въ ихъ ясности самодовольной,
Въ игрѣ невинныхъ ихъ затѣй.

Здѣсь повсемѣстный и всегдашній
Есть Русскій складъ, есть Русскій духъ,
Начать отъ Сухаревой башни
И кончить сплетнями старухъ.

DII.

ПРИ ПОСЫЛКѢ ДВУХЪ МОИХЪ ПОРТРЕТОВЪ.

Въ двухъ лицахъ — бьемъ челомъ и просимъ снисхожденья;
Предъ совѣстью своей, надѣюсь, не грѣша,
Вы скажете, принявъ мои изображенья:
„Во всѣхъ ты, душенька, нарядахъ хороша
„И только ты одинъ прекраснѣе портрета“.

Но нрава моего двуличность не примѣта,
Проселковъ не терплю: иду я напрямикъ.
Что сердце чувствуетъ, — то говоритъ языкъ.
Двуличнымъ предстою предъ вашими глазами,
Но если вамъ скажу, признанья не тая,
Что очень васъ люблю, что я любуюсь вами,
О, вѣрьте мнѣ,—тогда не двоязыченъ я.

DIII.

КЪ ***

Каждый день и поминутно
Я смотрю на вашъ портретъ,
Но безъ толку и безпутно:
Въ немъ сдаетесь вы мнѣ смутно,
Вашей прелести въ немъ нѣтъ.

А когда одинъ съ собою
Въ глубь сердечную гляжу, —
Тамъ цвѣтущей, молодою,
Рѣзвой, огненной, живою,
Налицо васъ нахожу.

Я любуюсь вашимъ взглядомъ,
Милой молніей души
И ума игривымъ складомъ,
И твержу я сплошь да рядомъ:
Боже, какъ вы хороши!

И бесѣдую я съ вами,
Какъ бывало въ оны дни,
Тамъ предъ Швабскими горами,
Иль подъ свѣжими шатрами
Въ Баденъ-Баденской тѣни.

Вновь судьбою своенравной
Уношусь я въ тѣ края,
Гдѣ прозрачно, тихо, плавно,
На нѣмецкій ладъ, исправно
Жизни катится струя.

Я нѣмецкую природу,
Добрыхъ нѣмцевъ бытъ люблю,
Ихъ сердечность, ихъ свободу,
Даже страсть ихъ къ буттеръ-броду,
Постигаю и дѣлю.

Много встрѣчу дѣвъ созрѣвшихъ,
Много принцевъ и принцессъ,
Похудѣвшихъ, потолстѣвшихъ
И въ ковчегѣ уцѣлѣвшихъ
Допотопныхъ баронессъ.

Но увы! меня не встрѣтитъ
Тамъ знакомая звѣзда,
Мнѣ привѣтно не посвѣтитъ,
Сердце сердцу не отвѣтитъ
Какъ въ счастливое тогда.

Тѣнямъ память жизнь даруя
Броситъ въ прежнюю среду;
Запахъ розы тамъ найду я,
Но горюя, но тоскуя,
Прежней розы не найду.

DIV.

СЛОВО ПРИМИРЕНІЯ.

Кто говоритъ объ отступленьи?
Кто учитъ васъ назадъ идти?
Жизнь развивается въ движеньи
И нѣтъ обратнаго пути.

Течетъ и время безвозвратно:
Ни часу, ни минуты намъ
Не укрѣпить, не взять обратно
По уплывающимъ волнамъ.

Въ порядкѣ вѣчномъ мірозданья
Живущему застоя нѣтъ:
Въ самомъ законѣ увяданья
Есть обновленія завѣтъ.

Премудрость цѣль намъ положила.
День каждый къ цѣли переходъ.
Во всемъ есть жизненная сила
И смерть сама есть шагъ впередъ.

Но постепеннаго развитья
Предупреждатъ намъ не дано,

Но прочны только тѣ событья,
Которыхъ вызрѣло зерно.

Не говорятъ вамъ: стой, равняйся
И въ неподвижности замри!
Не говорятъ: назадъ подайся
И дверь къ грядущему запри!

Но говорятъ вамъ: отрезвитесь,
Высокомѣрные умы!
Первоначальемъ не хвалитесь
И не твердите мы да мы.

Вы также, какъ и мы, пріяли
Свое наслѣдство отъ вѣковъ,
Вы продолжаете скрижали,
Начатыя рукой отцевъ.

Вашъ вѣкъ, дѣлецъ неугомонный,
Не выскочкой явился въ свѣтъ:
Законныхъ предковъ внукъ законный,
И онъ итогъ предшедшихъ лѣтъ.

Быть выскочкой совсѣмъ не лестно,
Да быть и выскочкой нельзя
Тамъ, гдѣ трудами предковъ честно
Пробита обществу стезя.

Успѣхамъ вашимъ и побѣдамъ
Готовы мы рукоплескать;
Но въ пѣсняхъ торжества и дѣдамъ
Не грѣхъ поминомъ честь воздать.

Отцевъ не упрекайте въ лѣни:
Они на доблестныхъ плечахъ
Васъ вознесли на верхъ ступени,
Гдѣ, позабывъ о ихъ трудахъ,

Съ самодовольствомъ, не по чину,
Вы озираетесь кругомъ,
Какъ будто сразу на вершину
Взлетѣли вы однимъ прыжкомъ.

Не намъ судить, кто собралъ болѣ
Иль меньше въ жатву бытія:
Все подлежитъ суду и волѣ
Того, Кто всѣмъ намъ судія.

Хозяинъ мудрый винограда
Распредѣлилъ часы работъ:
Всѣмъ есть урокъ свой, всѣмъ награда,
Кто раньше иль позднѣй придетъ.

Несите вы свою заботу,
Одно различье между насъ:
Мы утромъ вышли на работу,
А вы въ одиннадцатый часъ.

Блюдетъ заботливое око
И не остылъ бы жаръ въ груди,
Еще до вечера далеко,
Работы много впереди.

Къ чему сбивать другъ съ друга цѣну,
На общій трудъ насъ обрекли,
Другіе придутъ вамъ на смѣну,
Какъ вы на смѣну намъ пришли.

Да плодъ воздастъ благое сѣмя —
Чья ни посѣй его рука. —
Богъ въ помощь вамъ, младое племя,
И вамъ, грядущіе вѣка!

DV.

АЛЕКСАНДРУ АНДРЕЕВИЧУ ИВАНОВУ.

Я видѣлъ древній Іорданъ
Святой любви и страха полный,
Въ его евангельскія волны,
Купель крещенья христіанъ,
Я погружался троекратно,
Молясь, чтобъ и душа моя
Отъ язвъ и пятенъ бытія
Волной омылась благодатно.

Отъ оныхъ думъ, отъ оныхъ дней
Среди житейскихъ попеченій,
Какъ мало свѣжихъ впечатлѣній
Осталось на душѣ моей!
Они поблекли подъ соблазномъ
И ѣдкимъ холодомъ суетъ:
Во мнѣ паломника ужъ нѣтъ,
Во мнѣ, давно сосудѣ праздномъ.

Краснѣю глядя на тебя,
Поэтъ и труженникъ-художникъ!
Отвергнувъ льстивыхъ музъ треножникъ
И крестъ единый возлюбя,

Святой земли жилецъ заочный,
Ее душой ты угадалъ,
Ее для насъ завоевалъ
Своею кистью полномочной.

И что тебѣ народный судъ?
Въ нашъ вѣкъ блестящихъ скороспѣлокъ,
Промышленныхъ и всякихъ сдѣлокъ,
Какъ добросовѣстенъ твой трудъ!
Въ одно созданье мысль и чувство,
Всю жизнь сосредоточилъ ты;
Поклонникъ чистой красоты,
Ты свято вѣровалъ въ искусство.

Въ избыткѣ задушевныхъ силъ,
Какъ схимникъ, жаждущій спасенья,
Свой духъ постомъ уединенья
Ты отрезвилъ, ты окрилилъ.
Въ искусѣ строго-одинокомъ
Ты прожилъ долгіе года,
И то прозрѣлъ, что никогда
Не увидать тѣлеснымъ окомъ.

Священной книги чудеса
Тебѣ явились безъ покрова,
И надъ твоей главою снова
Разверзлись въ славѣ небеса.
Гласъ вопіющаго въ пустынѣ
Ты слышалъ, ты уразумѣлъ —
И ты сей день запечатлѣлъ
Съ своей душой въ своей картинѣ.

Спокойно лоно свѣтлыхъ водъ;
На берегу рѣки Предтеча:
Изъ мѣстъ окрестныхъ, издалече,
Къ нему стекается народъ;

Онъ растворяетъ упованью
Слѣпцовъ хладѣющую грудь;
Уготовляя Божій путь,
Народъ зоветъ онъ къ покаянью.

А тамъ спускается съ вершинъ
Невѣдомый, смиренный странникъ:
„Грядетъ онъ, Господа избранникъ,
„Грядетъ на жатву Божій Сынъ.
„Въ рукѣ лопата: придетъ время,
„Онъ отребитъ свое гумно,
„Сберетъ пшеничное зерно,
„И въ пламя броситъ злое сѣмя.

„Сильнѣй и впереди меня,
„Тотъ, Кто идетъ во слѣдъ за мною:
„Ему—припавъ къ ногамъ—не стою
„Я развязать съ ноги ремня.
„Рожденья суетнаго міра,
„Покайтесь: близокъ судъ. Бѣда
„Древамъ, ростущимъ безъ плода:
„При корнѣ ихъ лежитъ сѣкира“.

Такъ говорилъ передъ толпой,
Въ недоумѣньи ждавшей чуда,
Покрытый кожею верблюда
Посланникъ Божій, мужъ святой.
Въ картинѣ полной откровенья,
Все это передалъ ты намъ,
Какъ-будто отъ Предтечи самъ
Ты принялъ таинство крещенья.

DVI.

НА СМЕРТЬ А. А. ИВАНОВА.

I.

Въ тѣ дни, когда міръ пламенный и юный
Прекраснаго поклонникъ страстный былъ,
Когда рѣзецъ и кисть, и лиры струны
Въ сердцахъ людей питали чистый пылъ, —
Бойцы рвались на поле мирной битвы;
Тутъ каждый былъ соперникъ, а не врагъ!
О нихъ къ богамъ жрецовъ неслись молитвы,
Имъ раздавалъ вѣнки ареопагъ.

О первенствѣ таланта или славы
Другъ съ другомъ въ споръ вступали города,
Служеньемъ музъ смягчались духъ и нравы
И жизнь была свободна и горда;
На праздникахъ народъ толпился шумно
Не изъ одной лишь праздной суеты.
Сихъ празднествъ блескъ въ немъ развивалъ разумно
Сочувствія къ созданьямъ красоты.

День догоралъ. Еще не замеръ трепетъ
Въ сердцахъ толпы, притекшей къ торжеству;
Восторговъ кликъ, судъ строгій, робкій лепетъ
Слились въ одну народную молву.

Людская зыбь, какъ послѣ бури, бродитъ
По площади, взволнованной кругомъ;
Изъ устъ въ уста, какъ лозунгъ, переходитъ
Все то же имя, съ рѣчью все о немъ.

Но гдѣ же онъ, счастливый состязатель,
Сорвавшій пальму первенства въ бою?
Съ ристалища сошелъ торжествователь,
Не торопясь взять алчно мзду свою.
Укрылся онъ отъ обаяній славы,
Отъ зависти, которая, какъ змѣй,
Шипитъ въ тѣни и брызгами отравы
Мараетъ лавръ, столь ненавистный ей.

Онъ совершилъ свой подвигъ; онъ спокойно
Возмогъ сознать, что честно совершилъ,
Что въ суетныхъ волненьяхъ недостойно
Не растерялъ онъ свыше данныхъ силъ,
Что ихъ сберегъ для цѣли благородной,
Ее достигъ, — и предаетъ свой трудъ
Грядущему, на судъ его свободный,
Дневнымъ страстямъ не подлежащій судъ.

II.

На празднество искусства и отчизны
И насъ на дняхъ созвалъ верховный жрецъ,
Но праздникъ былъ—канунъ надгробной тризны
И опоздалъ торжественный вѣнецъ:
Онъ не вѣнчалъ почетомъ и любовью
Чело, еще столь свѣтлое вчера;
Приникъ вѣнецъ къ нѣмому изголовью
Бездушнаго и хладнаго одра.

Такъ умиралъ пѣвецъ предъ гордымъ Римомъ,
Соперникъ твой въ могуществѣ мечты!

И онъ бродилъ въ раздумьи пилигримомъ
Въ святой странѣ, гдѣ духомъ жилъ и ты!
Боецъ креста, средь рыцарскаго стана,
Онъ трепеталъ, узрѣвъ Ерусалимъ,
Молился, пѣлъ, — и волны Іордана,
Какъ предъ тобой, шумѣли и предъ нимъ.

Жизнь и ему была искусомъ строгимъ.
Онъ выстрадалъ терпѣньемъ свой вѣнецъ,
И радостямъ высокимъ, но не многимъ,
Цѣною жертвъ причастенъ былъ пѣвецъ.
Паломники и духомъ братья, оба
Избрали вы себѣ святую цѣль:
Его мечту звала святыня гроба,
Твою — Христа священная купель!

Похищенный внезапною грозою,
Ты разсчитаться съ жизнью не успѣлъ.
Она-ль въ долгу осталась предъ тобою?
Ты-ль выплатить весь долгъ ей не посмѣлъ?
Урокъ, тебѣ завѣщанный, сполна-ли
Ты совершилъ? Иль многіе въ груди
Зародыши созданій прозябали,
Чтобъ въ жизнь и блескъ облечься впереди?

Не разгадать намъ тайны безпощадной!
Опущена завѣса. Ты унесъ
Въ безмолвный мракъ своей могилы хладной
Отвѣтъ судьбы на тщетный нашъ вопросъ.
И былъ ли подвигъ твой однимъ задаткомъ
Того, что ты въ груди своей таилъ, —
Но прочный слѣдъ на перепутьи краткомъ
Ты знаменьемъ великимъ озарилъ.

Утѣшься, тѣнь, всѣмъ Русскимъ намъ родная!
Мы памяти твоей не измѣнимъ.

Твой ранній прахъ слезами омывая,
Не о тебѣ, мы о себѣ скорбимъ.
Тоской о нихъ, о мило-незабвенныхъ,
Объята вновь уязвленная грудь:
Обломками сосудовъ многоцѣнныхъ
Безвременно покрытъ нашъ грустный путь.

III.

Иль суждено закономъ Провидѣнья
Прекрасному всѣхъ раньше увядать?
Иль не дано безпечнымъ намъ умѣнья
Прекрасное беречь и уважать?
Но лучшіе изъ насъ не долговѣчны,
Передовыхъ уноситъ злобный рокъ,
И все ростетъ сей списокъ безконечный
На горе намъ, — быть можетъ, и въ упрекъ.
Жизнь избранныхъ есть боевое знамя,
Имъ незнакомъ спокойныхъ душъ досугъ,
Для немощи земной — умъ смѣлый, пламя
И творчество — таинственный недугъ.
Въ земной семьѣ съ небесъ переселенцы
Не вѣдаютъ о многомъ на землѣ;
Они средь насъ страдальцы и младенцы
Съ божественной отмѣткой на челѣ.

Возлюбимъ ихъ, какъ насъ Учитель учитъ.
О нихъ пещись онъ заповѣдалъ намъ:
Подать имъ пить, когда ихъ жажда мучитъ,
И дать пріютъ бездомнымъ сиротамъ.
Но болѣе всего, — имъ сострадая,
Поможемъ имъ въ ихъ доблестной борьбѣ,
Утѣшимъ ихъ, когда, изнемогая,
Ихъ страждетъ духъ сомнѣніемъ въ себѣ.

Раскроемъ имъ и души, и объятья
На всѣхъ путяхъ и въ каждый тяжкій часъ.
Да братьевъ въ насъ найдутъ и эти братья,
Которые слабѣй и выше насъ.
Отъ нихъ и мы возвысимся душою,
Огня ихъ искра можетъ въ насъ упасть,
И свято мы признаемъ надъ собою
Прекрасныхъ чувствъ и думъ глубокихъ власть.

DVII.

У СТРАХА ГЛАЗА ВЕЛИКИ.

Есть люди,—и такихъ не мало, —
Вся жизнь ихъ безконечный страхъ,
Не Божій, мудрости начало,
А страхъ больной съ бѣльмомъ въ глазахъ.

Глаза ихъ чѣмъ тупѣй и лживѣй,
Тѣмъ дальновиднѣй быть хотятъ.
Ихъ мудрость въ томъ, что все пугливѣй
Они на все и всѣхъ глядятъ.

Они живутъ въ особомъ мірѣ;
Имъ мало видѣть то, что есть:
Гдѣ прочимъ дважды два четыре,
Тамъ имъ съ испугу—пять и шесть.

У нихъ всегда, какъ отъ угара,
Въ глазахъ рябитъ, въ ушахъ звенитъ;
Имъ свѣчка — зарево пожара,
Набатомъ каждый шумъ звучитъ.

Предупредительность ихъ мучитъ,
Но прозорливость ихъ смѣшна;
Она въ быка лягушку пучитъ,
И муху жалуетъ въ слона.

Огонь ли дальній домъ затронетъ?
У нихъ ужъ дѣйствуетъ труба,
И какъ во дни потопа тонетъ
Ихъ неповинная изба.

Кто заболѣетъ въ дальномъ царствѣ,
Хотя за тридевять земель, —
Они сидятъ ужъ на лекарствѣ
И лечь готовятся въ постель.

Закрыты ставни, чтобъ заразой
Къ нимъ внѣшній воздухъ не проникъ;
И смотритъ докторъ пучеглазый
Разъ двадцать на день ихъ языкъ.

Чтобъ оставаться невредимо,
Чтобъ съ мѣста тронуться, чтобъ встать,
Имъ напередъ необходимо
Себя зашить, запаковать.

Все озираясь, слѣва, справа,
На цыпкахъ выступаетъ трусъ,
Какъ будто подъ ногами лава
Иль землю взбударажилъ трусъ.

Они готовы, въ ослѣпленьи,
Когда бъ ихъ страху волю дать,
На карантинномъ положеньи
Весь Божій міръ пересоздать.

Ихъ блажь себя дурманомъ кормитъ,
И тотъ одинъ у нихъ съ умомъ,
Кто такъ себя захлороформитъ,
Чтобъ жизнь оцѣпенѣла въ немъ.

Нельзя глядѣть на нихъ безъ смѣха,
Но грусти этотъ смѣхъ сродни;

Въ вратахъ добра, въ вратахъ успѣха, —
Какъ пугала, торчатъ они.

Благоразумія личиной
Свой малодушный умъ прикрывъ
Они ложатся тяжкой льдиной
На каждый доблестный порывъ.

Стращаютъ мысль и упованья,
Развязкой горькой имъ грозя;
На всѣ вопросы, всѣ призванья
Одинъ отвѣтъ у нихъ: нельзя!

Нельзя! твердятъ сыны коснѣнья;
Но въ человѣческой груди
Къ чему жъ сей лозунгъ Провидѣнья:
„Трудись, надѣйся и гряди“!

Самонадѣянность насъ губитъ,
И мнительность, болѣзнь ума:
Одна теряться въ тучахъ любитъ,
Другой,—что новость, то чума.

Мужъ благодушья, воли твердой
Равно умѣетъ пренебречь
Пылъ опрометчивости гордой
И робость, сей Дамокловъ мечъ.

Въ душѣ его благое пламя,
Великихъ дѣлъ святой закалъ;
Онъ высоко подъемлетъ знамя,
Которымъ путь свой указалъ.

Судебъ избранникомъ послушнымъ
Идетъ онъ, вождь передовой,
Въ борьбѣ съ усердьемъ двоедушнымъ
И съ трусостью, поднявшей вой.

DVIII.

ЛѢСЪ ГОРИТЪ.

Глядишь—у бѣдняка во дни свирѣпой стужи,
Такъ холодно внутри, какъ холодно снаружи:
А дома денегъ нѣтъ, чтобъ связку дровъ купить
И печку вытопить, и дѣтямъ щи сварить.
Больной, и работать не въ силахъ третьи сутки,
Онъ видитъ, какъ его несчастные малютки
Въ лохмотьяхъ, посинѣвъ отъ холода, дрожатъ—
И скорбный духъ его въ немъ словно камнемъ сжатъ.
И кажется ему въ судьбѣ его печальной,
Что счастливъ только тотъ, кто можетъ въ теплой спальной
Дѣтей своихъ согрѣть и уложить въ постель,
Забывъ, что на дворѣ морозъ или мятель.
Когда-бъ Господь ему послалъ два-три полѣна,
Онъ въ радостныхъ слезахъ упалъ бы на колѣна,
Какъ въ бурю пристани достигнувшій пловецъ
Въ спасеньи признаетъ, что благъ къ нему Творецъ.
Но счастья нѣтъ ему и не помогутъ слезы.
Что праздникъ на дворѣ—крещенскіе морозы
Одни ему о немъ напомянуть могли.
А посмотрите здѣсь на что дрова пошли.

„Въ іюлѣ, въ самый зной, въ полуденную пору“,
Разшаркался огонь по высохшему бору.
Сперва змѣей тайкомъ онъ прячется во мху,
И тихомолкомъ ѣстъ съ деревьевъ шелуху.
Тамъ красный свой хребетъ и огненное жало
Чудовище смѣлѣй выказывать ужъ стало.
Клубами черный дымъ восходитъ до небесъ:
И вихремъ огненнымъ завылъ глубокій лѣсъ,
И разомъ обхвативъ верхи смолистыхъ сосенъ,
Все ярче, все страшнѣй пожаръ молніеносенъ.

Какъ много ни почемъ тутъ выгорѣло дровъ:
Когда-бъ ихъ часть пошла на пользу бѣдняковъ,
Не мало тяжкихъ нуждъ, отчаянья и плача
Предупредить могла ихъ на зиму раздача.
Какъ многихъ жалкихъ вдовъ и старцевъ, и сиротъ,
Которыхъ печь пуста, какъ пустъ голодный ротъ,
Согрѣлъ-бы сей костеръ—какъ на-смѣхъ братьи нищей,
Лѣсъ обратившій сплошь въ пустое пепелище.

Хозяину накладъ, а бѣднымъ не барышъ:
И грустно на пожаръ въ сомнѣніи глядишь.
Безумно и грѣшно роптать на Провидѣнье.
Предъ волею Его—покорное смиренье
Одно убѣжище, одно спасенье намъ.
Мы въ книгѣ Промысла читаемъ по складамъ;
Намъ теменъ смыслъ ея: за буквой букву ловимъ.
Начнемъ ли толковать: мы только пустословимъ
Намъ дѣтямъ не вполнѣ та грамота дана:
Про насъ, но не при насъ написана она.

DIX.

ДОРОГОЮ.

Я на себя сержусь и о себѣ горюю.
Попуталъ грѣхъ меня оставить сѣнь родную,
Родныхъ привычекъ нить прервать, пуститься въ путь,
Чтобъ темно гдѣ нибудь искать чего нибудь.
Счастливый уголокъ моей уютной дачи,
Досугъ,—я промѣнялъ на почтовыя клячи,
На душную тюрьму, на маль-постъ: то-то постъ
И пытка! скорченъ въ крюкъ мой перегнутый ростъ,
Торчу я кое-какъ на безпокойной лавкѣ,
Кажись я и одинъ, а тѣсно словно въ давкѣ,
Претъ въ спину, въ ноги претъ—и божьяго раба
Такъ гонитъ день и ночь почтовая гоньба.
Ужъ тутъ не до ѣды. Къ тому-жъ и, слава Богу!
За тѣмъ, что нѣчего и ѣсть во всю дорогу.
Тѣмъ лучше! заодно: страдать, такъ ужъ страдай,
А между тѣмъ хоть сытъ, хоть нѣтъ, но пыль глотай.

И это мы зовемъ въ литературномъ слогѣ
Свободной птичкою, блаженствовать въ дорогѣ.
Блаженство хоть куда! грѣшно сказать, что адъ:
Чистилищемъ назвать искусъ я этотъ радъ,

Когда-бъ гостинницы немного были чище,
А не ручныхъ звѣрковъ любимое жилище.

Дойдетъ ли до того затѣйливый нашъ вѣкъ,
Который много снялъ оковъ съ насъ и опекъ,
Чтобъ перебрасывать и насъ по телеграфу
Въ Неаполь изъ Москвы, изъ Петербурга въ Яфу?
Дотолѣ ни на шагъ изъ дому никуда.
Съ поэзіей своей пріѣлась мнѣ ѣзда.

Что можетъ быть милѣй родимаго гнѣзда,
Стола рабочаго и кабинетныхъ креселъ,
Гдѣ дома, безъ колесъ и безъ паровъ и веселъ,
На коврикъ-самолетъ вскочивъ, какъ Аріэль,
Летимъ себѣ легко за тридевять земель.
Довольно землю я изъѣздилъ: а съ порога,
Виднѣется вблизи другая мнѣ дорога,
Которою меня отправятъ на погостъ:
А тамъ и этого еще тѣснѣй маль-постъ.

DX.

Si jeunesse savait,
Si viellesse pouvait.

Кабы молодость да знала,
Кабы старость да могла,
Жизнь такъ часто не хромала,
Жизнь бы иначе пошла.

На бѣду, когда есть сила
И на бой готовъ атлетъ,
Путеводнаго свѣтила,
Мудрой опытности нѣтъ.

Прйдетъ опытъ—и оцѣнитъ
Все что должно сдѣлать вновь,
Тутъ на подвигъ намъ измѣнитъ
Холодѣющая кровь.

Парусъ вздутъ погодой свѣжей,
Но забыли взять балластъ.
Есть балластъ—а парусъ гдѣ-же?
Да и вѣтра Богъ не дастъ.

Какъ усердно ни хлопочемъ,
Все мы промахи даемъ:
Или цѣль мы перескочимъ,
Иль до цѣли не дойдемъ.

DXI.

ДРУГУ СѢВЕРИНУ.

От дѣтскихъ лѣтъ друзья, преданьями родные
На опустѣвшемъ полѣ боевомъ,
Мы, уцѣлѣвшіе отъ боя часовые,
Стоимъ еще съ тобою подъ ружьемъ.
Теченьемъ волнъ своихъ насъ время разлучило;
Когда же сердце въ насъ подернется тоской
И тѣнь вечерняя смѣняетъ дня свѣтило
Мы окликаемся съ тобой.

DXII.

КАРЛСБАДЪ.

Я пережилъ здѣсь много поколѣній,
Сочувствій много здѣсь я издержалъ
И много я минутныхъ обрученій
Здѣсь невзначай связалъ и развязалъ.

Сближаешься, дружишься мимоходомъ,
Какъ будто намъ по одному пути
Все день за днемъ, все дальше годъ за годомъ,
Все неразлучно, радостно идти.

Сегодня мы попутчики и братья,
А завтра нѣтъ его, или ея:
Другъ другу чужды братскія объятья
И каждаго зоветъ тропа своя.

Раздѣлятъ насъ житейскихъ волнъ потоки,
Поглотятъ все, что общимъ было намъ,
И никогда о другѣ въ край далекій
Вѣсть не дойдетъ къ забывчивымъ двузьямъ.

На томъ же мѣстѣ новый міръ встрѣчая,
Другихъ друзей отыщетъ нашъ привѣтъ

И спутникъ нашъ другой, или другая,
А объ отставшихъ и помина нѣтъ.

Назвать-ли это благомъ иль несчастьемъ?
Но на водахъ такой уже обрядъ;
Когда-жъ вопросъ разсмотришь съ безпристрастьемъ
И вся-то жизнь—не тотъ-ли же Карлсбадъ?

DXIII.

ОЧЕРКИ КАРЛСБАДА.

1.

Увядающаго года
Грустныхъ признаковъ здѣсь нѣтъ:
Сберегла для насъ природа
Лучшихъ ласкъ своихъ привѣтъ.

День блистателенъ и жарокъ,
И тепла ночная тѣнь;
Неба щедраго подарокъ
Намъ на радость каждый день.

Отъ подошвы до вершины
Зеленѣютъ груды скалъ;
Между тополей рябины
Разсыпаютъ свой кораллъ.

Кое-гдѣ изъ тѣни темной,
Ребра исполинскихъ горъ,
Камни толщею огромной
Перерѣзываютъ боръ.

Быстрыхъ водъ веселымъ пѣньемъ
Пробуждая берега,
Тёпла мчится по каменьямъ
Мимо скалъ и сквозь луга.

Всюду жизнь, очарованье!
И по воздуху разнесъ
Свѣжихъ травъ благоуханье
Запоздалый сѣнокосъ.

II.

Жизнь въ Карлсбадѣ беззаботно
Льется тихимъ ручейкомъ;
Прозябательно, животно,
По-Карлсбадски здѣсь живемъ.

Другъ на друга дни походятъ,
Отмѣчаешь ихъ едва:
Ноги и желудокъ бродятъ,
Но не бродитъ голова.

Нѣтъ задачъ головоломныхъ,
Мѣста нѣтъ трудамъ, борьбѣ;
Мысль въ размѣрахъ самыхъ скромныхъ,
Молча, мается въ себѣ.

Тихо, бережно, piano,
Насъ баюкаетъ покой;
Рано ляжешь, встанешь рано
И пойдешь на водопой.

Пьешь иль Мюль-брунъ, или Шпрудель:
Вотъ забота! а потомъ
Ты, какъ ласточка, иль пудель,
Не заботься ни о чемъ.

По вершинамъ рыщешь смѣло,
Если крылья есть у ногъ;
Нѣтъ — такъ Визу то и дѣло
Мѣришь вдоль и поперегъ.

Вылитый въ однообразность,
Здѣсь приноситъ каждый день
Поэтическую праздность,
Созерцательную лѣнь.

III.

Паровозъ надъ темной бездной
Ночью мчится, какъ гроза,
А комета съ тверди звѣздной
Прямо смотритъ мнѣ въ глаза.

Два страшилища! пожаромъ
Рдѣетъ та средь мирныхъ звѣздъ;
Здѣсь, клубясь огнемъ и паромъ,
Скачетъ нашъ ночной поѣздъ.

Я лечу! но вдругъ увлекся
Мыслью въ милый мой Карлсбадъ,
Спать еще онъ не улегся,
Хоть онъ спать ложится радъ.

На мосту народъ толпится,
Жадно смотритъ въ небеса,
Гдѣ космато золотится
Дѣвы огненной коса.

Души зрителей волнуютъ
Суевѣрье, темный страхъ;
Всѣ по своему толкуютъ
Чудный очеркъ въ небесахъ.

Но, не вслушиваясь въ сказки,
И мечтая, и шутя,
Тутъ же черненькіе глазки
Щуритъ милое дитя.

И красавица гадаетъ
Въ любопытствѣ молодомъ:
Что ей небо обѣщаетъ
Въ яркомъ знаменьи своемъ?

Что ей скажетъ годъ кометы?
Дастъ ли жизнь сердечнымъ снамъ
И отгадку, и отвѣты
Сердца тайнымъ голосамъ?

Эти черненькіе глазки
Такъ умны и хороши,
Въ нихъ такъ много дѣтской ласки,
Вдохновенья и души,—

Что, любуясь въ нихъ разсвѣту
Упоительной зари,
Забываю про комету,
Какъ она тамъ ни гори.

DXIV.

ЖЕЛАНІЕ.

Не искушай меня безъ нужды.
Баратынскій.

Какъ въ беззащитную обитель
Вошедшій нагло тать ночной,
Желанье, хитрый искуситель,
Довольно ты владѣло мной.

Протей, всегда разнообразный,
Во всѣ приманки красоты,
Во всѣ мечты, во всѣ соблазны
Волшебно облекалось ты.

Меня влекло ты, уносило,
Какъ тамъ разсудокъ не грози;
Вдали—все такъ казалось мило,
Все было приторно—вблизи.

Довольно рабъ твой безоружный
Тебѣ игралищемъ служилъ;
Въ душѣ усталой и недужной
Ужъ нѣтъ порывовъ, нѣтъ ужъ силъ.

Давно твое ихъ точитъ жало,
Давно исчерпанъ ключъ страстей;
Мою ты алчность раздражало,
Но пищи не давало ей.

Всегда искалъ я цѣлей новыхъ
И не достигъ ни до одной;
Цѣною опытовъ суровыхъ
Я дослужился на покой.

Но смертный слабъ, онъ малодушенъ,
Онъ суевѣренъ; вновь могу
Невольно быть тебѣ послушенъ
Тебѣ, любезному врагу.

Мнѣ страшно думать, что, безумный,
Желать еще способенъ я,
Что въ море, подъ погодой шумной,
Моя сорвется ладія.

Молю: улыбкой вѣроломной
Не растравляй заснувшихъ ранъ,
Не вызывай изъ бездны темной
Словъ, обличившихъ свой обманъ.

Безплодны будутъ заклинанья;
Отстань, не искушай меня;
Въ одномъ отсутствіи желанья
Хочу провесть остатокъ дня.

1859 г.

DXV.

НИЦЦА.

Лѣнь въ своемъ здѣсь элементѣ:
Здѣсь ей тихое житье;
Юга dolce far niente,
Сладкой нѣги забытье.

Взморья свѣжесть, зыби лепетъ,
Благовоніе цвѣтовъ
И чуть слышный, легкій трепетъ
Улетающихъ часовъ.

Солнце жарко ли пригрѣетъ,
Иль упрячешься подъ тѣнь,—
Все питаетъ, все лелѣетъ
Убаюканную лѣнь.

Въ благодатной этой Ниццѣ
Беззаботный домосѣдъ,
Какъ цвѣтокъ въ своей теплицѣ
Охраняется отъ бѣдъ.

Но и здѣсь свое есть горе:
Въ этой пѣсни бытія,

Что поютъ земля и море,
Есть разладица своя.

Можно-ль слушать безъ досады
И безъ судорогъ ушей
Итальянскія рулады
Альбіонскихъ дочерей?

Въ каждомъ домѣ здѣсь изъ оконъ,
Скажемъ Ниццѣ не во гнѣвъ,
Вьется длинный, рыжій локонъ,
Льется кошачій напѣвъ.

Цѣлый день себѣ мяучатъ
Миссы до-поту лица,
А все горла не пріучатъ
Не фальшивить до конца.

DXVI.

ВЕЧЕРЪ ВЪ НИЦЦѢ.

По взморью я люблю одинъ бродить, глазѣя.
Особенно мила мнѣ тихая пора,
Когда сгараетъ день, великолѣпно рдѣя
Подъ пурпурнымъ огнемъ небеснаго костра.

Ужъ замеръ гамъ толпы, шумъ жизни, визгъ шарманокъ;
Пустѣетъ берегъ: онъ очищенъ, онъ заснулъ;
И пѣшихъ Англичанъ, и конныхъ Англичанокъ
Послѣдній караванъ ужъ въ городъ повернулъ.

Въ прозрачномъ сумракѣ все постепенно тонетъ,
Утихъ мятежныхъ волнъ междоусобный бой;
И только изрѣдка чуть вздрогнетъ, чуть простонетъ
За зыбью зыбь, волна за сонною волной.

Куда разсѣянно ни поведу глазами,
Вездѣ волшебный рядъ плѣнительныхъ картинъ:
Тамъ берегъ Франціи красуется горами
И выпуклой рѣзьбой узорчатыхъ вершинъ.

На оконечности приморскаго изгиба,
Гдѣ каменная грудь даетъ отпоръ волнамъ,

Вотъ свой маякъ зажгла красивая Антиба,—
Въ пустынѣ столбъ огня кочующимъ пловцамъ.

А здѣсь ему въ отвѣтъ святаго Іоанна
Маякъ вонзилъ во тьму свой пламень подвижной;
То вспыхнетъ молніей изъ дальняго тумана,
То пропадетъ изъ глазъ падучею звѣздой.

Такъ манитъ насъ звѣзда надежды, то свѣтлѣя,
То спрятавшись отъ насъ, то улыбаясь вновь;
Такъ дѣва робкая, предъ юношей краснѣя,
Желаетъ выразить и скрыть свою любовь.

DXVII.

ДОРОГОЮ ИЗЪ НИЦЦЫ ВЪ КАННЫ.

На свѣтломъ берегу полуденнаго моря,
Гдѣ съ горней синевой оно лазурью споря,
Широко разлилось, какъ зеркало небесъ;
Гдѣ пальма, кипарисъ, зеленыхъ маслинъ лѣсъ;
Гдѣ съ темной зеленью красивый померанецъ
Роскошно сочеталъ свой запахъ и багрянецъ;
Гдѣ яркостью садовъ, и неба, и волны
Цвѣтущая зима — соперница весны;
Гдѣ нѣгой грудь полна и жизнь очарованьемъ,
Вдругъ Русскимъ на меня повѣяло дыханьемъ
Съ вершинъ, бѣлѣющихъ подъ снѣжною грядой,
И грустно помянулъ я дальній сѣверъ мой.
Тамъ хладный трупъ земли, обросшій мшистымъ снѣгомъ:
Окованные льдомъ не льются звонкимъ бѣгомъ
Ручьи, привѣтствуя долины и луга.
Подъ небомъ пасмурнымъ снѣга, одни снѣга.
Мнѣ стало совѣстно, мнѣ радоваться больно,
Что на чужомъ пиру роскошно и привольно
Я, гость непризванный, я, перебѣчжикъ, пью
Изъ кубка полнаго цѣлебную струю.

Живется здѣсь легко на праздникѣ природы:
День теплый, сводъ небесъ, прозрачный воздухъ, воды,

И ризою цвѣтовъ одѣтая земля,--
Все блещетъ, глазъ и мысль, и душу веселя.

А братія мои, въ борьбѣ съ природой грубой,
Иль душно взаперти, иль подъ медвѣжьей шубой,
Когда случается имъ вылѣзть изъ берлогъ,
На солнце и на жизнь глядятъ какъ на подлогъ.
За трапезой земной печально мѣсто ваше!
Васъ горько обошли пирующею чашей.
На жертвы, на борьбу судьбы васъ облекли:
Въ пустынѣ снѣговой вы—схимники земли.
Богъ помощь вамъ, друзья! Его нужна вамъ благость,
Чтобъ бодро выносить суровой жизни тягость,
Чт бъ ропотъ одолѣть, не унывать умомъ
И скудно добывать настойчивымъ трудомъ,
Что даромъ здѣсь даетъ и съ лихвой Промыслъ Божій.
Богъ помощь! святъ вашъ трудъ, на вѣчный бой похожій.
Въ морозѣ, какъ въ огнѣ, и вы закалены.
Но жертвы, но борьба вамъ будутъ зачтены.
Въ замѣну благъ земныхъ, вы жатвою духовной
Должны вознаградить Небесъ дѣлежъ неровной:
Умилостивить жизнь, когда строга она;
Посѣять въ тощій кряжъ науки сѣмена.—
И солнце мысли, день добра и просвѣщенья
Возжечь надъ тундрами и степью запустѣнья.
Мужайтесь! и для васъ—міръ царство красоты.
Есть внутренняя жизнь: и въ ней свои цвѣты
Съ ихъ свѣжей роскошью, съ ихъ прелестью душистой,
Свой дальній небосклонъ съ его лазурью чистой,
Какъ въ небѣ свой просторъ, какъ въ морѣ глубь своя,
И темныхъ родниковъ прохладная струя.

DXVIII.

ПРОЩАНІЕ СЪ НИЦЦЕЮ.

(Посвящается графинямъ Олсуфьевымъ).

Плѣнительная ночь, ночь голубаго юга,
Мнѣ на прощаніе,—какъ ласковаго друга
Послѣднее прости на предстоящій путь,—
Ты думу свѣтлую мнѣ заронила въ грудь.
Плѣнительная ночь, ночь нѣги полусонной!
Земля кадильницей прохладно-благовонной
Курится. На лугахъ и въ сумракѣ деревъ
Пропитанъ воздухъ весь дыханіемъ цвѣтовъ
И вѣетъ на душу изъ глубины спокойной
Поэзіей нѣмой, то сладостной и стройной.
По крутизнѣ горы чернѣетъ темный лѣсъ,
А въ зелени густой развѣсистыхъ древесъ,
Подобно огонькамъ, иль звѣздамъ перелетнымъ,
Лучьолей милліонъ, порханьемъ искрометнымъ
Пересѣкаетъ мракъ и освѣщаетъ ночь.
Природный фейерверкъ! нѣтъ, нѣтъ, сравненья прочь!

Природу не грѣшно-ль намъ пошлостью обидѣть
И въ прелестяхъ ея игрушки наши видѣть?
Въ виду ея красотъ, что нашъ поддѣльный блескъ,

Потѣшные огни, бумажныхъ солнцевъ трескъ,
Вся эта мишура, въ своемъ величьи мнимомъ,
Которое блеснетъ и разлетится дымомъ?
Природа Божьихъ рукъ—поэзія. Предъ ней
Страдаемъ нищетой и красокъ, и рѣчей.

А вотъ и звонкая симфонія лягушекъ,
Не то, что кваканье знакомыхъ намъ кликушекъ,
Которыми биткомъ нашъ сѣверъ населенъ:
Здѣсь слышится намъ пѣснь болотныхъ примадоннъ
И въ ихъ усиліяхъ перекричать другъ друга
Особый есть напѣвъ и отголосокъ юга.
А дальше, гдѣ съ землей граничатъ небеса,
Тамъ зыбью зеркальной свѣтлѣетъ полоса:
То море! и на насъ, сквозь сумракъ и молчанье,
Несутся гулъ его и свѣжее дыханье.
На черномъ полотнѣ прозрачной ночи, намъ
Сномъ фантастическимъ мелькаютъ здѣсь и тамъ
Неуловимые узоры и картины,
Созданья ночи,—зыбь и жизнь ночной пучины.
Плѣнительная ночь, волшебный уголокъ!
Вамъ въ книжкѣ памяти завѣтный будь листокъ;
Я сберегу его.
И васъ я не забуду,
И ваши имена на немъ хранить я буду,
Землячки милыя, съ родимой стороны
Переселенки въ край невянущей весны.
Въ сердечной простотѣ радушнаго пріема,
На дальной сторонѣ у васъ мы были дома.
Но этотъ домъ былъ міръ волшебный, міръ чудесъ;
Въ немъ чуденъ блескъ земли и чуденъ блескъ небесъ!
И сколько таинства и нѣги въ этой ночи,
Которой не могли налюбоваться очи!

DXIX.

МОЕ МНѢНІЕ О НЫНѢШНЕЙ ВОЙНѢ.

I.

Войны по душѣ мнѣ условья:
Чтобъ ни было -- все не въ накладъ,
Кого ни побьютъ—на здоровье!
По битому буду я радъ.

Австрійца-ль Французъ нахлобучитъ,
Іуда, вотъ плата тебѣ!
Француза-ль Австріецъ проучитъ,
l'Empire, скажу, c'est la paix.

Чѣмъ ваша ни кончится стычка,
Кому не расквасило-бъ носъ,
Вотъ вамъ, господа, и откличка
На вашъ же Восточный вопросъ!

Вы кашу тогда заварили,
Чтобъ намъ сгоряча досадить;
Но худо ее посолили;
Извольте-жъ теперь досолить.

Давно-ли, сердечные братья,
Когда намъ гремѣла гроза,

Кидались другъ къ другу въ объятья,
Цѣлуясь въ уста и глаза?

Другая теперь обстановка:
Въ друзьяхъ разыгралась корысть,
У братьевъ пошла потасовка,
Чтобъ братски другъ друга загрысть.

Гляжу и любуюсь ихъ дракой;
Куда какъ потѣшенъ для глазъ
Бой кошки съ задорной собакой,
Которыя лѣзли на насъ.

На долю пріятеля Буля
Приходится нынѣ смекнуть,
Что бьетъ Шварценбергова пуля
Не въ насъ, а въ своихъ прямо въ грудь.

Богъ въ помощь вамъ, графу фонъ-Булю!
Князь сѣялъ: пришлось вамъ пожать.
Быть можетъ, и другу Джонъ Булю
Придется плечами пожать.

II.

Пусть бурей мятутся народы,
Намъ выгодно имъ не мѣшать,
А у моря сидя, погоды
Съ спокойною бодростью ждать.

Скажите, какая охота
Намъ штопать чужое бѣлье?
У насъ и своя есть работа,
Дай Богъ намъ управить ее!

У насъ свой вопросъ Италійской,
Предъ тѣмъ, чтобъ Австрійцевъ учить,

Мы дома, намъ съ братіей близкой
Должно не Австрійцами быть.

Къ чему по кровавому полю
Искать намъ чужихъ крѣпостей?
Изъ крѣпости Русской на волю
Отпустимъ мы Божьихъ дѣтей.

Вотъ подвигъ намъ свѣтлый и смѣлый!
Мы Богу его посвятимъ;
А Франко-цесарское дѣло
Тому же фонъ-Булю сдадимъ.

Боюсь, дипломатіи лѣшій
Насъ втянетъ въ свой боръ и въ свой илъ;
Дай Богъ намъ поменьше депешей,
Поболѣе внутреннихъ силъ.

Предъ чуждой—не склонимъ мы выи;
Но рукъ не дадимъ ей взаймы:
Россія нужна для Россіи,
На домъ свой работники мы.

Да здравствуетъ дома Россія
И борется только съ собой!
Да сплавитъ стихіи родныя
Въ единый и правильный строй.

Съ сознаніемъ строго и зрѣло
Свой долгъ и свой путь изуча,
Свое, а не чуждое дѣло
Валитъ на могучи плеча.

Не суясь ни въ ссоры, ни въ дружбу,
Да помнитъ, и помнитъ вѣрнѣй,
Что часто не въ дружбу, а въ службу
Иные вербуютъ друзей.

DXX.

ФЕРНЕЙ.

Гляжу на картины живой панорамы
И чудный рисунокъ и чудныя рамы!
Не знаешь что горы, не знаешь что тучи;
Но тѣ и другія красою могучей
Вдали громоздятся по скату небесъ.

Великій художникъ и зодчій великій
Далъ жизнь сей природѣ красивой и дикой.
Вотъ радуга пышно сквозь тучи блеснула,
Широко полъ-неба она обогнула
И въ горы краями дуги уперлась.

Любуюсь на стройность воздушной сей арки:
Какъ свѣжія краски прозрачны и ярки!
Какъ рѣзко и нѣжно слились ихъ оттѣнки!
А горы и тучи, какъ зданья простѣнки,
За аркой чернѣютъ въ глубокой дали.

На умъ мнѣ приходитъ владѣлецъ Фернея:
По праву побѣды онъ вѣкомъ владѣя,
Спасаясь подъ тѣнью спокойнаго крова,
Владычествомъ мысли, владычествомъ слова,
Царь, волхвъ и отшельникъ онъ царствовалъ здѣсь.

Но внѣшняго міра волненьи и грозы,
Но суетной славы цвѣты и занозы,
Всю мелочь, всю горечь житейской тревоги,
Талантомъ богатый, покорствомъ убогій
Съ собой перенесъ онъ въ свой тихій пріютъ.

И на горы глядя пускался онъ ниже:
Онъ думалъ о свѣтѣ, о шумномъ Парижѣ,
Карая пороки ласкалъ онъ соблазны:
Царь мысли, жрецъ мысли, свой скипертъ алмазный,
Вѣнецъ свой, нечестьемъ позорилъ и онъ.

Паря и блуждая, уча и мороча,
То мудрымъ глаголамъ гремя и пророча,
То съ злобной насмѣшкой вражды и коварства,
Онъ падшій изгнанникъ небеснаго царства
Въ сосудъ свой священный отраву вливалъ.

Страстей возжигатель, самъ въ рабствѣ у страсти,
Не могъ покориться мирительной власти
Природы безстрастной, разумно спокойной,
Съ такою любовью и роскошью стройной
Предъ нимъ расточившей богатства свои.

Не слушалъ онъ гласа ея вдохновеній:
И дня лучезарность, и сумрака тѣни,
Природы зерцала, природы престолы,
Озера и горы, дубравы и долы
Все мертвою буквой нѣмѣло предъ нимъ.

И Ньютона хладнымъ умомъ толкователь,
Созданія таинствъ надменный искатель,
Съ наставникомъ мудрымъ душой умиленной,
Не падалъ съ любовью предъ Богомъ Вселенной,
Творца онъ въ твореньи не могъ возлюбить.

А былъ онъ сподвижникъ великаго дѣла:
Божественной искрой въ немъ грудь пламенѣла;
Но дикія бури въ груди бушевали,
Но гордость и страсти въ пожаръ раздували
Ту искру, въ которой таилась любовь.

И бросить ли камень въ твой пепелъ остылый,
Боецъ въ битвахъ вѣка растратившій силы?
О нѣтъ, не укоромъ, а скорбью глубокой,
О немощахъ нашихъ и въ долѣ высокой,
Я, грѣшника славы, тебя помяну.

DXXI.

Во внутрь блестящаго чертога
Женихъ въ полунощи грядетъ,
И счастливъ рабъ, который у порога
Внимательно владыку ждетъ.

Но горе вамъ, во снѣ лѣнивомъ,
Вамъ, промѣнявшимъ духъ на плоть,
Когда явясь въ чертогъ, своимъ призывомъ,
Васъ не добудется Господь.

Блюди съ любовью и заботой,
Душа блюди съ собой въ борьбѣ,
Да и тебя не тяготитъ дремотой,
Когда женихъ придетъ къ тебѣ.

Дверей святыни предъ собою
Да не затворишь въ узахъ сна,
Да праведнымъ, но строгимъ судіею
Не смерти будешь предана.

О нѣтъ, душа моя воспряни,
Пѣснь брачную воспой звучнѣй,
Одѣнь помостъ свой въ праздничныя ткани
И стѣны храма въ блескъ свѣчей.

Ты помышляй объ ономъ часѣ,
Не угадать когда пробьетъ
И надъ тобой, какъ въ громоносномъ гласѣ,
Раздастся вѣсть: женихъ грядетъ.

Не презри мудрыхъ дѣвъ урока,
И дѣвъ юродивыхъ бѣги,
До близкаго, до поздняго ли срока,
И ты свѣтильникъ береги.

Не погружайся въ сонъ и мраки
Храни ты свѣтлымъ свой залогъ,
Да внидешь ты съ царемъ любви на браки
Въ его Божественный чертогъ.

DXXII.

БЛАГОДАРНОСТЬ.

Привѣтъ изъ родины и отъ руки мнѣ милой,
Я принялъ радостно колѣна преклоня:
Сошелъ на мой ковчегъ онъ, голубь бѣлокрылый,
И на берегъ зоветъ и манитъ онъ меня.

Завѣтный вѣстникъ онъ и благости посланникъ,
И радугой за нимъ блеснули небеса,
И въ голосѣ его, скитающійся странникъ,
Я пристани родной услышалъ голоса.

Все сердце сладостнымъ раздуміемъ объято:
И то что сонъ еще, и то что ужъ сбылось,
И все прекрасное, и все что сердцу свято,
Все въ образѣ одномъ таинственно слилось.

Тутъ память о быломъ, тутъ свѣтлыхъ думъ задатокъ;
Я съ благодарностью любуюсь на черты,
Гдѣ съ внѣшней прелестью есть вѣрный отпечатокъ
Еще прекраснѣйшей душевной красоты.

DXXIII.

БЕРЛИНЪ.

(Барону Аполлону Петровичу Мальтицу).

Фарнгагена ужъ нѣтъ, ни Гумбольдта въ Берлинѣ!
Давно ль ихъ дружескимъ пріемомъ на чужбинѣ
Могъ убѣдиться я, что, темной рядовой
Имъ чуждаго полка,—и я имъ не чужой;
Что всѣ сподвижники высокаго служенья
Во имя грамоты, добра и просвѣщенья,
Простые ратники и свѣтлые вожди,
Которые идутъ съ хоругвью впереди,—
Всѣ дѣти мы одной и доблестной дружины,
Что путь единый намъ и лозунгъ намъ единый,
Что можемъ мы себя одной семьей почесть,
Гдѣ братьямъ и меньшимъ при старшихъ мѣсто есть.

Вотъ истинный союзъ любви международной,
Всѣмъ обязательной и каждому свободной,
Будь только святъ обѣтъ и цѣль твоя чиста,
Будь честное перо и честныя уста!
Ни личной выгодой, ни страстью неподкупный,
Одной любви лучамъ и помысламъ доступный,
Прельщеній будь ты чуждъ, страшись, чтобъ мутный валъ

И суетныхъ страстей, и суетныхъ похвалъ
Не возмутилъ тебя, какъ возмутилъ онъ многихъ,
Столь падкихъ на соблазнъ и къ ближнему столь строгихъ,—
И ты найдешь вездѣ, куда судьба ни брось,
Сочувственныхъ людей, съ тобой живущихъ врозь,
Но близкихъ, слѣдуя призваній родословью—
И чѣмъ ихъ выше умъ, тѣмъ онъ теплѣй любовью.
Еще сдается мнѣ: онъ, старецъ, предо мной
Съ улыбкой тонкою, съ повисшей головой,
Въ нашъ скоротечный вѣкъ Маѳусаилъ науки
(Онъ дѣдовъ поучалъ, ему внимали внуки),
Привѣтливый ко всѣмъ, съ любовью ко всему,
Онъ—авторъ Космоса, самъ Космосъ по уму,
Бесѣдою своей живой и всесторонней.
Казалось мнѣ: чѣмъ былъ лѣтами онъ преклоннѣй,
Тѣмъ расточительнѣй избыткомъ бодрыхъ силъ;
Казалось, высказать себя всего спѣшилъ,
Все сдать, что онъ берегъ въ хранилищѣ богатомъ
И весь свой жаръ и блескъ излить передъ закатомъ.
Не страшенъ былъ ему столь близкій сей закатъ;
Не сѣтовалъ, что жизнь дана намъ на прокатъ:
Изъ жизни выручилъ онъ все, что только можно
И на прощанье мнѣ сказалъ онъ безтревожно
Съ улыбкою, уста подернувшей едва—
И въ душу ласково лились его слова,
И что-то слышалось пророческое въ рѣчи:
„Что не берется онъ со мною новой встрѣчи
„Ждать цѣлый годъ; что срокъ сей долгій не по немъ;
„Что развѣ мѣсяцевъ пять-шесть, и то съ трудомъ,
„Онъ постарается сберечь, чтобъ снова руку
„Мнѣ дружески пожать на вѣчную разлуку.“

Сбылись его слова. Свѣтило нашихъ дней,—
Блестящій умъ его, въ пылу своихъ лучей
Не гаснулъ медленно, часъ отъ часу слабѣя:
Нѣтъ, онъ затмился вдругъ, еще блестя и грѣя.

Другой, хоть младшій братъ ему и по годамъ,
И младшій по своимъ заслугамъ и трудамъ,
Но вмѣстѣ съ нимъ и онъ сочувствій былъ достоинъ
За то, что, доблестный на полѣ мысли воинъ,
Онъ честно совершилъ свой подвигъ боевой.
И онъ былъ дорогъ мнѣ: съ любовью и съ тоской
Припоминаю я, оцѣниваю снова
Живую мысль его, въ живой оправѣ слова,
Любезность, мѣткій взглядъ на лица и дѣла,
Все то, что нажилъ онъ съ морщинами чела,
Все то, что уберегъ средь смутъ и треволненій—
И цвѣтъ поэзіи, и свѣжесть впечатлѣній.
Любилъ онъ нашу рѣчь и, поздній ученикъ,
Онъ въ трудности ея и таинства проникъ;
Онъ понялъ Русскаго стиха размѣръ и плавность:
Онъ Пушкина любилъ и пылъ, и своенравность,
И въ душу вкрадчивый, задумчивый напѣвъ
Пѣвца, воспѣвшаго Двѣнадцать спящихъ дѣвъ.
За Русской мыслью онъ слѣдилъ: ея развитью
Сочувствовать умѣлъ, какъ свѣтлому событью
И вкладу новому въ сокровище временъ:
Онъ въ области ума не зналъ Китайскихъ стѣнъ.

Когда меня судьба кидала на чужбину,
Гдѣ часто ждетъ пріемъ холодный сиротину,
Въ моемъ маршрутѣ былъ онъ перепутье мнѣ
И дружный огонекъ свѣтлѣлъ въ его окнѣ.
Я зналъ, что тамъ найду не словъ привѣтъ готовыхъ,
Но дружбу старую съ обмѣномъ мыслей новыхъ.
Среди повинностей туриста и суетъ
Столь тяжкихъ, я спѣшилъ въ уютный кабинетъ,
Гдѣ заставалъ его сидящимъ за работой.
Тутъ женскимъ почеркомъ и съ щегольской заботой
Ученый біографъ и острый публицистъ
Дописывалъ при мнѣ цвѣтной бумаги листъ.
Былъ кабинетъ его музей воспоминаній,

Живой Элизіумъ и тѣней, и преданій.
Онъ тѣнямъ этимъ самъ когда-то сверстникъ былъ,
Онъ съ ними въ дни борьбы одною жизнью жилъ
И жизнь сердечную, жизнь радостей и горя,
Онъ съ ними переплылъ и въ тишь, и въ бури моря.
Въ преданьяхъ вслушаться онъ могъ и въ голосъ свой.
И онъ легенду пѣлъ о жизни молодой,
Когда всегда впередъ влекутъ мечты и страсти.
Такъ въ сторону сложивъ свой парусъ, руль и снасти,
Которыми не разъ боролся онъ съ грозой,
Изъ хижины своей, отшедшій на покой,
Морякъ очнется вдругъ и съ сладкой грустью чуетъ,
Какъ море вдалекѣ поетъ, или бушуетъ.

А вотъ теперь и самъ преданье онъ: съ чела
Печать живую смерть внезапно сорвала.
Ужъ онъ не человѣкъ, а книга: видѣть больно,
Что смерти грозный валъ срываетъ своевольно,
Какъ бы на выборъ, дубъ за дубомъ, что пышнѣй
И выше.
Не дочесть ужъ многихъ намъ вождей.

Священный легіонъ часъ отъ часу рѣдѣетъ.
На смѣну стараго, быть можетъ, новый зрѣетъ;
Быть можетъ, онъ созрѣлъ и на пути побѣдъ
Далеко занесетъ свой благотворный слѣдъ.
Дай Богъ! Но, старецъ самъ, о Несторахъ жалѣю:
Они насытили насъ мудростью своею
И просвѣтили насъ огнемъ своихъ лучей;
Сочувственъ былъ намъ складъ и разумъ ихъ рѣчей,
Вливавшихъ въ нашу грудь прекрасную отвагу
И безкорыстную любовь къ труду и благу.

И путника возьметъ невольная тоска,
Когда въ знакомыя мѣста издалека
Онъ возвратясь, найдетъ, что бурей безпощадной

Опустошенъ пріютъ цвѣтущій и прохладный,
Который онъ еще недавно посѣтилъ,
Въ которомъ онъ мечталъ и жизнью чувства жилъ.
Но буря смерти всѣхъ и бурь, и грозъ ужаснѣй:
Нѣтъ ничего ея внезапнѣе, безгласнѣй,
Когда на жизнь она обрушится тайкомъ
Въ опустошительномъ спокойствіи своемъ!
Но сердце въ путникѣ еще больнѣй заноетъ
И тѣнью путь его и небосклонъ закроетъ,
Когда онъ, возвратясь въ давно знакомый домъ,
Найдетъ, что, молча, смерть уже прошла по немъ,
Что тамъ, гдѣ обновить хотѣлъ онъ духъ и силы,
Тамъ ждутъ его — однѣ безмолвныя могилы.

Грядущему привѣтъ надежды и любви!
Но жатву ты своею не зови.
Въ тѣни она еще на нивѣ Божьей зрѣетъ.
А что воздастъ она? Кто вычислить съумѣетъ?
Но прежней жатвой данъ насущный хлѣбъ умамъ.
Минувшему почетъ и благодарность вамъ,
Подъявшимъ подвигъ свой съ любовью и во благо!
Дошли до рубежа вы странствія земнаго;
Но яркимъ заревомъ и по закатѣ дня
Алѣетъ полоса небеснаго огня.
Мы знаемъ васъ: свой путь трудомъ вы избраздили;
Мы знаемъ чѣмъ и какъ задачу разрѣшили,
Которую въ урокъ вамъ Промыслъ съ жизнью далъ.
Потомства свѣтлый день для васъ ужъ возсіялъ.
А если немощью, присущной человѣку,
Не чуждые страстямъ, не чуждые упреку,
И вы, богатыри, вооружась на брань,
Платили слабостямъ и обольщеньямъ дань,—
Паденьемъ вашимъ мы не возгордимся тайно.
Съ сознаньемъ бодрствуя, вы падали — случайно.
Въ самихъ ошибкахъ вы — великій намъ урокъ;
Намъ, меньшимъ братіямъ, и онъ да будетъ въ прокъ.

Средь волнъ измѣнчивыхъ и сквозь ночные мраки
Вы опытомъ своимъ зажгли для насъ маяки,
Чтобъ каждый, слѣдуя за вами, познавалъ:
Гдѣ мели миновать, гдѣ остеречься скалъ
И гдѣ надежный путь къ обѣтованной цѣли.
Васъ смерть очистила въ таинственной купели
И отрѣшила васъ отъ всѣхъ житейскихъ смутъ;
Но будутъ намъ въ примѣръ, но васъ переживутъ
Творенья ваши, трудъ, любовь къ труду и братьямъ.
Счастливъ, кто на пути, хоть разъ и рукожатьемъ,
И словомъ дружескимъ утѣшенъ вами былъ,
Кого внимательный привѣтъ вашъ ободрилъ,
Кто по сочувствію, хоть вовсе не по праву,
Съ любовью могъ себѣ усвоить вашу славу,
Гордиться ею могъ, ее уразумѣлъ
И свѣтлый образъ вашъ въ душѣ запечатлѣлъ!

DXXIV.

ЗОЛОТАЯ ПОСРЕДСТВЕННОСТЬ.

Мудрецъ Горацій воспѣвалъ
Свою посредственность златую:
Онъ въ ней и мудрость полагалъ
И къ счастію стезю прямую.

Съ тѣхъ поръ нашъ измѣнился свѣтъ,
И какъ сознаться въ томъ ни больно:
Златой посредственности нѣтъ,
Людей посредственныхъ довольно.

1860 г.

DXXV.

ГЕНЕРАЛЪ-ФЕЛЬДМАРШАЛУ КНЯЗЮ АЛЕКСАНДРУ ИВАНОВИЧУ БАРЯТИНСКОМУ.

Врага упорство обезсиля
Въ самомъ гнѣздѣ враждебныхъ силъ,
Хоть вы и взяли въ плѣнъ Шамиля,
Успѣхъ васъ не ошеломилъ.

Ни блескъ фельдмаршальскаго сана,
Ни громъ побѣдъ, ни гулъ молвы,
Какъ обаяньями дурмана,
Вамъ не вскружили головы.

Простосердечно и спокойно,
Вы свыклись съ вашимъ торжествомъ,
Въ сознаньи, что оно достойно
Далось вамъ съ боя и трудомъ.

Васъ благодарствуетъ Россія
За вашу службу передъ ней,
За ваши доблести младыя,
Залогъ созрѣвшихъ нынѣ дней;

За то, что баловень фортуны,
Отвергнувъ нѣгу и покой,

Вы закалили возрастъ юный,
Въ горнилѣ жизни боевой;

Что путь избравъ—къ далекой цѣли
Вы шагъ за шагомъ бодро шли;
Что духомъ вы не оскудѣли,
А все мужали и росли.

На старшихъ вамъ смотрѣть не стыдно,
И зависть васъ не уязвитъ;
Имъ счастье ваше не обидно,
Вашъ лавръ и имъ принадлежитъ.

Въ затишьи, гдѣ отъ бурь далече
Вкушаетъ старческій покой,
Когда-то левъ нашъ въ грозной сѣчѣ,
Кавказу памятный герой,

Встряхнувъ сѣдою головою,
Дней славныхъ память пробудя,
Помолодѣетъ онъ душою
Предъ лавромъ юнаго вождя.

Сей лавръ, блестящій юной славой,
Намъ всѣмъ на радость и въ почетъ:
Изъ почвы, нѣкогда кровавой,
Онъ мирной тѣнью расцвѣтетъ.

Еще грядущее предъ вами!
Еще широкъ предъ вами путь:
Не охлажденная годами,
Пылаетъ благомъ ваша грудь.

На край, облитый Русской кровью,
Почіетъ мудрая рука,

И довершите вы любовью,
Побѣду русскаго штыка.

Кавказъ вспахали наши рати,
Костьми засѣяли бразды,
Чтобъ послѣ жатва благодати
Созрѣла въ добрые плоды,

Чтобъ назидая, умирая,
Чтобъ разливая жизнь и свѣтъ,
Перешагнула Русь святая
Горъ непріязненныхъ хребетъ;

Чтобы вкусивъ изъ полной чаши
Струю святыхъ и мирныхъ благъ,
Благословилъ побѣды наши
Перерожденный нами врагъ.

Васъ избралъ Царь—и глазъ державный
Вождя по сердцу угадалъ:
Ему въ отвѣтъ, вашъ подвигъ славный
Его довѣрье оправдалъ.

Ура! Царю, ура! три раза.
Ура младый фельдмаршалъ вамъ!
Ура! вамъ ратникамъ Кавказа,
Вамъ, древнихъ дней богатырямъ.

DXXVI.

Когда у насъ возникнутъ пренья,
О чемъ ни шелъ бы шумный споръ,—
Ты воздержись отъ обвиненья,
На оправданье будь не скоръ.

Не думай, опираясь здраво
На общепринятый законъ,
Что быть должны и смыслъ и право
Хоть на одной изъ двухъ сторонъ.

Мы изъ-подъ логики изъяты,
Таковъ нашъ въ спорахъ складъ и нравъ:
Рѣши, что оба виноваты—
И, вѣроятно, будешь правъ.

DXXVII.

Для стариковъ я слишкомъ молодъ,
Для молодыхъ я слишкомъ старъ:
Одни въ вину мнѣ ставятъ—холодъ,
Другіе—неумѣстный жаръ.

Кому кажусь „въ оттѣнкѣ аломъ“,
Кому же выжившимъ изъ лѣтъ
И въ тупоумьи запоздаломъ,
Не знающимъ: гдѣ тьма, гдѣ свѣтъ?

Идешь ли среднею дорогой?
Тебѣ со всѣми врозь идти;
Ни добрымъ словомъ, ни подмогой
Никто не встрѣтитъ на пути.

Но къ крайности себя причисли—
И застрахованъ твой успѣхъ;
Спокойный умъ и зрѣлость мысли
Для многихъ—жалость или смѣхъ.

Пройди общественные рынки,
Публичныхъ выставокъ ряды:
Иль недозрѣлыя новинки
Иль переспѣлые плоды.

DXXVIII.

ЗАМѢТКА.

Послушать—вѣкъ нашъ вѣкъ свободы,
А въ сущность глубже загляни:
Свободныхъ мыслей коноводы
Восточнымъ деспотамъ сродни.

У нихъ два вѣса, два мѣрила,
Двоякій взглядъ, двоякій судъ:
Себѣ дается власть и сила,
Своихъ на верхъ, другихъ подъ спудъ.

У нихъ на все есть лозунгъ строгій;
Подъ либеральнымъ ихъ клеймомъ:
Не смѣй идти своей дорогой,
Не смѣй ты жить своимъ умомъ.

Когда кого они прославятъ:
Предъ тѣмъ колѣна преклони.
Кого они опалой давятъ:
Въ того и ты за нихъ лягни.

Свобода, правда, сахаръ сладкій,
Но отъ плантаторовъ бѣда:

Куда какъ тяжки ихъ порядки
Рабамъ свободнаго труда.

Свобода—превращеньемъ роли—
На ихъ условномъ языкѣ:
Есть отреченье личной воли,
Чтобъ быть винтомъ въ паровикѣ;

Быть попугаемъ однозвучнымъ,
Который весь оторопѣвъ,
Твердитъ съ усердіемъ докучнымъ
Ему насвистанный напѣвъ.

Скажу съ сознаніемъ печальнымъ:
Не вижу разницы большой
Между холопствомъ либеральнымъ
И всякой барщиной другой.

DXXIX.

ДЕРЕВЕНСКІЙ ПРАЗДНИКЪ.

22-го іюля 1860.

I.

Заплетися плетень, заплетися,
Ты завейся труба золотая!
Хороводная пѣснь разнесися
Имянинницу нашу встрѣчая.
Ей приносимъ мы съ хлѣбомъ и солью
Медъ душистый, съ лукошкомъ плодовъ
И цвѣты, что цвѣтутъ по раздолью,
По раздолью зеленыхъ луговъ.
Такъ и чувства, свѣжо и свободно
Разцвѣтаютъ въ сердечной тиши;
Да и рѣчь съ золотымъ медомъ сходно
Неподдѣльная, льется съ души.
Улыбнись на привѣтствіе наше,
Въ немъ сердецъ отголосокъ простой:
Лесть могла-бы прикинуться краше,
Но ты къ ней обернешься спиной.
А хотимъ мы чтобъ свѣтлыя очи,
Намъ глядѣли въ глаза и сердца,
И до лести твой слухъ не охочій,
Могъ дослушать-бы насъ до конца.

II.

Здравствуй Матушка-Царица,
Здравствуй съ Батюшкой-Царемъ!
При Тебѣ сердца и лица
Блещутъ радостнымъ лучемъ.

Этотъ лучъ Тобой свѣтлѣетъ
И къ Тебѣ восходитъ вновь,
Намъ онъ свѣтитъ, насъ онъ грѣетъ,
А зовутъ его: любовь.

Здѣсь при ясномъ небосклонѣ,
Все такъ радостно цвѣтетъ,
Здѣсь, на материнскомъ лонѣ,
Насъ природа бережетъ.

Здѣсь дышать и жить пріятнѣй!
Чуждымъ шумной суеты,
Намъ доступнѣй, намъ понятнѣй
Миръ и прелесть простоты.

Сердцу лишнихъ словъ не нужно,
На слова оно не мотъ;
Тамъ, гдѣ съ мыслью чувство дружно,
Сердце сердцу вѣсть даетъ.

Здравствуй Матушка-Царица!
Вѣкъ Твой днями будь богатъ!
Здравствуй наша Голубица
Съ стаей царскихъ голубятъ!

DXXX.

ДЕРЕВЕНСКІЙ ПРАЗДНИКЪ.

28-го іюля 1860.

За туманомъ за ненастьемъ,
Солнце-ль свѣтлое взойдетъ;
Новой жизнью, словно счастьемъ,
Все въ природѣ расцвѣтетъ.

Есть у сердца дни ненастья,
Есть разлуки грусть и тѣнь:
Но за то подъ солнцемъ счастья
Какъ хорошъ свиданья день.

Вотъ насталъ, за дни разлуки,
Дня желаннаго расцвѣтъ;
И сердца, сливаясь въ звуки
Шлютъ къ родной своей привѣтъ.

Какъ очамъ нетерпѣливымъ,
Показалась ты вчера,
Вздрогнулъ воздухъ дружнымъ взрывомъ,
Громогласнаго ура!

Здравствуй, матушка родная!
Въ счастьѣ мирѣ и любви,
Въ дѣтяхъ, внукахъ оживая,
Годы многіе живи!

DXXXI.

ДОМЪ ИВАНА ИВАНОВИЧА ДМИТРІЕВА.

Я помню этотъ домъ, я помню этотъ садъ:
Хозяинъ ихъ всегда гостямъ своимъ былъ радъ,
И ждали каждаго, съ радушьемъ теплой встрѣчи,
Улыбка свѣтлая и прелесть умной рѣчи.
Онъ въ свѣтѣ былъ министръ, а у себя поэтъ,
Отрекшійся отъ всѣхъ соблазновъ и суетъ;
Предъ старшими былъ гордъ заслуженнымъ почетомъ:
Онъ шелъ прямымъ путемъ и вывелъ честнымъ счетомъ
Итогъ своихъ чиновъ и почестей своихъ.
Онъ правильную жизнь и правильный свой стихъ
Могъ выставить въ примѣръ вельможамъ и поэтамъ,
Но съ младшими ему по чину и по лѣтамъ
Спѣсь щекотливую охотно забывалъ:
Онъ умъ отыскивалъ, талантъ разузнавалъ,
И гдѣ ихъ находилъ,—тамъ, радуясь успѣху,
Не спрашивалъ: какихъ чиновъ они, иль цѣху,
Но настежъ растворялъ и душу имъ и домъ.
Заранѣе въ цвѣткѣ любуяся плодомъ,
Ласкалъ онъ молодежъ, любилъ ея порывы;
Но не былъ онъ предъ ней низкопоклонникъ льстивый,
Не закупалъ цѣной хвалебныхъ ей рѣчей
Прощенья сѣдинѣ и доблести своей.

Вниманьемъ ласковымъ, судомъ безстрастно-строгимъ,
Онъ былъ доступенъ всѣмъ и вѣрный кормчій многимъ.
За то въ глупцовъ мѣтка была его стрѣла!
Жужжащій враль, комаръ съ замашками орла,
Чужихъ достоинствъ врагъ, за неимѣньемъ личныхъ;
Поэтъ-ли, образецъ поэтовъ горемычныхъ;
Надутый самохвалъ, сыгравшій жизнь въ ничью,
Влюбленный по-уши въ посредственность свою,
(А уши у него Мидасовыхъ не хуже);
Профессоръ ли вранья и наглости къ тому же;
Пролазъ ли съ сладенькой улыбкою ханжи;
Болтунъ ли, вѣстовщикъ, разнощикъ всякой лжи;
Ласкатель ли въ глаза, а клеветникъ заочно;—
Кто бъ ни задѣлъ его, случайно иль нарочно,
Кто бъ ни былъ изъ среды сей пестрой и смѣшной,
Онъ каждаго кололъ незлобивой рукой,
Болячку подсыпалъ аттическою солью—
И съ неизгладимой царапиной и болью
Пойдетъ на весь свой вѣкъ отмѣченный бѣднякъ
И понесетъ тавро: подлецъ, или дуракъ.

Подъ римской тогою наружности холодной,
Онъ съ любящей душой умъ острый и свободный
Соединялъ: въ своихъ онъ мнѣньяхъ былъ упрямъ,
Но и просторъ давать любилъ чужимъ рѣчамъ.
Типъ самобытности, онъ самобытность ту же
Не только допускалъ, но уважалъ и вчужѣ;
Ни предъ собою онъ, ни предъ людьми не лгалъ.
Власть моды на дѣла и платья отвергалъ:
Когда всѣ были сплошь подъ черный цвѣтъ одѣты,
Онъ и зеленый фракъ, и пестрые жилеты
Носилъ; на свой покрой онъ жизнь свою кроилъ,
Сынъ вѣка своего и вмѣстѣ старожилъ.
Хоть онъ Карамзина предпочиталъ Шишкову,
Но тотъ же старовѣръ, любви къ родному слову,
Нарѣчіемъ чужимъ прельстясь, не оскорблялъ,

И Русскимъ Русскій умъ по-Русски заявлялъ.
При томъ, храня во всемъ разсудка толкъ и мѣру,
Петрова онъ любилъ, но не въ ущербъ Вольтеру,
За Лафонтеномъ вслѣдъ, онъ вымысла цвѣты,
Съ оттѣнкомъ свѣжести и блескомъ красоты,
На почву Русскую переносилъ удачно.
И плавный стихъ его, струящійся прозрачно,
Какъ въ зеркалѣ и мысль и чувство отражалъ.
Лабазнымъ словаремъ онъ стихъ свой не ссужалъ,
Но кистью вѣрною художника-поэта
Изящно подбиралъ онъ краски для предмета:
И смотрятъ у него, какъ будто съ полотна,
Воинственный Ермакъ и Модная жена.

Случайно-ль загляжусь на домъ сей мимоходомъ —
Скользятъ за мыслью мысль и годъ за дальнимъ годомъ.
Прозраченъ здѣсь потокъ и сумракъ дней былыхъ:
Здѣсь память съ стаею завѣтныхъ сновъ своихъ
Свила себѣ гнѣздо подъ этимъ милымъ кровомъ;
Картина старины, всегда во блескѣ новомъ,
Рисуется моимъ внимательнымъ глазамъ,
Съ привѣтомъ ласковымъ улыбкѣ, иль слезамъ.

Какъ много вечеровъ, безъ свѣтскихъ развлеченій,
Но полныхъ прелести и мудрыхъ поученій,
Здѣсь съ старцемъ я провелъ: его живой разсказъ
Ушамъ былъ музыка и живопись для глазъ.
Давно минувшихъ дней то Рембрандтъ, то Светоній,
Гражданскихъ доблестей и наглыхъ беззаконій
Онъ краской яркою картину согрѣвалъ.
Подъ кисть на голосъ свой онъ лица вызывалъ
Съ ихъ бытомъ, нравами, одеждой, обстановкой;
Онъ личность каждую скрѣпитъ чертою ловкой
И въ мѣткомъ словѣ дастъ портретъ и приговоръ.

Екатерины вѣкъ, ея роскошный дворъ,
Созвѣздіе именъ, сопутниковъ Фелицы,

Народной повѣсти блестящія страницы,
Сановники, вожди, хоръ избранныхъ пѣвцовъ,
Глашатаи побѣдъ: Державинъ и Петровъ,—
Все облекалось въ жизнь, въ движенье и въ глаголы.

То, возвратясь мечтой въ тотъ возрастъ свой веселый,
Когда онъ отрокомъ счастливо расцвѣталъ
При матери, въ глазахъ любовь ея читалъ,
И тайну первыхъ думъ, и первыхъ вдохновеній
Любимцу своему повѣдалъ вещій геній,—
Онъ тутъ воспоминалъ: родной дубравы тѣнь,
Надъ свѣтлой Волгою горящій лѣтній день.
На крыльяхъ парусовъ летящія расшивы,
Златою жатвою струящіяся нивы,
Картины зимнія и праздники весны,
И домъ родительскій, святыню старины,
Куда издалека вторгалась съ новымъ лоскомъ
Жизнь новая, а съ ней слетались отголоскомъ
Шумъ и событья дня, одно другому вслѣдъ:
То Задунайскій громъ Румянцовскихъ побѣдъ,
То вѣсть иныхъ побѣдъ миролюбивой славы,
Науки торжество и мудрые уставы,
Забота и плоды державнаго пера,
То споръ временщиковъ на поприщѣ Двора,
То книга новая со сплетнею вчерашней.
Всю эту жизнь среды семейной и домашней,
Весь этотъ свѣжій міръ поэзіи родной,
Еще сочувственный душѣ его младой,
Умѣвшей сохранить средь искушеній свѣта
Всю впечатлительность и свѣжесть чувствъ поэта,—
Все помнилъ онъ, умѣлъ всему онъ придавать
Блескъ поэтическій и мѣстности печать.
Онъ память вопрошалъ и живописью слова
Давалъ минувшему онъ плоть и краски снова.

То Гогарта схвативъ игривый карандашъ
(Который за десять изъ новыхъ не отдашь)

Онъ, съ Русскимъ юморомъ и напрямикъ съ натуры,
Изъ глупостей людскихъ кроилъ карикатуры.

Безстрастное лицо и медленная рѣчь;
А слушателя онъ умѣлъ съ собой увлечь,
И поучалъ его, и трогалъ—какъ придется,
Иль со-смѣху морилъ, а самъ не улыбнется.
Какъ живо памятны мнѣ эти вечера.
Сдается, старца я заслушался вчера.

Давно ужъ нѣтъ его въ Москвѣ осиротѣвшей!
Съ нимъ свѣтлой личности, въ немъ рѣзко уцѣлѣвшей,
Утраченъ навсегда послѣдній образецъ,
Теперь всѣ подъ одинъ чеканъ: одинъ рѣзецъ
Всѣмъ тотъ-же далъ объемъ и вѣсъ: мы промѣняли
На деньги мелкія старинныя медали;
Не выжмешь личности изъ уровня людей.
Отрекшись отъ своихъ кумировъ и властей,
Таланта и ума клянемъ аристократство;
Теперь въ большомъ ходу посредственности братство:
За норму общую — посредственность беремъ,
Боясь чтобъ кто нибудь владычества яремъ
Не наложилъ на насъ своимъ авторитетомъ;
Мы равенствомъ больны и видимъ здравье въ этомъ.
Намъ душно, мысль одна о томъ намъ давитъ грудь,
Чтобъ уважать могли и мы кого нибудь;
Всѣ говорить спѣшимъ, а слушать не умѣемъ;
Мы платонической къ себѣ любовью тлѣемъ
И на колѣняхъ мы—но только предъ собой.

Въ иномъ и поотсталъ нашъ вѣкъ передовой,
Какъ ни цѣни его побѣды и открытья:
Въ наукѣ жить умно, въ искусствѣ общежитья,
Въ сей вѣжливости формъ изящныхъ и простыхъ,
Дававшей людямъ блескъ и мягкость нравамъ ихъ,
Которая была въ условленныхъ границахъ—
Что слогъ въ писателѣ и миловидность въ лицахъ;

Въ уживчивости свойствъ, въ терпимости, въ любви,
Которую теперь гуманностью зови;
Во всемъ, чѣмъ общество тогда благоухало
И не стыдясь, свой путь цвѣтами усыпало,
Во всемъ, чѣмъ встарь жилось по вкусу, по душѣ,
Предъ старымъ—новый вѣкъ не слишкомъ въ барышѣ.
Тотъ разговорчивъ былъ: средь дружеской бесѣды
Мѣнялись мыслями и юноши, и дѣды,
Одни съ преданьями, плодами думъ и лѣтъ,
Другихъ манилъ впередъ надежды пышный цвѣтъ.
Тутъ былъ просторъ для всѣхъ и возрастовъ, и мнѣній
И не было вражды у встрѣчныхъ поколѣній.

Такъ видимъ надъ Невой, въ прозрачный лѣтній день,
Заката свѣтлаго серебряная тѣнь
Сливается въ красѣ торжественной и мирной
Съ зарею утренней на вышинѣ сафирной:
Здѣсь вечеръ въ заревѣ, тамъ утро разсвѣло;
И вечеръ такъ хорошъ, и утро такъ свѣтло,
Что радости своей предѣла ты не знаешь:
Ты провожаешъ день, ты новый день встрѣчаешь
И любишь дня закатъ, и любишь дня разсвѣтъ,—
И осень старости, и весну юныхъ лѣтъ.

1861 г.

DXXXII.

РИСТОРИ.

Трагическихъ страстей наперсница и жрица
И сцены, и сердецъ, и нашихъ глазъ царица!
Искуства древняго разборчивый рѣзецъ
Въ тебѣ признать бы могъ свой лучшій образецъ.
Ваянья хладнаго ты ликъ одушевленный,
Измѣнчивый, какъ жизнь, — какъ правда, неизмѣнный.
Искуству твоему сама природа мать.
Дочь юга, ты въ себѣ умѣла сочетать
Изящнаго законъ съ свободой вдохновенья
И разногласью чувствъ дать стройность выраженья.
Ты вносишь вымысломъ и творчествомъ игры
Въ жизнь общую свои завѣтные дары.
Ты восполняешъ жизнь поэзіей искусства.
Ты истиной разишь обманутыя чувства.
Но это не обманъ. Не марево мечты:
Въ разнообразьѣ лицъ все ты, -- и все не ты.
Ты переводишь жизнь на рѣчь души своей,
И подлинника намъ твой переводъ живѣй:
Намъ слышится языкъ естественный и страстный,
Ты переносишь насъ въ тотъ міръ, тебѣ подвластный,
Куда на голосъ твой спѣшатъ издалека
И тѣни славныя и темные вѣка.

Ты въ красотѣ своей величественно-милой
То нѣжной немощью, то мужественной силой
Ихъ воплощаешь намъ и жизнь даешь имъ вновь.
Тобой знакомы намъ скорбь, ужасъ и любовь.

Молчишь-ли? Намъ слышна душа въ твоемъ молчаньи—
Сочувствуемъ тебѣ и въ счастьи и въ страданьи,
И на челѣ твоемъ и по глазамъ твоимъ
Движенье каждое души твоей слѣдимъ.
Угадываемъ мы печаль твою и жалость,
И страсть, и бурю чувствъ, и этихъ чувствъ усталость;
Когда разбитая страданьемъ грудь твоя,
Изнеможенная и грусть свою тая,
Предсмертною тоской томишься и хладѣешь:
Тутъ съ красоты твоей намъ въ душу хладомъ вѣетъ.
Заговоришь-ли ты? Изъ звонкихъ устъ твоихъ
Потокомъ мѣрныхъ волнъ польется-ль звучный стихъ?
Мы упиваемся души твоей напѣвомъ.
Подсказанный тебѣ любовью или гнѣвомъ
Твой стихъ — то нѣжный вздохъ, чуть слышимый въ тиши,
То скорбный вопль враждой уязвленной души —
Въ насъ откликается созвучьемъ задушевнымъ.
Восторгомъ ли своимъ, души ль порывомъ гнѣвнымъ
Воспламеняешь въ насъ ты чувства и умы:
И любимъ мы съ тобой и ненавидимъ мы.
Невольно покорясь чарующей насъ власти,
Переживаемъ мы борьбы твои и страсти:
Подъ обаяньемъ чувствъ, взаимнымъ бытіемъ
Ты, словно, въ насъ живешь, и мы въ тебѣ живемъ.

Поэтовъ избранныхъ являя въ блескѣ новомъ,
Ихъ вымысламъ даешь ты жизнь горячимъ словомъ,
Вновь зеленѣетъ лавръ ихъ древняго вѣнка,
Когда дотронется къ нему твоя рука.
И вѣщій тотъ, предъ кѣмъ отверзлись ада двери,
Пророкъ, учитель твой и вождь — Аллигіери—

Во грудь твою вдохнулъ священный пламень сей,
Которымъ рѣчь твоя, улыбка, блескъ очей,
Движенья стройныя и слезы умиленья—
Все — вѣсть души въ тебѣ, все — отблескъ вдохновенный.
Тѣнь, имъ воспѣтую, ты жизнью облекла:
Ей прелесть новую и душу ты дала.
Предъ нами предстоитъ страдальческая Пія
Съ печальной повѣстью про лѣта молодыя,
Про ужасъ навсегда ей памятнаго дня,
Когда вѣнчальное кольцо съ руки ея
Сорвалъ съ неистовствомъ и ревностью слѣпою
Супругъ, обманутый преступной клеветою.
Болѣзнь и скорбь — недугъ души, въ годину бѣдъ
По блѣдному лицу прорѣзали свой слѣдъ.
Но брошенная въ глушь и мракъ живой могилы,
Она въ ней сберегла души огонь и силы,
Ни чести, ни любви своей не измѣня.
И кажется, она намъ говоритъ: „Меня
„Сіена создала, Маремма сокрушила,
„А творческой игрой Ристори воскресила“.

DXXXIII.

ПОСЛАНІЕ КЪ ДМИТРІЮ ПЕТРОВИЧУ СѢВЕРИНУ.

„И сердце полное, и полный твой бокалъ“
На праздникѣ моемъ я сердцемъ отыскалъ.
Заочно былъ при мнѣ ты, обманувъ разлуку:
Своей я сжалъ твою сочувственную руку;
Сердечнымъ слухомъ я — предъ нимъ пространства нѣтъ —
Разслушалъ издали твой дружескій привѣтъ.
Поддавшись въ тотъ же мигъ взаимному наитью,
Въ насъ вздрогнули сердца подъ проволочной нитью,
И дружескій Изаръ плеснулъ живой водой
Въ Неву, застывшую подъ снѣжною корой.

Лѣтами старики, но дружбой не дряхлѣя,
Съ тобой давно ея святаго юбилея
Отпраздновали мы завѣтные года.
Давно сроднила насъ намъ вѣрная звѣзда.
Дѣтьми насъ патеръ Чижъ лелѣялъ въ черной клѣткѣ;
Но мы, безпечные, какъ соловьи на вѣткѣ,
Встрѣчая пѣснями весну своихъ годовъ,
Любили мирный свой іезуитскій кровъ;
Тамъ жизни внутренней разсвѣтъ нашъ и начало,
Тамъ оперилась мысль, чутье тамъ чувствомъ стало.
Изъ просвѣщенныхъ рукъ наставниковъ-друзей

Запали въ нашу грудь, на жатву позднихъ дней,
Зародыши добра и любознанья сѣмя.
Счастливые года! безоблачное время!
Намъ дорогъ этихъ дней ужъ дальній небосклонъ.
Завѣсой темною давно задернутъ онъ.
И долгаго пути пространство и тревога
Насъ отвлекли давно отъ свѣтлаго порога.
Но часто, невзначай, изъ этой старины
Пахнетъ на насъ тепломъ и свѣжестью весны;
Помолодѣемъ мы подъ этимъ дуновеньемъ,
И съ благодарностью и тайнымъ умиленьемъ
Помянемъ возрастъ тотъ и школьныя скамьи,
Гдѣ, братья, жили мы въ кругу родной семьи.

Извѣстно, въ наши дни прослыть іезуитомъ,
Иль не лягнуть въ него заносчивымъ копытомъ,
Есть признакъ тупости и ржавчины ума
И не избѣгнуть тутъ насмѣшки и клейма.
Въ сей вѣкъ, свободы вѣкъ, терпимость нетерпима.
„Ты Гарибальди чти, а папу вонъ изъ Рима!“
Вотъ, буде есть въ тебѣ малѣйшій смыслъ и прокъ,
Вотъ заповѣдь твоя, законъ твой и пророкъ.
А я, анахронизмъ, поросшій мхомъ и прахомъ,
Еще разнѣжиться дерзнулъ въ любви къ монахамъ,
Что жъ дѣлать, если я де-Местру не съ родни,
А патеровъ люблю, хоть патеры они;
Что помню ихъ хлѣбъ-соль уму, душѣ и тѣлу;
Что по вопросамъ я, иль тяжебному дѣлу,
Которые толпѣ случается поднять,
За торжествующихъ не горячусь стоять,
Лежачаго давить, и безъ большой потери
Геройски разбивать растворенныя двери?
Признательность мою вмѣнять ли мнѣ въ вину?
Порвалъ ли я въ себѣ народности струну
И вѣрѣ праотцевъ измѣнникомъ ли буду
За то, что пастырей, учившихъ насъ не худу

И, можетъ быть, давно сошедшихъ въ мракъ могилъ,
Самъ на закатѣ дней, поминками почтилъ?

И далѣе судьба вела насъ близнецами,
Питомцы двухъ друзей, друзья мы стали сами.
За ними, съ жизнью въ бой, лежалъ намъ путь одинъ:
Твой вождь былъ—Дмитріевъ, а мой былъ—Карамзинъ.
Изъ вѣрныхъ нашихъ рукъ не выпало ихъ знамя;
Въ насъ теплымъ заревомъ еще таится пламя,
Которымъ нѣкогда горѣли ихъ сердца.

И чокнулись въ сей день два кубка близнеца.
Ты ль могъ мнѣ чуждымъ быть на полстолѣтней свадьбѣ,
Ты, старый дружка мой въ Остафьевской усадьбѣ,
Когда не ловко я и, можетъ быть, не впрокъ,
За Музу сватался влюбленный новичекъ?
Ты первыхъ строкъ моихъ читатель терпѣливый,
Мой строгій аристархъ, когда мой стихъ болтливый
Нескромно нарушалъ синтаксиса уставъ,
Иль, чинно́ за собой приглядывать уставъ,
Онъ въ краску приводилъ чело стыдливой Музы,—
Разливу грѣшныхъ риѳмъ спасительные шлюзы
Ты строилъ—и не разъ твой осторожный судъ
Клалъ шалости мои и промахи подъ спудъ.

И вотъ съ тѣхъ поръ на насъ сошло полустолѣтье;
Подъ риѳму и подъ смыслъ здѣсь кстати междометье!
Какъ не сказать: увы! и ахъ! Какъ не вздохнуть,
Когда сей фоліантъ придется разогнуть
И по страницамъ жизнь слѣдить съ тоскою сладкой,
И призадуматься не разъ надъ опечаткой?
Чего намъ не пришлось познать и пережить?
Событій то прялась, то разрывалась нить:
За свѣтлымъ сномъ—урокъ, ошибка—за ошибкой,
Улыбка кое-гдѣ и слезы подъ улыбкой;
Тамъ степью голою тяжелый переходъ,

Здѣсь отдыхъ; здѣсь, въ тѣни и подъ напѣвомъ водъ,
Въ дыханьи вѣтерка нашептанныя думы:
То буря смутъ мірскихъ и внѣшней жизни шумы,
То жизни внутренней родные голоса,
И споръ житейскихъ узъ съ порывомъ въ небеса;
Поутру—колыбель, а къ вечеру—могила;
Унынье немощи за проявленьемъ пыла,
И въ пресыщеньи благъ, которыхъ жаждетъ свѣтъ,
Сознанье грустное, что все чего-то нѣтъ.

Вотъ жизнь! и въ этотъ день, когда по ней помины,
Всѣ образы ея, всѣ звуки, всѣ картины,
Лучи и тѣни, сны и быль ея—въ одну,
Изъ темной глубины возставшую волну
Слились—и въ грудь мою нахлынули всѣ разомъ.

Пріятно путнику съ холма окинуть глазомъ
Весь путь, который онъ съ утра перебѣжалъ
И подъ вечеръ себѣ устроить свой привалъ.
Такъ, жизни страннику, и мнѣ передъ ночлегомъ,
Мнѣ, утомленному борьбой и дальнимъ бѣгомъ
Подъ зноемъ солнечнымъ, подъ хладомъ непогодъ,
Мнѣ, многихъ дней и лѣтъ познавшему исходъ,
И многихъ благъ ущербъ, и многихъ зданій ломку,—
Отрадно съ плечъ сложить походную котомку
И взоромъ ласковымъ свой измѣряя путь,
За трапезой друзей на время отдохнуть.
Мой путь не глубоко изрытъ волной событій.
Въ невѣдомыхъ странахъ не дѣлалъ я открытій;
Но тихо, день за днемъ, старался я идти
Въ слѣдъ общимъ истинамъ по общему пути.
Не выдвигалъ впередъ самодовольной груди,
Но, видя, кто шагалъ въ передовые люди,
Я, съежившись въ толпѣ, готовъ былъ пасть ничкомъ,
Чтобъ только не прослыть передовымъ лицомъ.
Ни въ ходъ я не пускалъ, ни на показъ не ставилъ

Ребяческихъ затей въ замѣну вѣчныхъ правилъ.
Не думалъ я, что свѣтъ, какъ впрочемъ онъ ни есть,
На новый должно мнѣ фундаментъ перенесть
И что въ перѣ моемъ, на подвигъ и побѣду,
Таится тотъ рычагъ, что снился Архимеду.
Была скромнѣе цѣль посильнаго пера:
Цвѣтокъ иль лепту снесть на жертвенникъ добра;
Воспитывать въ сердцахъ прекрасному служенье;
Тамъ, гдѣ вражда страстей, повѣдать примиренье;
Кому сказать: впередъ! кого предостеречь;
Почуешь ли въ груди духъ творчества—облечь
Сочувственную мысль въ сочувственное слово;
Не гнать все старое предъ тѣмъ, что только ново;
Все новое не гнать, держась изъ рода въ родъ
Того, что отцвѣло и принесло свой плодъ;
Подъ блескомъ скорлупы гнилую сердцевину,
Подъ блескомъ словъ, открыть ихъ темную причину
И съ обличителей самихъ личину снять,
Чтобъ людямъ гаера въ Катонѣ показать;
Безъ злобы пристыдить людъ пошлый и упрямый,
Который лѣзетъ самъ подъ розгу эпиграммы,
Который, не учась, всѣхъ учитъ на-повалъ
И на подмостокъ свой взобравшись, сочеталъ,
Въ тупой враждѣ своей къ средѣ великосвѣтской,
Съ холопской наглостью разсудокъ полудѣтской.

Вотъ подвиги пера и вотъ его грѣхи!
На судъ вашъ отдаю и прозу, и стихи,
Которыми успѣлъ я, грѣшный и убогій,
Обвесть межу своей проселочной дороги.

Писатель я, иль нѣтъ? О томъ идетъ вопросъ,
Съ другими прочими на дняхъ и онъ возросъ.
По слѣдственнымъ дѣламъ журнальнаго судища
И тѣнь Бѣлинскаго призвавъ изъ-за кладбища,

Диктаторъ всѣхъ живыхъ, всѣхъ мертвыхъ судія,
Едва ль не порѣшитъ, что самозванецъ я.

Спасибо и за то, что, старика жалѣя,
Разжалуютъ меня хоть послѣ юбилея;
Что чашей сладостной, мнѣ посланной въ удѣлъ,
Хоть и ошибкою упиться я успѣлъ;
Что если не дано похвастать мнѣ собою,
И славы, и похвалъ, и мѣстъ, не бралъ я съ бою,—
То въ правѣ я сказать отъ нынѣшняго дня:
Сочувствіе друзей отвѣтчикъ за меня!

DXXXIV.

ГРАФУ СОЛЛОГУБУ.

Взревѣлъ наряженный въ Ахилла
Демократичестій Фальстафъ:
Потокомъ брани и чернила
На насъ съ тобою льются, графъ!

Твое-ли графство здѣсь причина?
Я княжествомъ-ли виноватъ?
Но разъяренная дружина
Съ сердцовъ ударила въ набатъ.

И отчего же въ нихъ воспрянулъ
Огонь неистовыхъ страстей?
Громъ не изъ грозной тучи грянулъ:
Имъ тучей былъ мой юбилей.

На этой дружеской пирушкѣ
Мою ты Музу приласкалъ:
Давно знакомой всѣмъ старушкѣ
Поднесъ ты льстивый мадригалъ.

За эту бѣдную Елену,
Какъ и въ былыя времена,

Зажглася, Греческой на смѣну,
У насъ Троянская война.

И гнѣвъ ихъ—будь не тѣмъ помянутъ—
Не скоро укротится: нѣтъ!
Твой стихъ они съ упорствомъ станутъ
Держать въ осадѣ десять лѣтъ,

Пока торжественной гурьбою
Не въѣдутъ съ лаврами въ рукѣ
Въ свою разрушенную Трою
На деревянномъ лошакѣ.

DXXXV.

Меня „за ненависть къ журналамъ“ судятъ строго.
Вотъ какъ! А думалъ я, журнальный старожилъ,
Что на вѣку своемъ я много, слишкомъ много
На нихъ растратилъ дней и мыслей и чернилъ;

Что я служака ихъ, что на Руси журнальной
Посильный труженикъ свой слѣдъ запечатлѣлъ,
Что самъ журналитетъ мнѣ выдастъ листъ похвальный
За то, что въ битвахъ я журнальныхъ посѣдѣлъ.

За что жъ вашъ гнѣвъ меня безжалостно похѣрилъ?
А вотъ за что: на зло поклонникамъ инымъ,
Всѣмъ лжепророкамъ я не вѣрю и не вѣрилъ,
И поклоненье ихъ мнѣ кажется смѣшнымъ

Такъ что жъ? Бѣлинскій вашъ, хоть будь сто разъ Бѣлинскій,
Весь Русскій журнализмъ нельзя жъ за нимъ признать.
Вольно жъ вамъ, рекрутамъ его, подъ ладъ воинскій,
При имени его на вытяжкѣ стоять.

Бѣлинскій вашъ кумиръ — имѣю честь поздравить
Васъ съ праздникомъ! Ему и отдавайте честь:
Ему вы можете и памятники ставить
И сами въ памятникъ ему себя возвесть.

Опять поздравлю васъ; вамъ полная свобода!
Но волю и мою вы предоставьте мнѣ;

Я не мѣшаю вамъ быть вашего прихода,
И радъ я, что у насъ хоругви не однѣ.

Вы мыслить и писать затѣяли впервые
Съ Бѣлинскимъ: до него былъ вамъ дремучій мракъ.
Прекрасно! У меня жъ учители другіе,
И до него еще я мыслилъ кое-какъ.

Вотъ тутъ и весь вопросъ, со справкой и посылкой:
Пожалуй, скажете, что я искуствамъ врагъ,
Когда не дорожу малярною мазилкой
И уличнымъ смычкомъ скрипичныхъ побродягъ.

DXXXVI.

Отличнымъ вкусомъ острословьемъ
Богаты критики у насъ
Жаль одного: плохимъ здоровьемъ
Огорчены они подъчасъ.

Съ пищеварительною силой
У нихъ несчастная борьба
И слабъ у нихъ желудокъ хилый
И что-то голова слаба.

Покушать смертная охота,
А будь не по нутру хоть стихъ?
На цѣлый годъ пойдетъ икота
И пучитъ ихъ и мучитъ ихъ.

DXXXVII.

Не рѣдко намъ—ктожъ не слыхалъ?—пенялъ
Что мы кружкомъ, средь Арзамасскихъ стѣнъ,
Олигархически себя держали,
Какъ говоритъ: въ республикѣ письменъ;

Что не толпѣ угодливо служили
Свободные въ насъ чувства и умы,
Что личностью своею дорожили,
И съ выборомъ съ людьми сближались мы.

Оно и такъ! Но нѣтъ высокомѣрья
И тѣни здѣсь, ни мѣстничества музъ;
Здѣсь есть законъ взаимнаго довѣрья
И нравственныхъ сочувствій есть союзъ.

Извѣстно намъ, какъ ни пускайся въ предки,
Всѣ братья мы въ семьѣ дѣтей земныхъ
Но въ дѣтяхъ есть и чистенькіе дѣтки
А есть притомъ и грязненькіе въ нихъ.

Какимъ ни будь ты ярымъ коммунистомъ,
Такъ что тебя Прудону не догнать,
Все-жъ отойдешь, встрѣчаясь съ трубочистомъ,
Чтобъ сажею себя не замарать.

DXXXVIII.

Вотъ умеръ во время Токвиль
Счастливецъ, спитъ онъ въ темномъ гробѣ
Теперь глуха къ суду и злобѣ
Его безчувственная пыль.

Естественной онъ смертью умеръ,
Конецъ и свѣтелъ былъ и тихъ.
А что когда-бъ еще въ живыхъ
Засталъ его журнальный нумеръ,

Въ которомъ критикъ мастерски
Съ нимъ учинилъ свою расправу,
И всѣ труды его и славу
Такъ грозно разорвалъ въ клочки?

Съ сердитымъ критикомъ не споря,
Бѣдняжка умеръ бы тогда
Скоропостижно отъ стыда
Или повѣсился бы съ горя.

Вотъ какъ непрочна похвала,
Вотъ какъ почетъ и лавры вянутъ,
Какъ суевѣрной свѣтъ обманутъ
И криво судитъ про дѣла!

Мы ночью ощупью бредемъ,
Пока заря не загорится,
Вотъ видите ли — дѣло въ томъ,
Что дѣло мастера боится.

Придетъ сей мастеръ, вѣщій сей
Судъ окончательный свой скажетъ
И современникамъ докажетъ,
Что современникъ всѣхъ умнѣй.

DXXXIX.

ЗАМѢТКИ.

1.

Онъ золъ, по крайней мѣрѣ злится;
Но не живуча злость его:
Она шумихой загорится
И лопнетъ—больше ничего.

2.

Съ перомъ въ рукѣ, враждой онъ пышетъ,
Но жала нѣтъ въ его враждѣ:
Пожалуй, онъ на спиртѣ пишетъ,
За то онъ мыслитъ на водѣ.

3.

Когда онъ на кого сердитъ
Иль съ кѣмъ заспоритъ мало-мальски,
Онъ досконально насъ ни въ чемъ не убѣдитъ,
За то ругается весьма достоканальски.

4.

Мы дѣйствуемъ и мыслимъ съ ними розно
Не потому, что намъ обидна ихъ вражда:

Бѣда не въ томъ, что пишутъ слишкомъ грозно,
А грязно пишутъ эти господа.

5.

Кто по привычкѣ ли, на отдыхъ иль со скуки,
А на ночь долженъ онъ прочесть хоть что нибудь:
Но Фролъ и выспавшись возьметъ ли книгу въ руки
Не можетъ тотчасъ не заснуть.

DXL.

Иному жизнь—одна игрушка,
Другому жизнь — тяжелый крестъ:
Скорбь и веселье, плачъ и хохотъ
Доходятъ къ намъ изъ тѣхъ же мѣстъ.

А можетъ быть надъ этимъ смѣхомъ
Есть отверженія печать;
А можетъ быть подъ этимъ плачемъ
Таится Божья благодать.

DXLI.

ВЕЧЕРЪ.

Прелестный вечеръ! въ сладкомъ обаяньи
Душа притихла, словно въ чудномъ снѣ.
И небеса въ безоблачномъ сіяньи
И вся земля почила въ тишинѣ.

Куда бъ глаза пытливо ни смотрѣли,
Таинственной завѣсой міръ одѣтъ.
Слухъ звука ждетъ,— но звуки онѣмѣли;
Движенья ищетъ взоръ,—движенья нѣтъ.

Не дрогнетъ листъ, не зарябится влага,
Не проскользнетъ воздушная струя,
Все тишь!.. какъ будто въ пресыщеньи блага
Жизнь замерла и не слыхать ея.

Но въ видимомъ бездѣйственномъ покоѣ,
Не истощенье силъ, не мертвый сонъ;
Присущны здѣсь и таинство живое,
И стройнаго могущества законъ.

И молча жизнь кругомъ благоухаетъ
И въ неподвижной красотѣ своей

Прохладный вечеръ, молча, расточаетъ
Поэзію безъ звуковъ, безъ рѣчей.

И въ этотъ часъ, когда въ тѣни нѣмѣя
Все, притаясь, глубокій миръ хранитъ
И тихій ангелъ, крыльями чуть вѣя,
Землей любуясь, медленно паритъ,—

Природа вся цвѣтетъ, красуясь пышно
И насъ склоня къ мечтамъ и забытью,
Передаетъ незримо и неслышно
Намъ всю любовь и душу всю свою.

DXLII.

Не надо грустныхъ словъ прощанья,
Мы ихъ не любимъ: вы и я
Съ надеждой скажемъ: до свиданья!
И съ вѣрой въ дружбу какъ друзья.

Я буду ждать счастливой встрѣчи
И стану вспоминать пока
Всѣ ваши дружескія рѣчи.
А вы меня издалека

Въ моемъ уединеньи тихомъ,
Въ разлукѣ съ свѣтомъ, со дворомъ
„Не поминайте тоже лихомъ“,
Хотя и не на чѣмъ добромъ.

Мы съ вами встрѣтились случайно;
Но видно души въ насъ сродни,
Что сблизилъ насъ ихъ голосъ тайный:
Мы подружились въ два-три дни.

„Душа чужая намъ потёмки“
Но въ вашей вижу я свѣтло:
Отъ жизненной тяжелой ломки
Въ ней ничего не убыло.

Вы нашихъ юношей моложе
Живѣе ихъ огнемъ души, —
Вы жизнью съ ними не похожи:
Дни ваши были хороши.

Вашъ вѣкъ поэзіей богатый
Не то, что дѣловый нашъ вѣкъ!
На чувство, прежде тароватый
Теперь скупится человѣкъ;

Состарили его заботы,
На голосъ сердца сталъ онъ глухъ, —
Кто цѣлый вѣкъ все сводитъ счеты,
Тотъ въ жизни угашаетъ духъ.

Но жизнь души у васъ не гасла
И тѣмъ же пламенемъ горитъ,
Въ лампадѣ вашей много масла
И свѣтъ ея насъ озаритъ.

А мнѣ при этомъ добромъ свѣтѣ
Привѣтно, радостно, свѣтло!
Въ разсчетливомъ холодномъ свѣтѣ
Мнѣ въ вашемъ обществѣ тепло!

Я не скажу вамъ словъ прощанья:
То были бъ грустныя слова;
Я повторяю: до свиданья!
И тоже повторитъ Москва.

DXLIII.

БИТВА ЖИЗНИ.

Когда припомню я и жизнь, и все былое
Рисуется мнѣ жизнь — какъ поле боевое,
Обложенное все рядами мертвыхъ тѣлъ,
Средь коихъ я одинъ какъ чудомъ уцѣлѣлъ.
Дружиной бодрою, отважной молодежью
Мы рано вышли всѣ въ походъ, на волю Божью.
У каждаго былъ жезлъ фельдмаршальскій въ сумѣ.
У каждаго — своя побѣда на умѣ,
У каждаго — свои надежды, цѣль и радость;
Довѣрчиво судьбу опрашивала младость.
Но скоро ворвалась смерть въ юный нашъ отрядъ.
Сплошнѣй сомкнули мы разорванный свой рядъ,
И скорбью помянувъ утраченнаго брата,
Самонадѣянно, удалые ребята,
И каждый о себѣ безпечный, шли впередъ,
Бѣгóмъ — на крутизну, потокомъ — вплавь и въ бродъ.
Мы пѣснью боевой весь воздухъ оглашали.
Задачи бытія восторженно рѣшали
Горячія сердца и смѣлые умы.
Но полдень наступилъ, и оглянулись мы:
Ужь многихъ нашихъ нѣтъ и лучшихъ нѣтъ изъ братій;
Смерть выхватила ихъ изъ дружескихъ объятій
Внезапно, въ золотой порѣ цвѣтущихъ силъ,

Когда ихъ зрѣлый духъ такъ плодотворенъ былъ!
Тутъ робкій взглядъ — впередъ и на себя — печальный
Вперили мы: хладѣлъ тотъ пылъ первоначальный,
Которымъ наша грудь кипѣла, а нашъ умъ
Насытиться не могъ въ тревогѣ смѣлыхъ думъ.
Сталъ небосклонъ темнѣй и путь какъ будто у́же,
Въ угасшихъ дняхъ друзей и наши гасли вчужѣ;
А все еще рѣдѣлъ, простреленный насквозь,
Строй — нѣкогда стѣна — теперь разбитый врозь.
Когда же зорю мы пробили въ часъ молитвы,
Насъ на лицо два - три сошлись на полѣ битвы.
Сталъ недочетъ и въ тѣхъ, оставшихся... Позднѣй
Оплакивалъ одинъ я всѣхъ моихъ друзей.

DXLIV.

РОМАНЦЕРО.

Мой юный пажъ! Куда несешься смѣло?
Опасенъ путь въ горахъ, а ночь темна:
Погибнешь ты. — Погибну? что за дѣло!
Несчастному въ отраду смерть одна.

Я полюбилъ безумно, безнадежно,
Въ любви своей признаться не могу;
Мой пламень чистъ! Мучительно и нѣжно
Его въ груди я молча берегу.

Любовь моя — молитва, поклоненье
И ѳиміамъ младому божеству;
Но я любовь таю, какъ преступленье,
А ей одной я только и живу.

Въ саду царя звѣздою блещетъ роза:
Ее судьба другому обрекла.
Надолго мнѣ одна ея заноза
Запала въ грудь и язвою вросла.

Скажите ей, когда меня не станетъ,
Что ею жилъ, что ею умеръ я;
Пусть, гордая, мой прахъ она помянетъ
И отдохнетъ тѣнь скорбная моя.

DXLV.

ЗАМѢТКИ.

Свободой дорожу, но не свободой вашей,
Не той, которой вы привыкли промышлять,
Какъ цѣловальники въ шинкахъ хмѣльною чашей,
Чтобъ разумъ омрачить и сердце обуять.

Есть благородная и чистая свобода,
Возвышенной души сокровище и страсть;
Святыня, — не попретъ ея судьбы невзгода,
Враждѣ людей — ея твердыни не потрясть.

Она — любовь и миръ, и благодать, и сила,
Духовной воли въ ней зачатокъ и залогъ;
Я ей не измѣнялъ и мнѣ не измѣнила
Она — и сторожитъ домашній мой порогъ.

Я пребылъ вѣренъ ей подъ солнцемъ и подъ тучей,
Мнѣ внутренней броней она всегда была.
Не падалъ духомъ я во слѣдъ звѣздѣ падучей,
При восходящей — я не возносилъ чела.

Кто рабствуетъ страстямъ, тотъ въ рабствѣ безнадежномъ.
Свободу дай ему, онъ тотъ же будетъ рабъ;

Дай власть ему — въ чаду болѣзненно-мятежномъ,
Въ могуществѣ самомъ онъ малодушно слабъ.

Онъ недовѣрчивъ, онъ завистливъ, преданъ страху,
Дамокловъ мечъ всегда скользитъ по головѣ;
Душой свободенъ былъ Шенье, всходя на плаху,
А Робеспьеръ былъ рабъ въ кровавомъ торжествѣ.

Подъ злобой записной къ отличіямъ и къ роду
Желчь хворой зависти скрывается подъ часъ —
И то, что выдаютъ за гордую свободу,
Есть часто ненависть къ тому, кто выше насъ.

Есть древняя вражда: къ каретамъ — пѣшехода,
Лѣнивой нищеты — къ богатому труду,
Къ барону Штиглицу того, кто безъ дохода,
Иль обвиненнаго къ законному суду.

Смѣшенъ сей новый Гракхъ республики журнальной,
Который отъ чиновъ не прочь, (но прочь они),
Когда начнетъ косить косою либеральной
Заслуги, родъ, и знать, и все, что имъ сродни.

На всѣхъ сверкаетъ онъ молніеноснымъ глазомъ,
И чтобъ вѣрнѣй любовь къ свободѣ доказать,
Онъ силится смотрѣть свирѣпымъ дикобразомъ
И съ пѣной на губахъ зубами скрежетать.

Забавный мученикъ! бѣдняжкѣ неизвѣстно,
Что можно во сто разъ простѣй свободнымъ быть
И мнѣнья своего и убѣжденій честно
Держаться, а людей, пугая, не смѣшить.

Любимый гость Двора подъ Царскосельской тѣнью,
Въ державномъ обществѣ мудрецъ и гражданинъ,
Покорный одному сердечному влеченью,
Твердъ и свободенъ былъ правдивый Карамзинъ.

Жуковскій во дворцѣ былъ отрокомъ Бѣлева:
Онъ вѣру, и мечты, и кротость сохранилъ,
И дѣвственной души онъ ни лукавствомъ слова,
Ни тѣнью трусости, дитя, не пристыдилъ.

Свободенъ тотъ одинъ, кто умирилъ желанья,
Кто свѣтелъ и душой, и помышленьемъ чистъ,
Кого не обольстятъ толпы рукоплесканья,
Кого не уязвитъ нахальной черни свистъ.

Свободу возлюбя, гнушаясь своевольемъ,
На язвы общества, чтобъ глубже ихъ разжечь,
Не обращаетъ онъ съ лукавымъ сердобольемъ
Тлетворную, какъ ядъ, заносчивую рѣчь.

Нелѣпымъ равенствомъ онъ высшихъ не унизитъ,
Но въ предназначенной отъ Промысла борьбѣ,
Посредникъ, онъ бойцовъ любовнымъ словомъ сблизитъ
И скажетъ старшему: и младшій — братъ тебѣ.

DXLVI.

Вы гласность любите, но въ одиночку, съ правомъ,
Чтобъ голосъ вашъ одинъ руководилъ толпу;
Но голосу другихъ, драконовскимъ уставомъ,
Нѣтъ мѣста въ гласности у васъ на откупу.

Неволи худшей нѣтъ — свободы по заказу,
Когда во славу ей и мнѣнію въ чести,
Такъ, а не иначе — велятъ и видѣть глазу,
Такъ, а не иначе — устами рѣчь вести.

Односторонній умъ лишь годенъ на стоянку;
Свободнымъ плаваньемъ онъ не заходитъ въ даль;
Онъ тотъ же Фамусовъ, но только на изнанку,
Молчалинъ тотъ-же онъ, но только громкій враль.

„Сужденья своего имѣть и онъ не смѣетъ“,
Но затвердивъ наказъ урочныхъ фразъ и словъ,
Послушливый и въ томъ, чего не разумѣетъ,
Передовому онъ поддакивать готовъ.

„Очаковскихъ временъ“ исчезли бригадиры,
Но сѣмя ихъ въ иномъ подобьи расцвѣло:
Есть новые тузы, есть новые кумиры
И старое тряпье въ подкраску перешло.

Прихвостниковъ найдешь и въ ложныхъ либералахъ;
Но держатся они не прежняго хвоста —
Неурожая нѣтъ въ льстецахъ и подлипалахъ;
Но ихъ пріемъ не тотъ и вывѣска не та.

Будь новый Ювеналъ, будь новый Грибоѣдовъ,
А Репетиловыхъ отыщетъ чуткій носъ;
И съ внуковъ взыщется за осмѣянье дѣдовъ;
А кто смѣшнѣй изъ нихъ? Сомнителенъ вопросъ.

DXLVII.

ЦАРСКОСЕЛЬСКІЙ САДЪ ЗИМОЮ.

I.

Съ улыбкою оледенѣлой
Сошла съ небесъ суровыхъ дочь,
И надъ землей сребристо-бѣлой
Бѣлѣетъ сѣверная ночь.

Давно ль здѣсь пестротою чудной
Сапфиръ, рубинъ и бирюза
Сливались съ тѣнью изумрудной,
Чаруя жадные глаза?

Зимы покровъ однообразный
Вездѣ смѣнилъ нарядъ цвѣтной,
Окованъ садъ броней алмазной
Рукой волшебницы сѣдой.

Въ дому семьи осиротѣлой
Куда внезапно смерть вошла,
Задернуты завѣсой бѣлой
Съ златою рамой зеркала.

Такъ снѣжной скатертью печальной
Покрыты и объяты сномъ,

И озеро съ волной зерцальной
И лугъ съ цвѣтнымъ своимъ ковромъ.

Природа въ узахъ власти гнѣвной,
Съ смертельной бѣлизной въ лицѣ,
Спитъ заколдованной царевной
Въ своемъ серебряномъ дворцѣ.

II.

Но и природы опочившей
Люблю я сонъ и тишину:
Есть прелесть въ ней, и пережившей
Свою прекрасную весну.

Есть жизнь и въ сей нѣмой картинѣ,
И живописенъ самый мракъ:
Деревьямъ почернѣвшимъ иней
Далъ чудный образъ, чудный лакъ.

Обрызгалъ ихъ холоднымъ блескомъ
Своихъ граненыхъ хрусталей,
Онъ вьется яркимъ арабескомъ
Вдоль обезлиственныхъ вѣтвей.

Твой Бенвенуто, о Россія,
Нашъ доморощенный морозъ
Вплетаетъ звѣзды ледяныя
Въ вѣнки пушисто-снѣжныхъ розъ.

Куетъ онъ дивныя издѣлья
Зимѣ, зазнобушкѣ своей,
И наряжаетъ въ ожерелья
Онъ шею мрамора бѣлѣй.

III.

Когда наступитъ вечеръ длинный,
Объятый таинствомъ нѣмымъ,
Иду одинъ я въ садъ пустынный
Бродить съ раздумiемъ своимъ.

И много призрачныхъ видѣнiй
И фантастическихъ картинъ
Мелькаютъ, вынырнувъ изъ тѣни,
Иль соскочивъ съ лѣсныхъ вершинъ.

Они сшибаются другъ съ другомъ,
И налетѣвъ со всѣхъ сторонъ,
То нѣжатъ лаской, то испугомъ
Тревожатъ мыслей чуткiй сонъ.

А между тѣмъ во тьмѣ безбрежной
Оцѣпенѣло все кругомъ,
Въ волшебномъ царствѣ ночи снѣжной,
Въ саду, обросшемъ серебромъ.

Но въ этой тишинѣ глубокой,
Питающей дремоту думъ,
Мѣстами слышенъ одинокiй
Переливающiйся шумъ.

Подъ хладной снѣжной пеленою
Тѣнь жизни внутренней слышна,
И съ камней падая съ волною
Перекликается волна.

DXLVIII.

Вкушая бодрую прохладу
Я наслаждаюсь зимнимъ днемъ
И по серебряному саду,
Объятому волшебнымъ сномъ,

Хожу — любуяся картиной
Въ ея суровой тишинѣ,
Съ ея обширною равниной,
Съ ея печалью, милой мнѣ.

1862 г.

DXLIX.

Годъ новый встрѣтя съ безпристастьемъ,
Какъ день всѣмъ прочимъ днямъ подъ стать,
Васъ съ новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ
Я не намѣренъ поздравлять.

Я счастью новому не вѣрю;
Нѣтъ, счастье не случайный цвѣтъ;
Оно есть плодъ; цѣню и мѣрю
Его я полнотою лѣтъ.

Оно ростетъ и созрѣваетъ
Не по часамъ, а по годамъ,
И тѣмъ святѣй благоухаетъ,
Чѣмъ дольше присмотрѣлось намъ.

Сроднясь съ привычкою сердечной,
Намъ счастье давностью милѣй;
Привычка въ жизни скоротечной
Одна даетъ осѣдлость ей.

Привычка — русло, гдѣ спокойно,
Какъ волны льются наши дни,
И гдѣ всегда свѣтло и стройно
Возобновляются они.

Нѣтъ счастья безъ привычки милой,
И въ счастье вѣрить мудрено,
Когда родныхъ преданій силой
Не освящается оно.

Напрасно алчною тревогой
Мятется ненасытный свѣтъ;
Идемъ мы тѣсною дорогой:
Двумъ счастьямъ въ жизни мѣста нѣтъ.

DL.

Кто на людей глядитъ сквозь смѣхъ лукавый,
А кто сквозь слезы на людей глядитъ:
Кто жъ правъ изъ нихъ? да оба правы,
И Демокритъ, и Гераклитъ.

Нашъ міръ—театръ горячей перепалки,
Гдѣ съ грустью смѣхъ сшибаться вѣкъ должны:
Тѣмъ люди именно и жалки,
Что черезъ чуръ они смѣшны.

DLI.

ГРУСТЬ.

Все грустно, все грустнѣй, часъ отъ часу тяжелѣй,
Часъ отъ часу на жизнь темнѣй ложится мгла,
На жизнь, гдѣ нѣтъ тебя, на жизнь, гдѣ ты доселѣ
Любимыхъ думъ моихъ святая цѣль была.
Все поводъ мнѣ къ слезамъ, всѣ впечатлѣнья полны
Тобой, одной тобой: подъятыя тоской,
Тѣснятся ли къ груди воспоминаній волны, —
Все образъ твой, все ты, все ты передо мной,
Ты, неотступно ты! Грядущаго ли даль
Откроется глазамъ пустынею безбрежной, —
Ты тамъ ужъ ждешь меня съ тоскою безнадежной:
Пророчески тебя и въ будущемъ мнѣ жаль.

DLII.

БЫЛОЕ.

Томимся-ль, странники, мы переходомъ дальнимъ
И много на пути за нами дней легло,
Подъ сумерками дня, подъ сумракомъ печальнымъ,
Которымъ нашу жизнь кругомъ заволокло,
Надеждѣ чуждые и бѣдные желаньемъ,
Покоя одного и молимъ мы и ждемъ;
Но въ книгѣ памяти съ задумчивымъ вниманьемъ
Мы любимъ провѣрять страницы о быломъ.
Воспоминаніе, минувшаго зарница,
Блеснетъ и озаритъ пройденный нами путь
И прожитые дни и выбывшія лица —
Всѣ тѣни милыя — тѣснятся въ нашу грудь.

DLII.

ГОРЕ.

Радость, жизни гость случайный,
Промелькнетъ — и замеръ слѣдъ,
Горе,—на лицо, иль тайный,
А всегда нашъ домосѣдъ.

Онъ хозяинъ въ домѣ нашемъ,
Мы его ученики,
На него оремъ и пашемъ
Въ два ярма и въ двѣ руки.

Притворится ли порою
Невидимкою въ дому,
Мы и вѣримъ съ простотою,
Что пришелъ конецъ ему.

Сонъ минутный, сна-ль подобье,
Старика угомонитъ,
Правый спитъ,—а изъ подлобья
Лѣвый глазъ насъ сторожитъ.

Безотлучно и безсрочно,
Ждутъ его или не ждутъ,
На глазахъ или заочно,
Такъ, иль иначе,—онъ тутъ.

Не смотря на пытки эти,
Въ промежуткахъ люди сплошь
Не злопамятныя дѣти,
Опытъ свой не ставятъ въ грошъ.

Словно данъ имъ въ полновластье
И въ игрушку цѣлый міръ,
Дѣти вновь играютъ въ счастье
И ихъ куклы имъ кумиръ.

Просто вскользь иль ненарокомъ
Имъ о горѣ намекни—
Жалкимъ трусомъ, злымъ пророкомъ
Возгласятъ тебя они.

Я не знаю какъ другіе;
Про себя же я скажу:
Какъ сошлись мы съ нимъ впервые,
Такъ я горю все служу.

Гдѣ-жъ оно меня не травитъ,
Тамъ не менѣе того
Мнѣ и въ роздыхъ душу давитъ
Страхъ наткнуться на него.

DLIV.

ОСЕНЬ.

И въ осени своя есть прелесть. Блещетъ день.
Прозрачны небеса и воздухъ. Рощи сѣнь
Роскошно залита и пурпуромъ и златомъ:
Какъ день передъ своимъ торжественнымъ закатомъ
Пожаромъ чуднымъ грань небесъ воспламеня,
На свой вечерній одръ бросаетъ ткань огня, —
Такъ въ осень теплую, въ сей поздній вечеръ года,
Предъ тѣмъ, чтобъ опочить, усталая природа,
Лобзаніемъ любви прощаяся съ землей,
Остатокъ благъ даритъ ей щедрою рукой.
Намъ каждый свѣтлый день нежданная отрада.
Послѣдней зеленью благоуханій сада,
Послѣдней прелестью въ немъ уцѣлѣвшихъ розъ
Любуется душа съ улыбкой, полной слезъ.
Мигъ каждый дорогъ намъ; природы лаской каждой
Мы упиваемся съ неутолимой жаждой.
Убравъ въ богатый блескъ и рощи, и поля,
Прощальный пиръ даютъ намъ небо и земля.
Все празднично глядитъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и грустно,
И такъ и хочется, душевно и изустно,
Избытокъ смутныхъ чувствъ, тѣснящихся въ груди,
Любовь и страхъ о томъ, что ждетъ насъ впереди,

Когда намъ истина предстанетъ безъ покрова, —
Излить въ созвучія рыдающаго слова,
Въ молитвенную пѣснь, въ послѣднее прости,
Въ надгробный плачъ тому, что въ гробъ должно сойти.

Видали вѣрно вы красавицу младую,
Которую недугъ въ добычу роковую
Таинственно обрекъ себѣ. Цвѣтъ жизни въ ней,
Роскошнымъ знаменьемъ ея весеннихъ дней,
Казалось, такъ живущъ въ младомъ своемъ уборѣ:
Румянецъ на щекахъ, огонь въ блестящемъ взорѣ.
Но былъ лукавъ сей блескъ румянаго лица;
Зловѣщій признакъ онъ ей близкаго конца;
Ни скорби, ни врачу не отвратить удара.
Но пламень глазъ ея былъ зарево пожара,
Которымъ грудь ея сгарала въ тишинѣ.
Любуясь на нее въ молчаньи, вамъ и мнѣ
Такъ было сладостно, такъ ненаглядно-грустно,
Такъ и хотѣлось намъ, душевно и изустно,
Пропѣть прощальный гимнъ красавицѣ младой,
Еще прекраснѣй намъ предсмертной красотой!

DLV.

БЕЗСОННИЦА.

Въ тоскѣ безсонницы, средь тишины ночной,
Какъ раздражителенъ часовъ докучный бой!
Какъ молотомъ кузнецъ стучитъ по наковальной,
Такъ каждый ихъ ударъ, тяжелый и печальный,
По сердцу моему однообразно бьетъ
И съ каждымъ боемъ все тоска моя ростетъ.
Часы, „глаголъ временъ, металла звонъ“ надгробный,
Чего вы отъ меня съ настойчивостью злобной
Хотите? дайте мнѣ забыться. Я усталъ.
Кукушки вдоволь я намековъ насчиталъ.
Я знаю и безъ васъ, что время мимолетно;
Безостановочно оно, безповоротно!
Тѣмъ лучше! и кому, въ комъ здравый разумъ есть,
Охота бы пришла жизнь сызнова прочесть?
Но, скучные часы моей безсонной пытки,
Въ движеніяхъ своихъ куда какъ вы не прытки?
И словно гирями крыло обременя,
Вы тащитесь по мнѣ, царапая меня.
И сколько дикихъ думъ, безсмысленныхъ, несвязныхъ,
Чудовищныхъ картинъ, видѣній безобразныхъ,—
То вынырнувъ изъ тьмы, то погружаясь въ тьму, —
Мерещится глазамъ и грезится уму!
Грудь давитъ темный страхъ и бѣшеная злоба,

Когда змѣи ночной бездонная утроба
За часомъ часъ начнетъ прожорливо глотать,
А сна на жаркій одръ не сходитъ благодать.
Тоска безсонницы, ты мнѣ давно знакома;
Но все мнѣ не въ терпежъ твой гнетъ, твоя истома,
Какъ будто въ первый разъ мнѣ измѣняетъ сонъ
И крѣпко-накрѣпко былъ застрахованъ онъ;
Какъ будто по ночамъ безсоннымъ не въ привычку
Томительныхъ часовъ мнѣ слушать перекличку;
Какъ будто я и впрямь на всероссійскій ладъ
Спать богатырскимъ сномъ всегда и всюду радъ,
И только головой подушку чуть пригрѣю, —
Ужъ съ Храповицкимъ рѣчь затягивать умѣю.

DLVI.

ДРУЗЬЯМЪ.

Я пью за здоровье не многихъ,
Не многихъ, но вѣрныхъ друзей,
Друзей неуклончиво-строгихъ
Въ соблазнахъ измѣнчивыхъ дней.

Я пью за здоровье далекихъ,
Далекихъ, но милыхъ друзей,
Друзей, какъ и я, одинокихъ
Средь чуждыхъ сердцамъ ихъ людей.

Въ мой кубокъ съ виномъ льются слезы,
Но сладокъ и чистъ ихъ потокъ;
Такъ съ алыми — черныя розы
Вплелись въ мой застольный вѣнокъ.

Мой кубокъ за здравье не многихъ,
Не многихъ, но вѣрныхъ друзей,
Друзей неуклончиво-строгихъ
Въ соблазнахъ измѣнчивыхъ дней;

За здравье и ближнихъ, далекихъ,
Далекихъ, но сердцу родныхъ,
И въ память друзей одинокихъ,
Почившихъ въ могилахъ нѣмыхъ.

DLVII.

ТРОПИНКА.

Кто тебя, моя тропинка,
Проложилъ здѣсь въ первый разъ!
Въ чащу лѣса невидимка
Ты бѣжишь тайкомъ отъ глазъ.

И муравчатой колейкой,
Какъ ручей среди тѣснинъ,
Вьешься ты зеленой змѣйкой
Между сосенъ и осинъ.

Пѣшеходъ ли слѣдъ случайный
Здѣсь разсѣянно пробилъ?
Можетъ быть сердечной тайны
Молча слѣдъ онъ сохранилъ.

Можетъ быть, любви дорожка,
Въ часъ вечерней темноты,
По тебѣ скользила ножка
Торопливой красоты.

Подавивъ свое дыханье
И взволнованную грудь,

Въ часъ условный, на свиданье,
Шла дѣвица въ темный путь.

Съ каждымъ вечеромъ все то же;
И все были вновь и вновь
Ей знакомѣй и дороже
Ночь, тропинка и любовь.

Жалко мнѣ бѣдняжку стало,
Хоть не зналъ, кого мнѣ жаль;
Но, гдѣ счастье разсвѣтало,
Тучкой тамъ пройдетъ печаль.

Быль любви — все та же сказка!
Тутъ не нужно колдуна,
Чтобъ узнать, что за развязка
Ей заранѣ суждена.

Мѣсяцъ, два, вдоль той тропинки,
Здѣсь сливались съ двухъ сторонъ
Два созвучья, двѣ росинки,
Двѣ души: она и онъ.

Тамъ ходить онъ началъ рѣже,
Тамъ и вовсе пересталъ.
А она? въ ней чувства тѣ же,
Но ихъ свѣтлый май увялъ.

И въ слезахъ проходятъ ночи;
Не проглянетъ счастья лучъ!
И одинъ ей грустно въ очи
Смотритъ мѣсяцъ изъ-за тучъ.

А быть можетъ, все изъ бредней
Я романъ свой сочинилъ,

И старушкою сосѣдней
Этотъ слѣдъ протоптанъ былъ?

Вся въ морщинахъ и съ лукошкомъ,
И сама какъ мухоморъ,
За грибами той дорожкой
Старушенка ходитъ въ боръ.

DLVIII.

„Зачѣмъ глупцовъ ты задѣваешь?“
Не разъ мнѣ Пушкинъ говорилъ;
„Ихъ не сразишь, хоть поражаешь;
„Въ нихъ перевѣсъ числа и силъ.

„Противъ тебя у нихъ орудья:
„На сплетни — злые языки,
„На убѣжденье простолюдья —
„У нихъ печатные станки.

„Ты только имъ къ возстанью служишь;
„Пожалуй ранишь кой-кого:
„Что жъ? одного обезоружишь,
„А сотня встанетъ за него“.

Совѣтъ разуменъ былъ. Но къ горю,
Не вразумилъ меня совѣтъ;
До старыхъ лѣтъ съ глупцами спорю,
А переспорить средства нѣтъ.

Сѣдинамъ въ бороду на встрѣчу
Знать завсегда и бѣсъ въ ребро:
Какъ скоро глупость гдѣ подмѣчу,
Сейчасъ зачешется перо.

DLIX.

СТАРОСТЬ.

Qui n'a pas l'esprit de son âge,
De son âge a le malheur.

Voltaire.

Бѣда не въ старости. Бѣда
Не состарѣться съ жизнью вмѣстѣ;
Бѣда — въ отцвѣтшіе года,
Ждать жениховъ сѣдой невѣстѣ.

Бѣда душѣ веселья ждать
И жаждать новыхъ наслажденій,
Когда день началъ убывать
И въ землю смотритъ жизни геній;

Когда уже въ его рукѣ
Свѣтильникъ грустно догораетъ
И въ увядающемъ вѣнкѣ
Остатокъ листьевъ опадаетъ.

Вольтеръ былъ правъ: несчастны мы,
Когда не въ уровень съ годами,
Когда въ насъ чувства и умы
Не одногодки съ сѣдинами.

DLX.

МУЖЕСТВО.

Подъ бурей дубъ ростетъ и крѣпнетъ,
Подъ вѣтромъ падаетъ лоза
И гдѣ предъ солнцемъ филинъ слѣпнетъ,
Орелъ глядитъ во всѣ глаза.

Мужъ благодушный не встревоженъ
Его постигшею бѣдой;
Онъ бодръ, спокоенъ, непреложенъ
Предъ испытующей судьбой.

Въ немъ сила воли и покорства;
Какой ни жди его конецъ,
Онъ воинъ — въ дни единоборства,
Въ священнодѣйствіи — онъ жрецъ:

Боецъ готовъ своею кровью
Запечатлѣть свой честный трудъ,
Обѣтъ души сдержать съ любовью;
Жрецъ—свыше избранный сосудъ.

Святую цѣль себѣ назнача,
Онъ къ ней идетъ сквозь строй помѣхъ;
Его не сломитъ неудача,
Не упоитъ его успѣхъ.

DLXI.

СМИРЕНІЕ.

Не вызывай судьбы на битву!
Борьба съ судьбой не по тебѣ!
Гроза ль придетъ — твори молитву:
Не малодушно пасть въ борьбѣ.

Когда бушуютъ моря волны,
Не рвись на челнокѣ своемъ
Ты въ бездну волнъ, отваги полный,
Но слабый управлять рулемъ.

Иной рожденъ для битвъ и шума,
Блеснуть, или сгорѣть въ грозѣ;
Другаго тихомолкомъ дума
Ведетъ по низовой стезѣ.

Онъ любитъ тихую погоду,
Лазурь домашняго пруда,
Души покой, души свободу
И святость скромнаго труда.

DLXII.

Не тѣмъ трудна житейская задача,
Что нѣтъ ни въ чемъ успѣха безъ труда,
Что въ сей юдоли жертвъ, утратъ и плача
Измѣнчива намъ счастія звѣзда;

Что мы должны всегда быть на сторóжѣ,
Какъ пѣшеходъ по скользкому пути,
Что чѣмъ идемъ мы далѣе, тѣмъ строже
Мы за собой обязаны блюсти;

Что воля есть, но съ волею своею
Не можемъ мы по прихотямъ слѣпымъ
Ни управлять судьбой, ни сладить съ нею,
Когда законъ ея неотвратимъ.

Законъ судьбы есть тотъ же Промыслъ Божій,
А Промыслъ сей и въ испытаньяхъ благъ.
Что жъ, если впрямъ мы на дѣтей похожи,
Когда онъ намъ наставникъ, а не врагъ?

Предъ Промысломъ и въ скорбь благоговѣю,
Покорствуя премудрому врачу:

Но я съ людьми бороться не умѣю,
А уступать имъ молча не хочу.

Вотъ чѣмъ трудна житейская задача;
Вотъ для чего спокойнѣй и вѣрнѣй, —
Подъ сумракомъ и ничего не знача,
Вѣкъ доживать подальше отъ людей.

DLXIII.

Кто—въ человѣкѣ видитъ дрянь,
Кто—на алтарь его возводитъ.
Нелѣпый судъ! Онъ переходитъ
И тутъ и тамъ разсудка грань.

Умъ легкомысленъ и упоренъ,
Въ сужденьяхъ скоръ и слишкомъ смѣлъ.
Нѣтъ, человѣкъ не такъ-то бѣлъ,
Да и опять не такъ-то черенъ.

Оттѣнковъ множество для глазъ;
Нѣтъ въ людяхъ краски безусловной:
Добра не чуждъ иной виновный,
И праведникъ грѣшитъ семь разъ.

Не мудрствуя замысловато,
Спрошу не въ лесть и не въ упрекъ:
Не сѣроватъ ли человѣкъ,
Какъ наше небо сѣровато?

DLXIV.

ХОРОШІЕ ЛЮДИ.

I.

Мы, люди хорошіе, — вялы,
Въ житейскихъ дѣлахъ не дѣльцы;
Ученые мы генералы,
Но въ битвѣ плохіе бойцы.

И мало упругости въ жилахъ,
И мѣрно кровь льется въ груди;
Мы дѣйствовать сильно не въ силахъ,
А трудъ и борьба впереди.

Мы нравственно судимъ и рядимъ,
Добры мы и честны — все такъ!
Но съ жизнью никакъ мы не сладимъ,
Съ людьми не сочтемся никакъ.

Быть можетъ — мы глупы. На это
Скажу: не глупѣе другихъ;
Но умъ нашъ ходячей монетой
Не ходитъ на рынкахъ людскихъ.

Намъ общество мало въ подмогу,
А чаще перечитъ тайкомъ

И радо подставить намъ ногу,
Чтобъ объ земь мы стукнулись лбомъ.

Все совѣстно цѣнимъ и мѣримъ,
Чтобъ намъ не наткнуться на грѣхъ;
Въ себя не заносчиво вѣримъ
И вѣримъ не слѣпо въ успѣхъ.

Кажись, все обдумано зрѣло,
Въ удачѣ есть много порукъ;
А только возьмемся за дѣло —
И валится дѣло изъ рукъ.

II.

Посмотришь и выше, и ниже,
Тамъ люди, да Богъ насъ проститъ!
И правилъ какъ будто пожиже,
И честь ихъ мѣстами сквозитъ.

И совѣсть ихъ — будто съ пробѣломъ,
Что хочешь — на ней и пиши
И какъ ни ищи, а подъ тѣломъ
Не сыщешь малѣйшей души.

Но людъ все рабочій и крѣпкій,
Народъ дѣловой и къ тому-жъ
Возьмется-ль за гужъ волей цѣпкой, —
Не скажетъ онъ вамъ, что не дюжъ.

Какъ бѣсъ онъ, то крупный, то мелкій,
Чего сгоряча не сорветъ,
Тамъ дѣло искусной продѣлкой
Тайкомъ мастерски обойдетъ.

Рѣшенье любаго вопроса
У нихъ какъ по маслу течетъ;

Быть можетъ, для чуткаго носа
Отъ масла ихъ—вонью несетъ.

Чтожъ дѣлать? Брезгливость не въ пору
И люди, и жизнь не изъ розъ,
А главное дѣло,—чтобъ въ гору
Встащить свой навьюченный возъ.

На это — народъ сей не промахъ
И всюду, провалъ ихъ возьми!
Хитеръ онъ и счастливъ въ пріемахъ
Съ судьбою, собой и людьми.

Онъ съ недругомъ сладитъ и съ другомъ,
Судьба, какъ ни царствуй сама, —
„Покорная имъ ко услугамъ",
Какъ въ подписи дамской письма.

И каждый усердно имъ служитъ
И прямо съ огня имъ на столъ
Таская каштаны, не тужитъ,
Что самъ на-тощакъ онъ и голъ.

III.

Есть въ людяхъ сословье и третье:
Въ нихъ жажда и жадность хвалы;
Средь прочихъ — они междометье,
То есть: не добры и не злы.

Въ числѣ ихъ особенныхъ качествъ,
Во первыхъ замѣтьте одно:
Даръ много затѣять дурачествъ
И вѣрить, что выйдетъ умно.

Они помѣшались на благѣ,
Добра опоилъ ихъ дурманъ;

Для пользы легко ихъ отвагѣ
Верхомъ переплыть океанъ.

Призванье ихъ: зло уничтожить,
Чтобъ не былъ ни бѣдный, ни плутъ,
И такъ всѣ блаженства размножить,
Что горя — проси, не дадутъ.

Оракулы мудрой науки
Чуть скажутъ: да будетъ — и есть;
Лишь стоитъ перо дать имъ въ руки
Да бѣлой бумаги хоть десть,

Испишутъ всю въ мелкія строчки;
Запишется такъ ихъ рука,
Что звѣзды хватаетъ, что бочки
Намъ птичьяго дастъ молока.

Одинъ политической частью
Особенно умъ распалилъ:
Міръ за-ново личною властью
Креститъ онъ въ купели чернилъ.

Европу по своему дѣлитъ;
На все свой аршинъ, свой компасъ;
Куда онъ перомъ ни прицѣлитъ,
Тамъ выскочитъ кукла какъ разъ.

Германіи пестро-лоскутной
Далъ цвѣтъ онъ единый и пластъ,
Далъ Пруссіи флотъ сухопутный,
А послѣ — моря онъ ей дастъ.

Россію, incognita terra,
Ворочать ему ни по чемъ;
Проектъ за проектомъ и мѣра
За мѣрой кипятъ подъ перомъ.

Въ проектѣ ей каждый по лептѣ
Приноситъ — чѣмъ счастья добыть,
И если здоровье въ рецептѣ,
То какъ ей здоровой не быть?

Врачи многопишущей шайкой
Рецептами кормятъ ее,
И знахарь тайкомъ съ ворожайкой
Ей шепчутъ лекарство свое.

Другой же — по нравственной части,
Взялся человѣческій родъ
Сберечь отъ порока и страсти
И прочихъ житейскихъ невзгодъ;

Ягненочка съ волкомъ, какъ съ ровней,
Бокъ-о-бокъ въ рѣкѣ напоить.
А что и того баснословнѣй:
Людей межъ собой согласить;

Въ законахъ, гонясь не за буквой,
Всѣ руки на все развязать
И если нѣтъ денегъ, — то клюквой
Съ народа налоги сбирать.

А тоже — хорошіе люди;
Но умъ ихъ маленько въ бѣгахъ:
Палятъ изъ бумажныхъ орудій,
Плывутъ на бумажныхъ судахъ —

И вѣрятъ, что сдастся имъ крѣпость,
Что берегъ у нихъ подъ рукой;
Что имъ ни приснись за нелѣпость, —
Хотятъ ей дать образъ живой.

И хлопая глупо ушами,
Глаза растаращя и ротъ,

Пророковъ въ нихъ видя, толпами
Кругомъ ихъ тѣснится народъ.

Ихъ росказнямъ вѣритъ онъ слѣпо;
За быль небылицы идутъ;
Предъ тѣмъ, что до нельзя нелѣпо,
Тутъ слюнки ихъ слаще текутъ.

Морочить людей, ихъ дурачить,
Имъ пылью глаза закидать —
Есть способъ: сперва озадачить,
Чтобъ тамъ ихъ вѣрнѣй осѣдлать.

Не вѣрится правда простая,
А вѣрятъ въ кудрявую ложь;
За нею гоняясь и лая,
Народъ съ той собакою схожъ,

Которая (помните притчу?)
Роняетъ, что держитъ въ зубахъ,
Прельстившись въ рѣкѣ на добычу,
Мелькнувшую тѣнью въ струяхъ.

IV.

Куда ни посмотришь — все то же:
Въ однихъ — чуть не всѣхъ признаю.
Но кто же, о Господи Боже!
Воздѣлаетъ ниву твою?

Кто въ почву благую посѣетъ
Благія твои сѣмена?
Кто жатвой управить съумѣетъ,
Когда подоспѣетъ она?

Гдѣ твердые мыслью и дѣломъ?
Гдѣ чистые свѣтлой душой,

Готовые въ подвигѣ смѣломъ
Пожертвовать братьямъ собой?

Готовые съ ревностью скромной
Быть нынче, какъ были вчера,
Пчелой незамѣтной и темной
Въ общественныхъ ульяхъ добра?

Быть колосомъ въ общей запашкѣ,
И помня народный глаголъ,
Быть ниткою съ міра въ рубашкѣ
Тому, кто и бѣденъ и голъ?

Ищу съ фонаремъ Діогена;
Сдается, — вотъ встрѣчу, авось!
Людей чередуется смѣна, —
А свѣчки задуть не пришлось.

DLXV.

Что такъ шумите вы? — Отстаиваемъ гласность. —
— Богъ въ помощь вамъ; но шумъ и гласность — не одно:
Цѣль гласности — привесть дѣла скорѣе въ ясность;
А въ шумѣ истину разслушать мудрено.

Прекрасны могутъ быть и митинги и спичи,
И Македонскій царь достоинъ похвалы;
Но какъ онъ ни великъ, а правъ и Городничій:
Нѣтъ повода ломать и стулья и столы.

DLXVI.

„Намъ кое-что еще темно въ натурѣ;
„Но съ нравственныхъ наукъ ужъ снятъ покровъ
„И въ обличительной литературѣ
„Достигли мы Иракловыхъ столповъ.

„Мы создали сей родъ. Мы вѣтвью новой
„Украсили познанья древо. Мы
„Растормошили истиной суровой
„Въ самозабвеньи спящіе умы.

Вотъ каково. Спасибо, что сказали.
А думалъ я по простотѣ своей,
Что многіе до васъ ужъ обличали
Пороки, страсти, немощи людей;

Что не дремала грозная сѣкира,
Негодные сучки срубая сплошь;
Что драма, баснь, исторія, сатира
Карало зло, невѣжество и ложь.

Что напримѣръ, хоть Тацитъ, мимоходомъ,
Довольно меткій обличитель былъ;
Что Ювеналъ, безстрашный предъ народомъ,
Его въ стихахъ, какъ въ зеркалѣ, стыдилъ.

Что Моліеръ, что Шекспиръ и другіе,
Которыхъ взоръ пронзалъ, какъ острый лучъ,
Изгибы сердца, тайники глухіе,
Гдѣ къ жизни внутренней таится ключъ, —

Что всѣ они, присматриваясь къ вѣку,
Гнушаясь зломъ и правду возлюбя,
Уликами внушали человѣку
И познавать и исправлять себя.

Что и у насъ фонъ-Визинъ, Сумароковъ,
Державинъ самъ и наконецъ Крыловъ
Срывали маску съ будничныхъ пороковъ
И съ гордаго лица временщиковъ.

„Отчасти такъ; но были то попытки,
„Не шли впередъ несмѣлые умы.
„А намъ далось — жизнь разобрать до нитки
„И добрались до будочниковъ мы.

„Житейскихъ битвъ, великихъ драмъ житейскихъ
„Мы изучали тайный смыслъ и связь;
„Мы сплетней соръ выносимъ изъ лакейскихъ
„И въ закоулкахъ провѣряемъ грязь.

„Своимъ рѣзцомъ клеймимъ кривыя клинья
„Въ согнившихъ зданьяхъ дряхлой старины;
„Мы Тациты Управы Благочинья
„И въ мелочахъ мы ищемъ глубины.

„Съ Невы по Днѣпръ, за Дономъ, за Курмышемъ
„Съ полиціей взялись мы счеты свесть,
„Мы на нее и ей доносы пишемъ,
„А разбирай — кому охота есть.

DLXVII.

ЗАМѢТКИ.

I.

Вотъ и у насъ заводятъ рѣчь о красныхъ,
Но, кажется, толкуютъ не впопадъ:
Не въ первый разъ, въ усильяхъ ежечасныхъ,
И все и всѣхъ мы корчимъ на подрядъ.

Легко мы поддаемся всякой кличкѣ;
Къ лицу иль нѣтъ, а разомъ заклеймимъ:
Чего у насъ и нѣтъ, такъ по привычкѣ
Мы прячемся подъ прозвищемъ чужимъ.

Что новаго Европа ни затѣетъ,
Сейчасъ и мы со снимкомъ налицо,
И подъ узоръ французскій запестрѣетъ
Домашняго изданія дряньцо.

Куда-бы въ круть Европа ни свернула,
Къ ней на запятки вскакиваемъ мы:
У насъ, куда молва-бы ни подула,
Линяютъ сплошь и кожа и умы.

О красныхъ и у насъ забочусь мало:
Ихъ нѣтъ; а есть гнѣздо безцвѣтныхъ лицъ,

Которыя хотятъ во чтобъ ни стало,
Нули, попасть въ строй видныхъ единицъ.

Начнутъ они пыхтѣть и надуваться,
И горло драть надсаживая грудь,
Чтобъ покраснѣть, чтобъ красными казаться,
Чтобъ наконецъ казаться чѣмъ-нибудь.

II.

Лобъ не краснѣющій, хоть есть съ чего краснѣть,
Нахальство языка и зычность мѣдной груди,
Вотъ часто все, что надобно имѣть,
Чтобы попасть въ передовые люди.

III.

Добчинскій гласности, онъ хочетъ,
Чтобъ знали, что Добчинскій есть:
Онъ рвется, мечется, хлопочетъ,
Чтобъ въ люди и въ печать залѣзть.

Двухъ мыслей сряду онъ не свяжетъ;
Но какъ къ журналамъ не прильнуть?
Сказать, онъ ничего не скажетъ,
А все-же тиснетъ что-нибудь.

Онъ гвоздь и вѣшалка дипломамъ,
Обвѣшенъ какъ лоскутный рядъ:
Онъ къ географамъ, къ агрономамъ,
Пристать и къ публицистамъ радъ.

Ко всѣмъ прилипнетъ многочленный,
Во все вобьется онъ какъ моль:
Всѣхъ обществъ членъ онъ непремѣнный
И всюду непремѣнный ноль.

Возникнетъ-ли въ средѣ журнальной,
Демократическій вопросъ?
Юлитъ онъ мухой либеральной
И высоко задравъ свой носъ.

Жужжитъ: прогресса мы предтечи.
А дѣло въ томъ, что егоза,
О чемъ идутъ и толкъ и рѣчи,
Не знаетъ и аза въ глаза.

Вездѣ, гдѣ только есть возможность,
Заявитъ онъ свое словцо,
Свою на все готовую ничтожность
И глупостью цвѣтущее лицо.

DLXVIII.

Идутъ ли въ прокъ дѣла, иль плохо;
Успѣхъ, задержка-ли въ трудѣ?
Все переходная эпоха
За всѣхъ отвѣтствуетъ вездѣ.

Упившись этимъ новымъ словомъ,
Толкуемъ мы и вкривь и вкось
Какъ будто о явленьи новомъ,
Что неожиданно сбылось;

Какъ будто-бъ новая эпоха
Съ небесъ сошла на насъ врасплохъ;
Но со временъ царя гороха
Непереходныхъ нѣтъ эпохъ.

Съ тѣхъ поръ, что Русь стоитъ, что люди
Въ ней кое-какъ въ кружокъ сошлись,
Варяги будь, или изъ Жмуди,
Иль пожалуй Черемисъ,

Но все-жъ средь общаго сожитья
Жизнь приносила цвѣтъ и плодъ,
И поколѣнья и событья
Свой совершали переходъ.

Все переходъ, всегда теченье,
Все волны той живой рѣки,
Которой русло — Провидѣнье
И намъ незримы родники.

Вѣкъ каждый былъ чреватъ событьемъ,
И на себѣ несъ слѣдъ борьбы,
То явно, то глухимъ наитьемъ
Проходятъ Божіи судьбы.

И по лицу земли, и въ нѣдрахъ
Ея глубокихъ тайниковъ,
Въ иссопахъ дольныхъ, въ горныхъ кедрахъ,
Разросшихся до облаковъ,

Въ таинственныхъ пучинахъ моря,
Въ таинственномъ броженьи рудъ, —
Все образуясь, строясь, споря,
Проходитъ переходный трудъ.

Идетъ повсюду разработка
Зиждительныхъ началъ и силъ,
Отъ хладной жизни самородка
До строя огненныхъ свѣтилъ.

Съ неугасаемой любовью,
Такъ и въ духовномъ бытіи
Тому-же слѣдуетъ условью
Жизнь человѣческой семьи.

И у нея своя работа,
То въ потаенной тишинѣ,
То съ быстротой водоворота
И грозами внутри и внѣ.

Безъ жертвы нравственной свободы,
Но къ цѣли часто темной намъ,

Идутъ эпохи и народы
По историческимъ путямъ.

Слѣдами путь свой обознача
Эпоха каждая жила:
У каждой были цѣль, задача,
Грѣхи и добрыя дѣла.

Событья льются по порядку
Изъ лона плодотворной тьмы,
Сфинксъ времени даетъ загадку,
Ее разгадываемъ мы.

Сфинксъ этотъ не давалъ покоя:
Одну загадку порѣшатъ,—
Вторая, третья, безъ отбоя,
Одни во слѣдъ другимъ спѣшатъ.

Вся жизнь въ приливѣ и отливѣ,
Посѣвъ и жатва чередой
Смѣняются на Божьей нивѣ
Подъ человѣческой рукой.

Впередъ, впередъ моя исторья!
Взывалъ Онѣгина пѣвецъ,
Когда просилъ отъ музъ подспорья,
Чтобы съ концомъ свести конецъ.

Сей кликъ труда и упованья —
И человѣчества есть кликъ,
Онъ съ первыхъ дней міросозданья,
А не съ вчерашняго возникъ.

Къ чему жъ, скажите, ради Бога,
Мы вѣкъ свой не въ примѣръ другимъ,—
Когда имъ всѣмъ одна дорога,—
Особымъ прозвищемъ честимъ?

Но вы затѣмъ, что сами новы,
Что вѣры въ прошлое въ васъ нѣтъ,
А вѣрить въ сны свои готовы
Съ слѣпымъ довѣрьемъ дѣтскихъ лѣтъ.

Вамъ, чуждымъ лѣтописи древней,
Вамъ въ умъ забрать не мудрено,
Что съ той поры и свѣтъ въ деревнѣ,
Какъ стали вы смотрѣть въ окно.

Нѣтъ, и до васъ шли годы къ цѣли,
Въ деревнѣ Божій свѣтъ не гасъ,
А въ окна многіе смотрѣли,
Которые позорче васъ.

DLXIX.

Своей повадкой неусыпной
Ни что не бѣситъ такъ меня,
Какъ пошлости стереотипной
Въ ходъ пущенная болтовня.

Все хорошо, но понемногу,
Во всемъ есть мѣра и расчетъ;
Заставь глупца молиться Богу,
Себѣ и лобъ онъ расшибетъ.

Глаза туманитъ отъ печати
И закружится голова,
Когда и кстати и не кстати
Все тѣ же прыгаютъ слова.

Хоть напримѣръ — *прогрессъ*. Кто споритъ?
Есть въ этомъ словѣ смыслъ и вѣсъ;
Но ужъ когда затараторитъ
Журнальный клиръ: прогрессъ! прогрессъ!

Я радъ надѣть зипунъ, онучи,
Бѣжать назадъ за триста лѣтъ,
Бѣжать готовъ я въ лѣсъ дремучій,
Гдѣ о прогрессѣ рѣчи нѣтъ.

„Аврора съ алыми перстами“
Прекрасный вымыселъ пѣвца;
Но онъ опошленъ рифмачами
И весь истерся до конца.

Хотя съ критическихъ покосовъ
Удалыхъ нашихъ косарей
Въ труху пошелъ нашъ Ломоносовъ
Съ цвѣтущей славою своей.

Я, старожилъ былаго вѣка,
Нерѣдко старца стихъ твержу,
Но каюсь, грѣшный, не безъ смѣха
Я на „зарю“ его гляжу.

„Заря багряною рукою“
Напоминаетъ прачку мнѣ,
Которая бѣлье зимою
Полощетъ въ ледяной волнѣ.

Коснется-ль рѣчь дорогъ желѣзныхъ?
Тутъ пошлымъ толкамъ вѣрный сбытъ
О ихъ удобствахъ, о полезныхъ
Ихъ силахъ на народный бытъ.

И послѣ мудрыхъ толкованій,
Тутъ важно скажетъ кто-нибудь:
„Что къ сокращенью разстояній
Способствуетъ желѣзный путь“.

Оракулъ правъ! Но что за дѣло?
Тутъ, не задумавшись никакъ,
Вношу въ свои замѣтки смѣло:
„Такой-то долженъ быть дуракъ!“

DLXX.

Герои, славные мужья
Суду мірскому не подвластны;
Какъ ихъ судить? Кто имъ судья?
Судъ современный—судъ пристрастный.

Потомства судъ—заочный судъ;
Улики сбивчивы и скудны:
Архивъ бумажныхъ мертвыхъ грудъ;
А на лицо ли самъ подсудный?

Исторія – догадокъ сѣть,
Процессъ мудреный, долголѣтній;
Въ ней справокъ дѣльныхъ – развѣ треть,
А тамъ... все можетъ быть, да сплетни.

При жизни судъ—корысть и ложь,
Иль лицамъ лесть, иль брань на лица;
Но судъ надъ мертвымъ – точно тожь,
Что послѣ ужина горчица.

DLXXI.

Когда Карамзина не стало,
На долго умеръ Карамзинъ;
Наслѣдниковъ нашлось не мало,
Но изъ законныхъ—ни одинъ.

И грустно на его могилѣ
Его перо, его вѣнокъ
Лежатъ, наслѣдьемъ не по силѣ
Потомкамъ, пишущимъ на срокъ.

Не стало Пушкина; перуномъ
Разбитый, лавръ его завялъ—
И не расцвѣлъ въ побѣгѣ юномъ;
Изъ пепла фениксъ не возсталъ.

Бѣлинскій умеръ; живъ Бѣлинскій!
Его не пресѣкаемъ родъ;
Замретъ, но въ силѣ исполинской
Онъ тутъ же дастъ сторичный плодъ.

Ужъ многихъ нѣтъ давно; они же,
Бѣлинскіе, родятся вновь;
Умомъ хоть перваго пониже,
Но та же удаль, та же кровь.

Въ угарѣ вѣчномъ и въ задорѣ,
Они пьянѣютъ отъ чернилъ
И пьянымъ по колѣна море,
А выплыть на берегъ нѣтъ силъ.

Какъ въ балаганахъ подъ Новинскимъ
Есть въ каждомъ свой крикунъ-фигляръ,
Вездѣ на память о Бѣлинскомъ
Есть свой безсмѣнный тарабаръ.

Зачѣмъ мудрить головоломно,
Чтобъ прилагательнымъ блеснуть,
Когда громадно и огромно
Насъ ко всему легко приткнуть?

Въ сей вѣкъ огромнаго размѣра
Огромностей не перечесть;
Въ любомъ журналѣ для примѣра
Извольте справку вы навесть.

Принявъ въ обычай прибаутку,
Тамъ въ запуски спѣшатъ упечь
И Грибоѣдовскую шутку
И Скалозуба складъ и рѣчь.

Тамъ все огромно, все громадно!
Оттѣнки мысли, мысли цвѣтъ
Вещественно и безпощадно
Кладутъ подъ душный эпитетъ.

Тамъ есть огромныя вліянья;
Слова съ испуга бьютъ въ набатъ,
Тамъ словъ такія сочетанья,
Что хоть сейчасъ ихъ въ физикатъ.

Съ огромнымъ дарованьемъ рядомъ
Успѣхъ громадный возвѣщенъ

И помнится, огромнымъ взглядомъ
Былъ даже кто-то одаренъ.

Карамзина языкъ ославленъ:
Онъ молъ риторикой томитъ;
И Пушкинъ чуть не обезславленъ:
Онъ лишней логикой грѣшитъ.

Теперь пошелъ порядокъ новый —
И въ воду старые концы!
Челомъ поникнуть мы готовы
Предъ вами, новые дѣльцы.

Вы образцы ума и слога!
Но все же, какъ водилось встарь,
Хотя взгляните, ради Бога,
Въ Академическій словарь;

Тутъ убѣдитесь, что неловко
Играть словами на авось
И что дика ихъ растасовка
Какъ ни попало, вкривь и вкось.

Что хоть вы цѣните огромно
Свои громадныя права,—
Предъ здравымъ смысломъ вѣроломно
Вы гнете Русскія слова.

DLXXII.

Попробуй съ рьянымъ неофитомъ,
Схватившимъ вдругъ вершки всего,
Въ вопросѣ ужъ давно избитомъ
И новомъ только для него,
Попробуй быть съ нимъ разныхъ мнѣній, —
Хоть Пушкинъ будь, хоть Карамзинъ, —
Онъ градомъ брани и каменій
Засыплетъ васъ съ своихъ вершинъ.
Что разъ въ его вгвоздили стѣну,
На томъ онъ крѣпко заторѣлъ;
Нѣтъ спорныхъ мыслей для обмѣну:
Къ одной приросъ и затвердѣлъ.
Упрямый, цѣльный, однородный,
Пожалуй, твердо онъ стоитъ;
Но гдѣ-жъ тутъ жизнь? Въ степи безплодной
Одной онъ мысли монолитъ.
Въ умѣ его, тугомъ и тѣсномъ,
Сомнѣньямъ мудрымъ мѣста нѣтъ;
Въ своемъ величьи полновѣсномъ
Заплылъ онъ въ свой авторитетъ.
Глупцамъ прилично зазнаваться:
Самоувѣренность тупа.
Умѣла-бъ глупость сомнѣваться,
Была-бъ она не такъ глупа.

DLXXIII.

DE MORTUIS AUT NIHIL, AUT BENE.

Смѣшенъ и жалокъ не Бѣлинскій,
Да и къ тому жъ покойникъ онъ,
А по пословицѣ латинской,
Грѣшно тревожить мертвыхъ сонъ.

Какъ мы живаго не читали,
Когда, Богъ знаетъ изъ чего,
Журналы толстые трещали
Подъ плодовитостью его, —

Такъ мертваго въ забвеньи тихомъ
Оставить рады были бъ мы,
Не поминая зломъ и лихомъ
Его журнальной кутерьмы.

Но къ удивленью, вдругъ онъ ожилъ,
Иль имъ поднятый пустозвонъ,
И мертвый онъ себя помножилъ
На замогильный легіонъ.

Не въ хладный гробъ, въ кощунствѣ дикомъ,
Пришла охота намъ стрѣлять, —
А въ птицъ ночныхъ, засѣвшихъ съ крикомъ
На гробѣ тризну совершать.

DLXXIV.

Какъ Байронъ онъ хромаетъ; кривошея,
Какъ Александръ великій, и горбатъ
Онъ, какъ Эзопъ: живая галлерея
Онъ славныхъ лицъ компактный дубликатъ.

Литературъ чужихъ авторитеты
Начтутъ у насъ не мало двойниковъ:
И многія ихъ свойства и примѣты
Даются намъ — и безъ большихъ трудовъ.

Но вотъ бѣда, хоть правда непріятна:
Захватами проворнаго пера
Ихъ крайности, ихъ немощи и пятна
Особенно ловить мы мастера.

DLXXV.

По мнѣ — онъ просто скучный враль;
У васъ — „умъ перваго разбора,
„Онъ въ облакѣ пророкъ, но жаль:
„Цензура не даетъ простора.

„Его читайте между строкъ
„И мимо пропускайте строки:
„Не въ нихъ есть смыслъ, не въ нихъ есть прокъ,
„А въ заднихъ мысляхъ — смыслъ глубокій.

— Пусть такъ; но въ томъ то и бѣда
И тутъ то выводъ неуклюжій:
Умъ — сзади спрятанъ завсегда,
А глупость — вся глядитъ снаружи.

DLXXVI.

Глядишь — вдругъ умники повздорятъ,
Горитъ междоусобный бой;
О томъ, о семъ журналы спорятъ
Довольно крупно межъ собой.

На игроковъ они похожи:
Другъ друга картой каждый бьетъ;
Въ азартѣ лѣзутъ всѣ изъ кожи,
Сражаясь ночь всю на пролетъ.

А къ утру, по ночной тревогѣ,
Провѣрятъ ли борьбу свою,
Выходитъ въ общемъ ихъ итогѣ,
Что вся игра была въ ничью.

DLXXVII.

Съ тѣхъ поръ, какъ упраздняютъ будку,
Нашъ будочникъ попалъ въ журналъ;
Иль журналистъ нашъ не на шутку
Присяжнымъ будочникомъ сталъ.

Такъ или эдакъ, — какъ угодно,
Но дѣло въ томъ, что съ этихъ поръ
Литература всенародно
Пустилась въ уличный дозоръ.

На площади-ль случится драка?
Буянъ ли пьяный зашумитъ,
Иль безъ намордника собака
По переулку пробѣжитъ?

Воришка обличился-ль въ кражѣ?
Иль заподозрѣнъ кто нибудь?
Отъ литераторовъ на стражѣ
Ничто не можетъ ускользнуть.

За шумъ, бывало такъ и знаютъ,
Народъ на съѣзжую ведутъ.
Теперь въ журнальную сажаютъ:
Тамъ имъ расправа, тамъ и судъ.

DLXXVIII.

Вопросъ искуства для искуства
Давно изношенный вопросъ;
Другіе взгляды, мнѣнья, чувства
Духъ современный въ жизнь занесъ.

Теперь чередъ другимъ вопросамъ,
И отъ искуства отрѣшась,
Доносомъ изъ любви къ доносамъ
Литература занялась.

DLXXIX.

ПОСЛѢДНІЙ ОЛИМПІЕЦЪ.

Гордясь осанкою своею
И отрѣшась отъ древнихъ узъ,
Поэты вытолкали въ шею
Съ Олимпа всѣхъ боговъ и музъ.

Парнасъ и дворъ его, и дворню
Очистили съ лица земли;
Пегасъ пошелъ на живодерню,
А лавры на дрова пошли.

Разсудокъ черствый и враждебный,
Другой Омаръ и изувѣръ
Низринулъ въ пепелъ міръ волшебный,
Съ которымъ насъ сроднилъ Гомеръ.

Онъ все исчислилъ, все провѣрилъ:
Въ чемъ цѣнность есть, въ чемъ нѣтъ цѣны?
И безпощадно перехерилъ
Младой земли мечты и сны.

И по́ міру скитаясь, бо́ги
Стучались въ дверь, просились въ стихъ, —

Но пѣсни и домовъ пороги
Равно не принимали ихъ.

Они изъ силъ послѣднихъ бились,
А тамъ, ужъ вовсе истомясь,
Голодной смертью изморились,
Своимъ безсмертьемъ не стѣснясь.

Изъ династіи Олимпійской
Одинъ однакожъ уцѣлѣлъ:
Прозаикамъ, поэтамъ близкій,
Ихъ всѣхъ задобрить онъ умѣлъ.

Съ мѣшками золота въ запасѣ,
На биржѣ онъ пустилъ ихъ въ ходъ;
На упразднившемся Парнасѣ
Завелъ онъ маленькій приходъ.

Богъ этотъ здравствуетъ и нынѣ;
Всѣ льнутъ къ нему, всѣ ладонъ жгутъ:
Слыветъ онъ — Плутусъ по латынѣ,
По русски говорится — плутъ.

DLXXX.

Не жди себѣ отъ ближняго пособья,
Когда и впрямь нуждаешься ты въ немъ:
На нужды брата смотрятъ изъ-подлобья,
Иль косо, иль въ раздумьи о другомъ.

Но нѣтъ нужды и горя, — медословы
Посулами засыплятъ безъ конца;
Когда ты сытъ, — заподчивать готовы
И лучшаго заклать тебѣ тельца.

Садовникъ мой идетъ подъ ихъ статейку:
Въ засуху онъ не дастъ цвѣтамъ испить,
А дождь польетъ, — хватается за лейку,
Чтобъ барина усердьемъ удивить.

DLXXXI.

ЗАМѢТКИ.

1.

Давыдовъ говорилъ: на климатъ свой напрасно
Мы часто сердимся и жалуемся мы;
Здѣсь Богъ назначилъ глушь и царствіе зимы,
Чтобъ могъ медвѣжій родъ селиться безопасно.

Завидны стали намъ берлогъ ихъ дичь и мракъ;
Медвѣдей выжили, поднявъ на нихъ облаву;
А жалуемся мы; но по какому праву?
Медвѣдямъ жаловаться — такъ!

2.

Онъ говоритъ и дѣло, но такъ вяло
И такъ не складно, что тошнитъ;
Положимъ, онъ разумное начало,
Но пошлостью его онъ затемнитъ.

Все честное, все что душѣ приманка,
Въ рѣчахъ его съ души невольно претъ:
Слыхали-ль вы, какъ подъ окномъ шарманка
Бетговена симфонію деретъ?

3.

Не спорю я: онъ не глупецъ. — Такъ что же?
Но вынесть умъ на воздухъ онъ не смѣлъ;
Его держалъ онъ робко на сторожѣ,
Чтобъ кто нибудь его не подсмотрѣлъ.
Что слыло въ немъ умомъ — на пошлость схоже;
Одѣлъ его онъ въ шутовской кафтанъ;
Такъ на зиму закутано въ рогожѣ
Въ садахъ у насъ растенье южныхъ странъ.

4.

Съ наружности ужъ онъ не лысъ ли?
Волосиковъ пять-шесть всего;
А въ голой головѣ его
Еще общипаннѣе мысли.

5.

Природы странною игрой
Въ немъ двухъ началъ раздоръ открытый:
Какъ можетъ быть онъ человѣкъ пустой
И вмѣстѣ съ тѣмъ дуракъ набитый?

6.

Пожалуй, онъ и однороденъ,
Пожалуй, онъ же и двоякъ:
Съ перомъ въ рукѣ — онъ сумасброденъ,
Изустно — просто онъ дуракъ.

7.

Своею славой безымянной,
Своей таинственностью странной
Себя какъ тучей обернувъ,

Онъ чѣмъ-то былъ въ дали туманной;
Но въ чудо ближе заглянувъ,
Нашли, что миѳъ сей—просто пуфъ!

8.

Пріятель мой, къ тому жъ риѳмачъ, стиховъ тетрадью
Душилъ меня съ утра, какъ полновѣсной кладью;
Разъ занялъ сто рублей онъ на̀ день—и пропалъ.
Хорошій далъ процентъ мнѣ малый капиталъ!

9.

Скажите: отъ чего иной такъ въ душу вьется,
Такъ рвется угодить; а будь бѣда съ тобой,
Не жди ты отъ него услуги никакой?
— Гдѣ тонко тамъ и рвется! —

10.

Наружностью твоей спасется честь твоя:
Какъ ни давай въ судѣ законамъ толкъ превратный,
Какъ ни криви душой,—все будешь ты судья
Примѣрно нелицепріятный.

11.

Не даромъ нашъ должникъ слыветъ и краснобаемъ:
На росказни онъ щедръ, но тугъ на̀ чистаганъ;
Онъ за̀ словомъ въ карманъ не ходитъ,—это знаемъ,—
Но радъ за деньгами ходить въ чужой карманъ.

12.

Покажется она —
И расцвѣтаютъ души;
Заговоритъ она —
И просто вянутъ уши!

13.

Красавицей она и умницей слыветъ;
Но красоту свою не кстати штукатуритъ.
Умомъ же, чтобъ прикрыть, что въ ней недостаетъ,
Она неловко балагуритъ.

14.

Не глупо сказано: пожалуй, я Брызгаловъ,
Въ кафтанѣ бархатномъ, при пудрѣ, въ парикѣ;
Спасибо, что хоть трость осталася въ рукѣ,
Есть оборона отъ нахаловъ.

DLXXXII.

НѢМЕЦКАЯ ПРИРОДА.

Люблю нѣмецкую природу,
Она красива и скромна:
Туристамъ записнымъ въ угоду
Не на показъ глядитъ она.

Въ ней все уживчиво-сподручно,
Все такъ гемютлихо-свѣтло;
Все обстоитъ благополучно
И въ колею свою вошло.

Она не поражаетъ взоры
И не приводитъ насъ въ испугъ,
Съ Швейцаріей не лѣзетъ въ горы
И не изнѣжена какъ югъ.

Не холодно въ ней и не душно:
Во всемъ умѣренность храня,
Она даритъ насъ простодушно,
Чѣмъ можетъ, на потребу дня.

Рукой хозяйки домовитой
Здѣсь все прилажено умно:

И наслажденье не забыто,
Но пользѣ не въ накладъ оно.

Обильно съ розой ароматной
Янтарный виноградъ растетъ,
А ужъ картофель благодатный —
Такъ самъ собой и лѣзетъ въ ротъ.

Златой посредственности царство!
Къ нему Господь благоволитъ;
Она не чернь, она не барство,
А бюргершафта средній бытъ.

Любуясь жизнью и счастлива,
Какъ добрый нѣмецъ, безъ заботъ,
Она себѣ, за кружкой пива,
„Du lieber Augustin“ поетъ.

Легко здѣсь жить съ природой дружно;
Но вотъ въ чемъ трудность и напасть:
Перерoдиться въ нѣмца нужно,
Чтобъ на нѣмецкій ладъ попасть.

DLXXXIII.

РЕЙНЪ.

Рейнъ старецъ всегда моложавый,
Кормилецъ германскихъ племенъ!
Плачъ бѣдствій и оклики славы
Слыхалъ ты въ теченьи временъ.

Мечами твой берегъ межуя,
Твой славный рубежъ возлюбя,
И алчно другъ друга ревнуя,
Владыки дрались за тебя.

Побѣда мѣнялась—и каждый,
Гордяся побѣдой въ бою,
Съ конемъ, разгорѣвшимся жаждой,
Кидался въ прохладу твою.

Торжественной былъ ты купелью
Вождю и могучимъ полкамъ;
Ихъ станъ предавался веселью,
И горе вамъ,—павшимъ врагамъ!

Но тщетны житейскія грозы:
Съ любовью хранятъ небеса

Твои виноградныя лозы,
Привѣтные тѣнью лѣса,

Долины, одѣтыя нѣжной
И пестрою тканью цвѣтовъ
И горы, и поясъ прибрежный
Твоихъ плодоносныхъ садовъ.

Внушенью природы послушный,
Роскошно обнявъ берега,
Поилъ ты волной равнодушной
И сѐмью свою и врага.

Издревле вы были въ почетѣ
Зеленаго Рейна струи:
И Клопштокъ, и Шиллеръ, и Гёте
Пѣвали вамъ пѣсни свои.

Они и свой трудъ, и печали
Сложивъ на стеклянное дно,
Изъ рюмокъ зеленыхъ пивали
Зеленое ваше вино.

Ихъ пѣсни, съ волнами созвучно
Сливаяся въ пѣсню одну,
Въ германскихъ сердцахъ неразлучно
Ласкаютъ родную струну.

Рейнъ,—темныхъ преданій зерцало,
Живой, неумолкный разсказъ
О томъ, что когда-то бывало
И скрылось на-вѣки изъ глазъ:

О рыцаряхъ, нравомъ суровыхъ,
Всегда кровожадныхъ на месть,
Но жертвовать жизнью готовыхъ
За взглядъ красоты и за честь.

Здѣсь ратныя игры, турниры
Сквозь сумракъ мерещутся вновь;
На пиршествахъ арфы и лиры
Поютъ красоту и любовь.

Въ награду счастливому барду,
Который пѣвцовъ побѣдитъ,
Съ груди дорогую кокарду
Царица турнира даритъ.

Изъ мрака и пепла развалинъ
Стрѣльчатые замки встаютъ;
Ихъ видъ и суровъ, и печаленъ,
Но страсти и въ нихъ есть пріютъ.

Любовь и восторги, и грёзы
Кипѣли здѣсь въ юныхъ сердцахъ;
То счастьемъ повѣетъ на слёзы,
То счастье угаснетъ въ слезахъ.

У грознаго мужа подъ властью
Младая рабыня-жена,
Томясь потаенною страстью,
Въ полуночь стоитъ у окна;

И вспыхнетъ, и вздрогнетъ молодка,
Когда на рѣкѣ ей сквозь мракъ
Проглянетъ знакомая лодка
И дастся условленный знакъ.

Минуя опасную стражу,
(Нѣтъ женскому сердцу преградъ!)
Довѣрившись вѣрному пажу,
Красавица крадется въ садъ.

За прелесть, за радость свиданья,
За нѣгу сердечнаго сна,

Быть можетъ, годами страданья,
Иль жизнью заплатитъ она.

Но страхъ, но блаженства непрочность,
Святой, цѣломудренный стыдъ
И чистой души непорочность —
Забыты... весь міръ позабытъ!

Слѣды тѣхъ событій простыли;
Но въ каждомъ плесканьи волны
Намъ слышны легенды и были
Отжившей твоей старины.

DLXXXIV.

КЪ РИМУ.

Не капитолій твой всемірный, вседержавный,
Не вѣчно-памятныхъ развалинъ пепелъ славный,
Не величавый рядъ дворцовъ и базиликъ,
Не тѣнь священная, въ которую поникъ
Ты царственной главой, столѣтьями вѣнчанной;
Не сумракъ виллъ твоихъ свѣжо-благоуханный,
Гдѣ, щедростью даровъ счастливцевъ надѣля,
Такъ радостно цвѣтетъ роскошная земля;
Не тихія твои окрестныя пустыни,
Надъ коими горитъ день свѣтозарно-синій
И освѣщаетъ ихъ по прихоти своей
Сіяньемъ радужнымъ пылающихъ лучей,
Иль стелетъ по степи безлѣсной и беззлачной
И дремлющую тѣнь, и мракъ полупрозрачной;
Не весь сей пышный міръ величья и чудесъ,
Гдѣ красота земли и красота небесъ
Даютъ и мысли жизнь, и пищу вдохновеньямъ,
Гдѣ каждый вѣкъ, въ урокъ грядущимъ поколѣньямъ,
Прорѣзавъ новыя и вѣчныя бразды
Оставилъ творчества безсмертные слѣды,
Гдѣ все минувшаго есть отзывъ величавый,
Все пѣснь поэзіи и все преданье славы;
Не эти голоса, не эти красоты,

Не то чѣмъ прежде былъ, не то чѣмъ нынѣ ты
Подъ заревомъ вѣковъ, событій ихъ зерцало, —
Не это нà душу мнѣ достояньемъ пало
И властвуетъ моей встревоженной душой.
Нѣтъ, скорбью, о мой Римъ, сроднился я съ тобой!
Сочувствіе къ тебѣ и внутреннѣй, и чище:
Родное мѣсто есть мнѣ на твоемъ кладбищѣ,
На семъ кладбищѣ царствъ столѣтій и племенъ.
Воспомнится ли мнѣ ограда вѣчныхъ стѣнъ?
И вопрошаю я тоской воспоминанья:
Не кисти, не рѣзца, не зодчества созданья,
Въ которыхъ смѣлый духъ избранниковъ живетъ.
Нѣтъ, мимо ихъ, меня таинственно зоветъ
Тотъ мирный уголокъ, гдѣ ранняя могила
Родительской любви надежду схоронила.
Здѣсь Римъ сказался мнѣ, здѣсь понялъ я, въ слезахъ,
Развалинъ и гробницъ его и плачъ и прахъ;
Здѣсь скорби стѣнъ его, державной и глубокой,
Откликнулся и я печалью одинокой!

ПРИМѢЧАНІЯ.

1853.

CDVIII. Въ *Старой Записной Книжкѣ* подъ 19 февраля отмѣчено: „Кончилъ свою Масляницу на чужбинѣ“ (Полн. Собр. Соч. X, 2). Изъ сличенія съ черновыми автографами оказываются слѣдующіе варіанты:

Съ пива только кровь густѣетъ
Блекнетъ умъ, въ душѣ темно...
Чѣмъ твою мы милость встрѣтимъ?
Чѣмъ сударушку почтимъ...

Корректурные листы изъ Стихотвореній Кн. П. А. Вяземскаго. Карлсруэ, 1859 г. *Въ Дорогѣ и Дома* (1862), стр. 106—110.

CDIX. Это стихотвореніе въ настоящемъ своемъ видѣ является въ печати впервые и только отрывокъ изъ него (Гоголь) былъ напечатанъ въ *Складчинѣ* 1874, стр. 38—40. Оно не кончено Авторомъ.

CDX. *Въ Дорогѣ и Дома* (1862), стр. 208—211. Въ *Старой Записной Книжкѣ*, подъ 4 марта отмѣчено: „Переписывалъ *8 января*“ (стихотвореніе)—(X, 2).

CDXI. Факсимиле этого стихотворенія было помѣщено подъ портретомъ Автора, писанномъ Витцлебеномъ и приложенномъ къ X тому *Полнаго Собранія его Сочиненій.* Подъ стихотвореніемъ означено: „Дрезденъ, мартъ, 1853 г.“ Впервые оно было напечатано въ *Гражданинѣ*, 1878, № 35, стр. 619.

CDXII. Печатается впервые съ автографа, который помѣченъ „Дрезденъ, 18/30 апрѣля, 1853 г.“ Въ *Старой Записной Книжкѣ*, подъ 15 іюня отмѣчено: „Бѣдная княгиня Вѣра Голицына скончалась въ Берлинѣ. Когда я изъ Дрездена послалъ къ ней, передъ Свѣтлымъ Воскресеніемъ, свой портретъ со стихами, я имѣлъ какое-то минутное чувствіе, что все это дойдетъ до нея не во время. И, въ самомъ дѣлѣ, все это пришло въ Берлинъ, когда она была уже отчаянно больна и, кажется, она ни портрета, ни стиховъ моихъ не видала. Давно-ли была она въ Константинополѣ въ полномъ цвѣтѣ здоровья, силы и

красоты? Умеръ въ Берлинѣ и нашъ Русскій священникъ, а къ княгинѣ Голицыной пріѣзжалъ священникъ изъ Парижа" отецъ Іосифъ Васильевъ (*Полное Собраніе Сочиненій*, X, 56).

CDXIII. Въ первый разъ это стихотвореніе было напечатано въ *Дорогѣ и Дома* (1862 г.), стр. 281—284. Подъ автографомъ отмѣчено: „Дрезденъ, 7/19 мая, 1853 г."

CDXIV. Въ *Старой Записной Книжкѣ*, подъ 12 мая отмѣчено: (Карлсбадъ). „Я всталъ въ 6 часовъ. Въ 6½ былъ на водахъ. Послѣ отправился въ Hirschensprung. На дорогѣ гдѣ-то вырѣзано на камнѣ: *Plutôt être que paraître*. По-русски можно такъ перевести этотъ девизъ: „*Не слыть, а быть*" (*Записная Книжка* 1853 г., л. 2). Въ первый разъ это стихотвореніе было напечатано въ Сборникѣ, вышедшемъ въ Карлсруэ, въ 1859 году, подъ заглавіемъ: *За границею. Корректурные листы изъ Стихотвореній князя П. А. Вяземскаго*; а потомъ въ *Дорогѣ и Дома* (1862).

CDXV. Сборникъ Стихотвореній князя П. А. Вяземскаго подъ заглавіемъ: *Къ ружью!* Спб. 1854 г.

CDXVI. Подъ стихотвореніемъ означено: „Дорогою изъ Карлсбада въ Маріенбадъ $\frac{28\ \text{іюня}}{10\ \text{іюля}}$, 1853 г."

CDXVII. Въ *Старой Записной Книжкѣ* подъ 15 іюля отмѣчено: „Вотъ стихи, которые отправилъ я къ Ольгѣ Пашковой въ Карлсбадъ, въ день ея рожденія" (*Записн. Книжка* 1853, л. 57 об.).

CDXVIII и CDXIX. *Извѣстія II Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ* 1858, т. 7, вып. 1, подъ которыми отмѣчено: „іюль, 1853. Дрезденъ". *Въ Дорогѣ и Дома* (1862), стр. 94—100. Кромѣ того, первое изъ этихъ стихотвореній было напечатано въ Сборникѣ, подъ заглавіемъ *Пять Стихотвореній князя П. А. Вяземскаго*. Спб. 1858. Черновой автографъ № CDIX хранится въ *Собраніи Автографовъ Императорской Публичной Библіотеки*.

CDXX. Печатается съ черноваго автографа.

CDXXI. *Въ Дорогѣ и Дома* (1862), стр. 117—118.

CDXXII. Подъ стихотвореніемъ означено: „Іюль, 1853 г." и сдѣлано къ нему Авторомъ слѣдующее примѣчаніе: „Для поясненія этого стихотворенія нужно прибавить нѣсколько словъ. Когда я жилъ въ Дрезденѣ, я былъ озабоченъ желаніемъ отыскать слѣды пребыванія Ломоносова въ сосѣдственномъ Фрейбергѣ, извѣстномъ нынѣ своими горными заводами и горнымъ училищемъ. Обязательное и благосклонное къ просьбѣ моей вниманіе перваго Саксонскаго министра, барона Бейста, открыло мнѣ всевозможныя средства дѣлать надлежащія разысканія въ архивѣ Училища. Самъ ѣздилъ я въ Фрейбергъ и, съ помощью директора и сослуживцевъ, перерылъ и пересмотрѣлъ всѣ списки, акты и дѣла, относящіеся до тѣхъ годовъ, которые Ломоносовъ провелъ въ Фрейбергѣ. Но всѣ попытки и усилія мои остались напрасными: я нигдѣ не отыскалъ имени Ломоносова. Но случайно въ разысканіяхъ моихъ о немъ, напалъ на имя Виноградова, который вмѣстѣ съ нимъ былъ отправленъ

изъ Петербурга въ Фрейбергъ". Это Стихотвореніе было напечатано въ *Дорогѣ и Дома* (1862 г.), стр. 111—114, за исключеніемъ *Второй приписки*, которая является впервые и печатается съ автографа, писаннаго карандашемъ. Подъ *Первою приписскою* означено въ рукописи: „Апрѣль 1858 г."

CDXXIII. *Москвитянинъ*, 1853, № 21, стр. 67.

CDXXIV, CDXXV и CDXXVI. Въ *Старой Записной Книжкѣ*. Августъ, 1853 г. отмѣчено: „Въ разныя поѣздки написалъ, т.-е. не написалъ, а надумалъ: *Зонненштейнъ*, *Прагу*, *Ночью на желѣзной дорогѣ* (*Полн. Собр. Сочиненій*, X, 4). Первое и второе изъ этихъ Стихотвореній напечатано въ *Дорогѣ и Дома* (1862), стр. 114—117, а послѣднее въ газетѣ *Русскій*, 1867 г., № 1—2, изд. М. П. Погодинымъ.

CDXXVII. CDXXVIII, CDXXIX, CDXXX, CDXXXI, CDXXXII, CDXXXIII, CDXXXIV, CDXXXV и CDXXXVI. Всѣ эти стихотворенія написаны Авторомъ во время пребыванія его въ Венеціи въ 1853 году и напечатаны *Въ Дорогѣ и Дома* (1862 г.), стр. 177—198.

CDXXXVII. *Къ ружью!* Спб. 1854 in 8°. 31 декабря 1853. Князь П. А. Вяземскій изъ Карлсруэ отправилъ это стихотвореніе при письмѣ къ П. С. Нахимову и князю В. О. Бебутову. Подъ 15 февраля 1854, Авторъ отмѣтилъ въ своей *Старой Записной книжкѣ*: „Получилъ милый, скромный отвѣтъ Нахимова на письмо и стихи мои" (*Полн. Собр. Сочиненій*, X, 95, 114).

1854.

CDXXXVIII, CDXXXIX, CDXL. Напечатаны въ брошюрѣ *Къ Ружью!* Спб. 1854.

CDXLI. *Москвитянинъ*. 1854. № 8; существуетъ также *факсимиле* со списка, сдѣланнаго *рукою* княгини В. Ѳ. Вяземской, подъ которымъ рукою Автора означено: Карлсруэ.

CDXLII. Факсимиле, подъ которымъ означено: Карлсруэ.

CDXLIII. Печатается въ первый разъ по копіи.

CDXLIV. *Сѣв. Пчела*, 1854, № 107.

CDXLV. Тамъ же, № 121.

CDXLVI. Печатается съ автографа, подъ которымъ помѣчено „Дрезденъ 1854 г."

CDXLVII. *Заграницею*, *Корректурные листы изъ стихотвореній князя П. А. Вяземскаго*. Карлсруэ. 1859. 8°. *Въ Дорогѣ и Дома*, (1862), стр. 231—233. На сохранившемся черновомъ автографѣ означенъ 1854 годъ.

CDXLVIII. Печатается съ списка, просмотрѣннаго и исправленнаго рукою Автора.

CDXLIX. *Моск. Вѣдом.*, 1854; *Одесскій Вѣстникъ* № 86.

CDL. Печатается со списка. Помѣта: „Канштадтъ $\frac{\text{20 Августа}}{\text{1 Сентября}}$ 1854 г.

CDLI. Печатается съ автографа.

CDLII. *Шесть стихотвореній князя Вяземскаго*. Спб. 1855 г. 8°. Подъ этими стихотвореніями помѣта: Канштадтъ $\frac{\text{30 Августа}}{\text{11 Сентября}}$ 1854 г.

CDLIII. *Въ дорогѣ и Дома* (1862), стр. 141—143. Въ *Старой Записной Книжкѣ* подъ 21 марта 1854 г. записано: „Вчера былъ я въ первый разъ въ жизни въ Баденъ-Баденѣ. Познакомился съ могилою Наденьки, и былъ въ комнатахъ, гдѣ жилъ и скончался Жуковскій". (*Полн. Собраніе Сочин.*, X, 118).

CDLIV. Въ *Дорогѣ и Дома* (1862), стр. 149—155. На спискахъ этого стихотворенія, исправленнаго рукою Автора отмѣчено: „Веве 21 и 28 октября 1854 г."

CDLV. Въ *Дорогѣ и Дома* (1862) стр. 165—168. На черновомъ автографѣ отмѣчено: „Веве 2/14 ноября 1854 г."

CDLVI. Подъ 23 ноября 1854 г., въ *Старой Записной Книжкѣ* отмѣчено: „Писалъ Титову, Варшавскому Нессельроде, и пр. всѣмъ со стихами на болѣзнь Плонъ-Плонъ".

CDLVII. *Извѣстія 2-го отд. Ак. Наукъ III*, 387. *Спб. Вѣдом.* 1854, № 290. Плетневъ писалъ князю Вяземскому, отъ 6 января 1855 года: „Копію вашихъ стиховъ я... отправилъ къ Государю Цесаревичу, который, лишь явился я къ нему на другой день, очень благодарилъ меня, восхищался стихами и—объявилъ, что совѣтовалъ А. Ѳ. Львову заняться сочиненіемъ нотъ для хора". Кромѣ того, Плетневъ читалъ эти стихи въ торжественномъ собраніи Академіи 29 Декабря 1854 г. и „приняты были съ такимъ восторгомъ, что Министръ Просвѣщенія, ничего о нихъ не знавшій, попросилъ меня (т.-е. Плетнева) повторить чтеніе ихъ. Это вторичное чтеніе довершило ваше торжество: въ залѣ разразились общія рукоплесканія, съ основанія Академіи неслыханныя въ важныхъ стѣнахъ ея" (*Сочин. и Перep. П. А. Плетнева*, III, 412, 414, 415).

CDLVIII. *Шесть стихотвореній кн. Вяземскаго.* Спб. 1855 г., стр. 9—13. Подъ стихотвореніемъ помѣчено: „Веве, 1854 г."

CDLIX. Стихотвореніе не окончено. Печатается съ автографа.

CDLX. Печатается со списка, съ помѣтою „1854 г."

CDLXI. Печатается съ черноваго автографа. Стихъ:

„Въ Аксаковѣ прочти поэтику ружья",

даетъ возможность опредѣлить хронологическую дату стихотворенія, ибо въ *Старой Записной Книжкѣ*, подъ 30 августа 1854 года, записано: „Вечеромъ Титовъ читалъ у насъ *Записки Охотника*, отца Аксакова. Очень мило. Свѣжее и глубокое чувство природы. Мастерское описаніе" (*Пол. Собр. Сочин.* X 137).

CDLXII. Печатается съ автографа, на которомъ рукою же автора помѣчено: „Написано во время Крымской войны".

1855.

CDLXIII. Въ *Дорогѣ и Дома* (1862), стр. 127. Въ Автографѣ первые два стиха второй строфы читаются такъ:

Средь юныхъ, невоздержныхъ лѣтъ
Мы любимъ блескъ и пылъ *огня*.

CDLXIV. Печатается съ автографа. Стихотвореніе не окончено.

CDLXV—CDLXVIII. Въ *Дорогѣ и Дома* (1862), стр. 155—160.

CDLXIX. Тамъ же, стр. 160. Въ автографѣ это стихотвореніе читается такъ:

Снѣгомъ путь осеребрился,
Блещетъ, словно яркій лакъ:
Были-бъ санки да рысакъ,—
То-то *бъ славно прокатился!*
Но въ настушескомъ Веве
Ты не сбытенъ сонъ затѣйной!
И *тоскую* по Литейной,
По застывшей льдомъ Невѣ.

CDLXX. Въ *Дорогѣ* и *Дома* (1862), стр. 160—161.

CDLXXI. Тамъ же, стр. 161. Въ черновомъ автографѣ пятый стихъ второй строфы читается:

Здѣсь багряно, *тамъ* янтарно.

CDLXXII. Въ *Дорогѣ* и *Дома* (1862), стр. 162.

CDLXXIII. Тамъ же, стр. 163—164. Вторично оно напечатано было въ *Руси* И. С. Аксакова (1881, № 14) съ слѣдующимъ предисловіемъ Редактора: „Это стихотвореніе, написанное княземъ Вяземскимъ въ альбомъ г-жи де-Штейгеръ въ 1855 году, въ Швейцаріи (въ Веве), печатается нами съ разрѣшенія и по желанію самой г-жи де-Штейгеръ, нынѣ Клаусъ, и прислано намъ изъ Флоренціи чрезъ Ѳ. Д. Косменко, который при этомъ сообщаетъ намъ слѣдующія подробности: „Г-жа де-Штейгеръ, не смотря на свое англійское происхожденіе, знаетъ Россію и питаетъ къ ней большое сочувствіе. Съ княземъ Вяземскимъ она познакомилась за нѣсколько лѣтъ до встрѣчи съ нимъ въ Веве, но еще прежде знакомства съ нимъ, она сошлась съ одною русскою дамою, которая обладала прекраснымъ голосомъ и однажды спѣла въ присутствіи г-жи де-Штейгеръ нѣсколько русскихъ пѣсней. Напѣвъ ихъ произвелъ на молодую англичанку сильное впечатлѣніе, положивъ начало ея симпатіямъ къ Россіи и къ русскимъ, и послужилъ первымъ побужденіемъ къ изученію русскаго языка. Вскорѣ затѣмъ знакомство съ княземъ Вяземскимъ и частыя съ нимъ встрѣчи еще болѣе упрочили въ ней это русское направленіе. Г-жа де-Штейгеръ большую часть жизни провела за границей, имѣла всегда обширный и разнообразный кругъ знакомства, но, по ея словамъ, такіе живые, остроумные, пріятные и интересные собесѣдники, какимъ былъ князь Вяземскій, встрѣчаются рѣдко. Князь руководилъ ея занятіями русскимъ языкомъ и внушалъ ей любовь къ „русскимъ музамъ“. Когда началась потомъ восточная война 1854—1855 г., то, не смотря на разгорѣвшуюся національную вражду между русскими и англичанами, г-жа де-Штейгеръ приняла живое участіе въ нашемъ поэтѣ, когда онъ больной и измученный, въ мартѣ 1855 г. пріѣхалъ въ Веве. Это было тяжелое время для Россіи,—шелъ шестой мѣсяцъ осады Севастополя, только что скончался императоръ Николай. Признательный за участіе, князь Вяземскій и написалъ г-жѣ де-Штейгеръ стихи. Такимъ образомъ, прибавляетъ письмо, русскія пѣсни и русская поэзія

покорили и плѣнили въ пользу Россіи сердце просвѣщенной и независимой англичанки".

CDLXXIV—CDLXXVI. Въ *Дорогѣ* и *Дома* (1862), стр. 164—165, 168—170.

CDLXXVII. Стихи эти написаны въ Штутгардтѣ 1 апрѣля 1855 г. въ день имянинъ княгини Маріи Аѳонасьевны Щербатовой (рожденной Столыпиной). (*Полн. Собр. Соч.* X, 164).

CDLXXVIII—CDLXXX. *Шесть Стихотвореній* князя Вяземскаго. Спб. 1855 г.

CDLXXXI. Въ *Дорогѣ* и *Дома* (1862), стр. 139—141. На черновомъ автографѣ: „Николаю и Владиміру Алексѣевичамъ Мухановымъ".

CDLXXXII. Въ *Дорогѣ* и *Дома* (1862), стр. 137—138. Карлъ Ротшильдъ умеръ 10 марта 1855 года, въ Неаполѣ.

CDLXXXIII. *Полн. Собр. Соч.*, X, 158.

CDLXXXIV. *Складчина.* Спб. 1874 г., стр. 35. На автографѣ помѣта: „Осенью 1855 г.

CDLXXXV. Печатается со списка, на которомъ рукою А. Я. Булгакова отмѣчено: „31 октября день рожденія графа Михаила Юрьевича Віельгорскаго. Экспромтъ кн. Вяземскаго". Въ альбомѣ М. А. Веневитинова это стихотвореніе написано рукою графа Матвѣя Юрьевича Віельгорскаго.

CDLXXXVI. Печатается со списка съ поправками автора, подъ которымъ помѣчено: „С.-Петербургъ. 1855".

1856.

CDLXXXVII. *Русская Бесѣда*, 1856, кн. 2. На спискѣ съ этого стихотворенія съ авторскими поправками, рукою Автора помѣчено карандашемъ: „С.-Петербургъ. Май 1856 г.".

CDLXXXVIII. Въ черновомъ автографѣ. Вторая строфа читается такъ:

Сей храмъ, построенный изъ бревенъ,
Села красою былъ сперва,
Теперь онъ ветхъ, хотя не древенъ,
И не гласитъ о немъ молва.

* * *

Самъ Снѣгиревъ, ключарь преданій,
Паломникъ русской старины,
Не почерпнулъ бы здѣсь сказаній
Изъ лона праздной глубины.

* * *

И ты здѣсь, Солнцевъ, позабудешь
Свой православный карандашъ
Здѣсь вдохновенья не добудешь
И пищи ты ему не дашь.

* * *

Не вьется линій византійскихъ
Кудряво-зодческій узоръ.
Здѣсь просто зодчій всероссійскій
Рубилъ съ плеча родной топоръ.

Первый стихъ третьей строфы:

Той церкви колоколъ незвучно

Четвертая строфа:

Евангеліе не изъ злата,
И бѣдной ризою своей
Не ослѣпляетъ пустосвята
Богатый днями іерей.

* * *

Но *церковь та биткомъ набита,*
Народъ *и паперть* обступилъ,
И голосъ сельскаго левита
Сердца къ молитвѣ возбудилъ.

Четвертый стихъ, седьмой строфы:

Въ сіяньи доброхотныхъ свѣчъ

Первые два стиха восьмой строфы:

Открыты окна: *съ поля дышитъ*
Душистой свѣжестью деревъ.

Второй и третій стихъ одиннадцатой строфы:

Треть жизни время унесетъ
И впечатлѣнія остынутъ,

Четвертый стихъ двѣнадцатой строфы:

Свой, посѣщающій приходъ,

Четырнадцатая строфа:

Ни что не стерлось въ тѣмъ забвенья:
Гляжу на нихъ, какъ въ оный день,
И свѣжестью успокоенья
Съ нихъ на душу ложится тѣнь.

Подъ стихотвореніемъ помѣчено: „Іюнь, 1856“.

CDLXXXIX. Печатается со списка, на которомъ помѣчено: „1856“.

CDXC. Эти стихи были присланы авторомъ къ Алексѣю Владиміровичу Веневитинову, при слѣдующемъ къ нему письмѣ изъ Митавы, отъ 15 іюня 1856 года: „Риѳмы и шутки въ сторону. Не знаю какъ васъ и благодарить, любезнѣйшій Алексѣй Владиміровичъ, за оказанное вами одолженіе. Одно меня смущаетъ: это страхъ засорить, загадить вашъ красивый и уютный дормезъ. Впрочемъ, надѣюсь возвратить около 26 или 27 іюня. Провожу здѣсь время тихо и пріятно на лонѣ моего третьяго поколѣнія. А вы какъ поживаете въ одиночествѣ своемъ? Надѣюсь, что получаете добрыя вѣсти отъ своихъ странствующихъ. Пока простите. Если Богъ дастъ, то до скораго свиданія. Душевно и неизмѣнно преданный. Вяземскій“ (Сообщено сыномъ А. В. Веневитинова, Михаиломъ Алексѣевичемъ).

CDXCI *Изв. Имп. Ак. Наукъ.* 1857. V. Прибавл.

CDXCII. Печатается со списка, на которомъ помѣчено: „1856“.

1857.

CDXCIII. *За Границею.* Корректурные листы изъ стихотвореній князя П. А. Вяземскаго. Карлсруэ. 1859 г. *Въ Дорогѣ и Дома* (1862), стр. 128—133. На спискѣ съ стихотворенія помѣчено „іюль 1857“.

CDXCIV. *Пять стихотвореній* князя П. А. Вяземскаго. Спб. 1858. *Въ Дорогѣ и Дома* (1862), стр. 228—229. На автографѣ сдѣлана слѣдующая помѣтка: „24 іюня 1857. Петергофъ. На дачѣ Ольденбургской".

CDXCV. Печатается съ автографа. Неокончено. Посвящено графу Михаилу Юрьевичу Віельгорскому.

CDXCVI. *Пять Стихотвореній князя П. А. Вяземскаго.* Спб. 1858 г. *Въ Дорогѣ и Дома* (1862), стр. 264—266. *Въ Старой Записной Книжкѣ*, подъ 26 октября 1857, отмѣчено. „Остафьево. Былъ у обѣдни. Крестьянская сходка. Просятся на оброкъ. Гулялъ, писалъ стихи" (*Полн. Собр. Соч.*, X, 171). Черновой автографъ этого стихотворенія хранится въ *Собраніи Автографовъ Императорской Публичной Библіотеки.*

CDXCVII. Печатается со списка, на которомъ помѣчено: „По выѣздѣ изъ Москвы на желѣзной дорогѣ 1857". *Въ Старой Записной Книжкѣ* „подъ 28 октября 1857 г.", отмѣчено: „Изъ новыхъ знакомствъ: Княгиня Черкасская, *Викторина*" (*Полн. Собр. Соч.* X, 172).

1858.

CDXCVIII. Печатается съ автографа.

CDXCIX. *Пять Стихотвореній князя П. А. Вяземскаго.* Спб. 1858. *Въ Дорогѣ и Дома* (1862), стр. 215, 216. Стихотвореніе это посвящено Императрицѣ Маріи Александровнѣ (*Соч. и Переп. П. А. Плетнева*, III, 468).

D. *За Границею.* Корректурные листы изъ стихотвореній князя П. А. Вяземскаго. Карлсруэ. 1859. *Въ Дорогѣ и Дома* (1862), стр. 219. Подлинникъ этого стихотворенія хранится у Великаго Князя Сергія Александровича.

DI. *Въ Дорогѣ и Дома* (1862), стр. 46—51. На спискѣ, съ авторскими поправками, рукою Автора написано: „Копія послана къ Плетневу чрезъ Титова". Въ концѣ помѣчено: „17 мая 1858". Черновой автографъ этого стихотворенія хранится въ *Собраніи Автографовъ Императорской Публичной Библіотеки.* Противъ напечатаннаго представляются слѣдующіе варіанты:

1. Строфа II, ст. 4.
   Въ грудь льется сладкою струей
2. Строфа IV, ст. 3.
   Раздается въ благовѣстѣ звучномъ
3. Строфа VIII, ст. 4.
   И хламъ, и свѣжая мечта.
3. Строфа IX, ст. 3,
   Однообразіе и скрытность

DII. *Въ Дорогѣ и Дома* (1862), стр. 278. На спискѣ, сдѣланномъ рукою княгини М. А. Вяземской, помѣчено: „май, 1858".

DIII. *Въ Дорогѣ и Дома* (1862), стр. 278—280.

DIV. *Наше Время*, газета Н. Ф. Павлова, 1860, № 2. *Изв. Имп. Ак. Наукъ*, т. VIII, стр. 310: *Въ Дорогѣ и Дома* (1862), стр. 340—342. На спискѣ помѣчено: „14 іюня 1858 г."

DV. *С.-Петербургскія Вѣдомости* 1858, № 146, съ слѣдующимъ примѣчаніемъ редактора: „Стихотвореніе это написано за два дня до смерти А. А. Иванова, который скончался, не узнавъ объ его существованіи". Стихотвореніе помѣчено: „30 іюня 1858". *Въ Дорогѣ и Дома* (1862), стр. 257—259. Плетневъ предлагалъ въ этомъ стихотвореніи сдѣлать слѣдующія измѣненія: въ первой строфѣ предпослѣдній стихъ:

Отъ язвъ *грѣховныхъ* бытія

Въ четвертой строфѣ, третій стихъ:

Промышленныхъ и *низкихъ* сдѣлокъ,

Въ предпослѣдней строфѣ, предпослѣдній стихъ:

Древамъ, растущимъ безъ плода

Въ послѣдней строфѣ, второй и третій стихъ:

Надеждою и страхомъ потрясенный
Верблюжьей кожей покровенный

„Извините, князь", писалъ Плетневъ, „за избытокъ усердія. Прекрасное такъ заманчиво, что и нѣмые разверзаютъ уста" (*Соч. Перep. П. А. Плетнева*, III, 464).

DVI. *Въ Дорогѣ и Дома* (1862), стр. 259—263. По поводу этого стихотворенія Плетневъ писалъ князю Вяземскому: „Беру смѣлость посягнуть на первыя три строфы прекраснаго стихотворенія вашего. И онѣ прекрасны; но въ теперешнемъ видѣ затемняютъ картину. По моему мнѣнію, должны на сцену выйти только два дѣйствительныя лица: Тассъ и Ивановъ. Но въ первыхъ строфахъ является неопредѣленное, метафизическое лицо, которое читатель непремѣнно приметъ, или за самого Иванова, или за Тасса. Если же вамъ захочется удержать эти три строфы, то нельзя ли гдѣ-нибудь намекнуть въ нихъ, что рѣчь идетъ о Тассѣ. Если же прямо начать стихотвореніе четвертою строфою, то вся передѣлка состоять будетъ въ слѣдующей поправкѣ ея втораго стиха, а именно:

Собрались мы къ тебѣ, верховный жрецъ!

(стр. 463).

DVII. *За Границею*. Корректурные листы изъ стихотвореній Князя П. А. Вяземскаго. Карлсруэ. 1859. *Въ Дорогѣ и Дома* (1862), стр. 286—289.

DVIII. Тамъ же, *Въ Дорогѣ и Дома* (1862), стр. 268—269. Плетневъ писалъ Князю Вяземскому: „Тютчевъ совѣтуетъ вамъ перемѣнить одно слово, а именно, гдѣ сказано:

Тамъ красный свой хребетъ и огненное жало...

Лучше поставить такъ:

Тамъ красный *гребень свой* и огненное жало.

(*Сочин. и Перep. П. А. Плетнева*, III, 470).

DIX. Печатается со списка.

DX. *За Границею*. Карлсруэ, 1859. *Въ Дорогѣ и Дома* (1862), стр. 290—291.

DXI. Печатается со списка, на которомъ помѣчено: „Карловары. 20 сентября, 1858 г."

DXII. *Въ Дорогѣ и Дома* (1862), стр. 119.

DXIII. *За Границею*. Карлсруэ, 1859. *Въ Дорогѣ и Дома* (1862), стр.

120—123. Подъ стихотвореніемъ помѣчено: „Октябрь, 1858". Въ *Старой Записной Книжкѣ*, подъ 21 и 22 октября: „Выѣхали изъ Карлсбада. Дорогою любовались кометою. Пріѣхали въ Дрезденъ. Дорогою также любовались кометою".

Пароходъ подъ темной бездной etc. (*Полн. Собр. Сочин.*, X, 212). „Неужели Князь", писалъ Плетневъ, „неозаботитесь вы подѣлиться этою новою прелестью вдохновенія съ Особою, про которую сами же сказали:

Когда въ душѣ темно и жизнь себѣ не рада,
Вдали, на высотѣ, имъ свѣтится лампада,
Лучъ примирительный таинственной звѣзды,
И жизнь идетъ бодрѣй на новые труды.

До печати ждать долго. А молва дойдетъ и туда. Какъ же назовутъ вашу скрытность". *(Сочин. и Перер. П. А. Плетнева*, III, 468—469).

DXIV. Въ *Дорогѣ и Дома* (1862), стр. 270—271. Стихотвореніе это было отправлено Княземъ Вяземскимъ М. П. Погодину, при письмѣ отъ 6 декабря 1858 г. Подъ стихотвореніемъ значится: „Ницца Ноябрь, 1858 г."

1859.

DXV. Въ *Дорогѣ и Дома* (1862), стр. 171—172.

DXVI. *За Границею*. Карлсруэ. 1859. Въ *Дорогѣ и Дома* (1862), стр. 172—173. Подъ стихотвореніемъ означено: „10 февраля 1859."

DXVII. *За Границею*. Карлсруэ, 1859. Въ *Дорогѣ и Дома* (1862), стр. 173—175.

DXVIII. Въ *Дорогѣ и Дома* (1862), стр. 175—177.

DXIX. Печатается съ автографа, на которомъ сдѣлана Авторомъ слѣдующая замѣтка: „Мое мнѣніе о нынѣшней войнѣ Французовъ противъ Австріи въ Италіи. Писано во время поѣздки моей на театръ войны въ Генуя, Туринъ". Стихотвореніе помѣчено рукою В. П. Титова: „Ницца. Май, 1859".

DXX. Печатается съ автографа. Въ *Старой Записной Книжкѣ*, подъ 2 іюня 1859 г. отмѣчено: „Ѣздилъ въ Ферней. Великолѣпная радуга". (*Полн. Собр. Сочин.*, X, 227).

DXXI. Печатается съ автографа. Это стихотвореніе написано въ Женевѣ 14 іюня 1859 г. (*Записная Книжка* 25, стр. 31. Рукоп.).

DXXII. Печатается съ автографа. Посвящено императрицѣ Маріи Александровнѣ. Стихотвореніе помѣчено: „Гейдельбергъ. Октябрь, 1859 г."

DXXIII. Въ *Дорогѣ и Дома* (1862), стр. 101—106. Фарнгагенъ фонъ-Энзе умеръ 10 октября 1858 г.; а Александръ Гумбольдтъ—6 іюня 1859 г.

DXXIV. Въ *Дорогѣ и Дома* (1862), стр. 297.

1860.

DXXV. Напечатано на отдѣльномъ листкѣ съ цензорскою помѣтою: 15 января 1860 г.

DXXVI. и DXXVII. Въ *Дорогѣ и Дома* (1862), стр. 326, 305—306.

DXXVIII. Въ *Дорогѣ и Дома* (1862), стр. 306—307. На автографѣ помѣчено: „16 мая 1860".

DXXIX. „*Деревенскій Праздникъ*". 22 іюля 1860 г. С.-Петербургъ. Въ Типографіи Императорской Академіи Наукъ. 1860 г. in 8o съ виньеткою.

DXXX. „*Деревенскій Праздникъ*". 28 іюля 1860 г. С.-Петербургъ. Въ Литографіи Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. 1860 г. in 8o.

DXXXI. Въ *Дорогѣ и Дома* (1862), стр. 350—355.

1861.

DXXXII. На черновомъ автографѣ помѣчено: 19 февраля 1861 г.; потомъ цифра 19 зачеркнута карандашемъ рукою Автора.

DXXXIII. *Юбилей Кн. Вяземскаго.* Спб. 1861, стр 40—44. *Въ Дорогѣ и Дома* (1862), стр. 343—348.

DXXXIV. Печатается съ автографа. Авторомъ въ этомъ стихотвореніи зачеркнуто слѣдующее:

Со всѣхъ сторонъ сбѣжалась плеба
Литературныхъ забіякъ
И *отуманеннаго неба*
На насъ сошелъ зловѣщій мракъ.
Но подъ дождемъ ихъ всѣхъ ругательствъ,
Не возмущаемо стоимъ:
Непромокаемыхъ сіятельствъ
Имъ не пугнуть дождемъ своимъ.
Вотъ тутъ-то мы аристократы
И не сойдемъ съ своей среды,
Хоть грозно будь на насъ подъяты
Всѣ перья площадной вражды.
Намъ чужды вопль ватагъ нахальныхъ
И черни уличной орда;
Но чернь всѣхъ таборовъ журнальныхъ
Еще намъ болѣе чужда.
Пускай бушуютъ злыя дѣти,
И пишутъ бѣшено они
Не могъ я дочитать и трети
Ихъ безконечной болтовни.
Не за себя мнѣ стало стыдно,
Не за *твою* страдалъ я честь,
А за Россію, гдѣ какъ видно
Подобнымъ вракамъ мѣсто есть.

DXXXV. Съ автографа.

DXXXVI. Съ автографа.

DXXXVII. *Въ Дорогѣ и Дома* (1862), стр. 324.

DXXXVIII. Съ автографа.

DXXXIX. Съ автографа.

DXL. *Въ Дорогѣ и Дома* (1862), стр. 323.

DXLI. *День*, 1861. № 2. *Въ дорогѣ и Дома* (1862), стр. 276—277.

DXLII. Со списка, на которомъ помѣчено: „Москва, 1861 г., Іюня 15 четвергъ".

DXLIII. *Русскій Вѣстникъ*, 1861. XXXIV, стр. 333. *Въ дорогѣ и Дома* (1862), стр. 224—225.

DXLIV. Со списка, писаннаго карандашомъ, на которомъ означено: „1861".

DXLV. *Русскій Вѣстникъ*, 1861. XXXIV, стр. 697. *Въ дорогѣ и Дома* (1862), стр. 307—309.

DXLVI. *Современная Лѣтопись* Русскаго Вѣстника, 1861. № 22. *Въ Дорогѣ и Дома* (1862), стр. 310—311.

DXLVII. Со списка, на которомъ означено: „Ц. Село 22 Н. 1861". Другой списокъ сдѣланъ княгинею В. Ѳ. Вяземскою.

DXLVIII. Съ автографа.

1862.

DXLIX—DLI. *Въ дорогѣ и Дома* (1862), стр. 295—296, 200.

DLII—DLVI. *Въ Дорогѣ и Дома* (1862), стр. 228, 230—231, 233, 234, 239, 240 и 241.

DLVII. *Въ Дорогѣ и Дома* (1862), стр. 266—268. Стихотвореніе это ошибочно помѣщено подъ 1862 годомъ; такъ какъ въ черновомъ автографѣ, хранящемся въ *Собраніи Автографовъ Императорской Публичной Библіотеки*, помѣчено: *Іюль, 1857 г.* По сличеніи напечатаннаго въ *Въ Дорогѣ и Дома* съ упомянутымъ автографомъ оказались слѣдующія варіанты:

Строфа 1-я, ст. 2:

Проторилъ

Стр. 3, ст. 3.

Иль сей слѣдъ сердечной тайны
Молча повѣсть сохранилъ.

Стр. 11, ст. 2:

Этихъ слезъ ей ядъ горючъ.

Стр. 13, ст. 1—2:

Вся въ лохмотьяхъ и съ лукошкой,
Вся въ морщинахъ, мухоморъ.

DLVIII—DLXVI. *Въ дорогѣ и Дома* (1862), стр. 285—286, 291—295, 297—305 311—313.

DLXVII. Съ автографа.

DLXVIII—DLXXXIV. *Въ Дорогѣ и Дома* (1862), стр. 314—323, 325—340, 143—148, 201—202.

Въ Дорогѣ и Дома (1863), стр. 318—319. *Въ старой Записной Книжкѣ* мы находимъ слѣдующую замѣтку: „Ломоносовъ сказалъ:

Заря багряною рукою!

Это хорошо, только напоминаетъ прачку, которая въ декабрѣ мѣсяцѣ моетъ бѣлье въ рѣкѣ. Это à propos людей, которые повторяютъ, что *желѣзныя дороги* удивительнымъ образомъ сократили пространства и сблизили разстоянія, а иные вольнодумцы, libres penseurs, еще добавляютъ *по моему мнѣнію* (*Полн. Собр. Сочин.* X, 187).

Николай Барсуковъ.

17 Іюня 1887 г.
С.-Петербургъ.